

Влад Райбер

ЛЕЗВИЕ ЭРЫ

Что если всё вокруг выглядит устойчивым только потому, что мы чего-то не знаем? Мир в сознании Эры казался несокрушимым. Девочка приняла как данность, что она обычный подросток и всего лишь рядовая ученица средней школы провинциального городка. Она не задумывалась, почему не помнит своего прошлого, не верила слухам о выродоке ночи и изо всех сил старалась не замечать навязчивых галлюцинаций. Эра хотела остаться такой, какой привыкла быть, но панорама самообмана разрушалась на части. Её мир пошатнулся.

Глава 1. Ангел на операционном столе

Застыв в неудобной позе, Инна дремала, прижавшись щекой к холодному стеклу. От напряжения лицо молодой женщины казалось сердитым: брови сдвинуты, губы поджаты, отчетливо видна каждая из первичных морщинок. Женщина то вздрагивала, то съеживалась, как котенок, хотя спать в автобусе по дороге на работу было для нее привычным делом. Ей снилось море. Женщина никогда не была на юге, но в эту минуту ей вдруг пригрезилось, будто её тело из стороны в сторону качают бесшумные темно-синие волны. Тревожный сон. Без мыслей и сюжета. Инна балансировала на волнах сна и реальности, пока автобус здорово не встряхнуло, подбросив на ухабе. Женщина тут же проснулась, едва не соскользнув с сидения в проход. В этот миг ей показалось, что её подхватил мощный прилив и вышвырнул из воображаемой морской пучины.

Очнувшись, Инна ощутила тяжесть в висках и легкую тошноту — привычные последствия беспокойного сна. Женщина приложила лбом к запотевшему от дыхания стеклу, пытаясь окончательно избавиться от одолевающей дремоты и выкинуть из головы неприятное сновидение. Но среди мелькающих огней за окном и чуть смазанных очертаний елей утопающего в сумерках городского парка ей все еще мерещились кипящие темные волны. И почему в этом тихом сумраке висит ощущение беспокойства? Ведь впереди точно такая же тихая ночь, такая же, как была вчера, в которую, как обычно, ничего не произойдет. Пусть и бессонная ночь.

Очередная ночная смена в больнице — рутинное дело для медсестры со стажем. А ведь когда-то эти дежурства казались Инне тяжелыми. Совсем ещё тогда молоденькой была. Как Марина сейчас. И такая же была пугливая, суетилась то и дело, боялась что-нибудь перепутать. Но то была совсем другая Инна, не та, что сейчас — отрешенная и замкнутая. Даже общение с людьми потеряло всякий соблазн. А ведь была ещё той сплетницей. Где теперь это всё? Где та прежняя Инна? Веселая, жизнелюбивая. Ничего не интересно, ничего не нужно. Ненавистные ночные смены и те стали куда предпочтительней пустой квартиры, где уже несколько лет висит жестокая тишина. Инна боялась этой тишины. Она напоминает о пережитом горе. Даже сейчас, спустя годы, боялась остаться с собой наедине. Но в то же время она вовсе не испытывала жажды общения. Достаточно обменяться приветствиями с коллегами, обмолвиться парой слов с этой неугомонной выпускницей медицинского колледжа Мариной, которая то и дело докучает глупыми вопросами. А ведь эта девушка единственная, кто не замечает нелюдимость Инны. «Странная она, неопытная. Суетится из-за мелочей. Нашла кого поставить в авторитеты», — вдруг подумала женщина, и в дремлющем сознании мелькнуло улыбочливое лицо юной девчонки.

А ведь такой могла стать ее дочь. Тоже бы окончила колледж, а может быть, и институт, стала бы настоящим врачом, как мечтала сама Инна ещё до беременности. Могла вырасти,

повзрослеть. Если бы не эта ужасная трагедия... С того дня все окрасилось в черные тона. Все потеряло смысл. Будто бы Инна сама умерла вместе со своей маленькой девочкой. Первые несколько месяцев было особенно тяжело. Не только ей. Мама Инны сильно убивалась, даже винила себя в произошедшем. Подчас казалось, что бабушка скорбит по внучке вдвое сильнее. На самом деле она просто не сдерживала своих эмоций. Инна же все намеренно держала в себе и выглядела спокойной. Вскоре умерла и мать Инны.

— От горя, — уверенно заявляли соседские старушки.

Нет, мама умерла от инсульта. Кому, как не Инне, было знать, что умереть от горя, увы, нельзя. Как бы ни был силен этот яд, он лишь вызывает агонию, но не убивает. Потерю мамы Инна перенесла легче. Это было ожидаемо. И в этот раз смерть не принесла горечи. Напротив, ураган эмоций зачах, и в сердце вселилась пустота. Однако Инна продолжала ходить на работу, а также не изменяла своим увлечениям: слушала музыку, читала книги и даже иногда посещала кинотеатр, но это была уже не она. Совсем не та. Это была женщина с потухшими глазами. Ничего не осталась в пустой оболочке, душа рваной тряпкой повисла где-то далеко в прошлом, зацепившись за своё несчастье. Кратковременные проблески сознания случались изредка. Бывало, что женщина сама пугалась собственной меланхолии. Даже пыталась утешать себя верой в то, что время способно заживить раны. Однако минуло больше двух лет с тех пор, как её дочери не стало, а боль не утихла. В конце концов, Инна научилась уживаться с этим, но не привыкла. Как оказалось, существует боль, которая не проходит никогда. Такие раны не заживают, а лишь покрываются тонкой корочкой. Стоит лишь коснуться ее, и она вновь будет кровоточить. Оставалось лишь терпеливо проживать свой собственный срок без всякого интереса к жизни и без какой-либо цели. Казалось, другого варианта не было. Да и нужен ли он, другой вариант?

Автобус шумно закряхтел, сбавил ход и лениво подполз к остановке. Вновь задремавшая Инна ударилась о спинку переднего сидения, вскочила с места и поспешила покинуть салон, пока двери не захлопнулись. Подмигнув напоследок красными огоньками габаритов, «желтенькая буханка» медленно уплыла в темноту, оставив после себя облако едкого дыма. Инна застыла у полустертой зебры. Замерла, словно статуя, устремив деспотичный взгляд сквозь небесное пространство. Будто исчезла на какое-то время, и улица стала совсем пустой.

Инне вдруг вспомнилось то редкое явление, что ей сегодня посчастливилось увидеть. Странно, от чего это вдруг всплыло в голове? Когда увидела, и внимания не обратила, а сейчас оцепенела, будто вспомнила что-то очень важное. Падающая звезда. Яркая линия на фоне темного неба. Мелькнула и пропала. Точно так же, как и впечатление Инны — женщина забыла увиденное сразу же после того, как явление исчезло. Но почему вспомнила сейчас, спустя полчаса? Что-то внутри затрепетало, и её пронзило какое-то странное, давно забытое чувство... Что это? Волнение? Женщина попыталась отбросить от себя эти мысли, но ничего не получилось. Падающая звезда снова и снова в ее сознании срывалась с неба и исчезала где-то далеко за макушками деревьев старого городского парка. Было в этом какое-то волшебство. Нечто манящее, даже интригующее. Когда падают звезды, люди загадывают желания. Какой вздор! И всё-таки...

Но разве в чахлом, законсервированном, измученном болью, а может быть и вовсе давно утерянном сердце есть место для каких-то желаний? Ну, разве что выпить кофе и съесть что-нибудь сладкое? Что ещё? Больше никаких желаний, никаких предпочтений. Когда последний раз мысли были заняты мечтами? Было ли такое вообще когда-нибудь? Должно

быть, да. Было, но очень давно. От чего это волнение? Неужели хочется вспомнить об умении мечтать? Должно же быть что-то такое, чего очень хочется. А быть может, всё на самом деле просто? Да! И почему эта мысль раньше не приходила ей в голову? Почему, потратив столько времени на поиски спасения от скорби, она ни разу не подумала об этом? Жизнь может снова наполниться смыслом, если Инна снова станет мамой. Разве нет? Может быть, и глупая, однако очень простая мысль. Безумие! Предательство! Но все-таки шанс на спасение. Жизнь снова может стать жизнью. Разве это не прекрасно? В душе женщины блеснула волнующая искорка, необъяснимое трепетное чувство захлестнуло ее. А ведь она, и правда, хочет этого! Хочет иметь ребенка, заботиться о нем, посвятить ему свою жизнь, и это желание вполне осуществимо. Она ведь ещё молода. Ей всего двадцать восемь, выглядит даже моложе своих лет. Она привлекательна. Несомненно, привлекательна для мужчин... «Нет, только не мужчины!» — Инна вдруг осеклась, а ведь уже почти поверила в правильность своих размышлений. Ещё немного — и у неё бы появилась мечта, но внезапно накотившая надежда утратила свою привлекательность, как только женщина вспомнила своего первого и единственного мужчину.

Инна всегда вспоминала его с большой неохотой. Он вовсе не был плохим человеком, напротив, этот парень испытывал к молоденькой медсестричке искренние чувства, и намерения его были вполне серьезными. Это было заметно. Однако Инна не могла ответить тем же. Тогда-то она и усвоила, что, увы, никогда не сможет ужиться с мужчиной. Не хотелось обижать кавалера, вот и принимала его ухаживания, стараясь быть благодарной. Тем не менее, однажды всё-таки пришлось разбить сердце молодому человеку. Появилась веская причина, ставшая радостью и потрясением для Инны. В двадцать лет Инна узнала о своей беременности. А тот парень так и не узнал, что был отцом. Не узнал о рождении малышки. Повезло ему всё-таки, что ничего не узнал.

Инна отбросила свои размышления. Теперь они казались абсурдными, однако что-то внутри подсказывало ей, что она еще вернется к этим мыслям. Вряд ли когда-нибудь сделает шаг к их осуществлению, но будет терзать себя фантазиями о ребенке.

Женщина вдруг обнаружила, что дрожит от холода. Сколько же времени она так простояла на пустой улице? Должно быть, не меньше десяти минут. Эти странные мысли ввели её в ступор. Отпечаток от бушующих эмоций никак не хотел исчезать. Инна вспомнила, что существует ещё искусственное оплодотворение. «Или ребенка, в конце концов, можно усыновить... Глупости какие в голову лезут», — думала Инна, шагая в сторону темной фигуры четырехэтажной больницы. Оказывается, и несчастье может стать обыденностью, которую не так просто сразу поменять на что-то иное.

Войдя в госпиталь через приемный покой, Инна тут же столкнулась с Мариной. Девушка медленно брела по сумрачному коридору с подносом в руках. При каждом шаге белые полы ее незастегнутого халата разлетались в разные стороны. Вид у неё был какой-то нездоровый: бледное лицо её в подрагивающем свете казалось чуть зеленоватым. Тонкие руки, сжимающие края подноса, слегка тряслись, словно от тяжести, хотя на подносе были лишь пара шприцов, иглы и трубки для внутривенного вливания.

— Привет, — тихо сказала Инна.

— Ой, здравствуйте, — опомнилась девушка, будто бы только заметила женщину.

Что-то с ней сегодня не то. Вялая какая-то, обессиленная, но возбужденна, судя по лицу. Глаза так и бегают. Видимо, снова пришлось выполнять то, чего не было на практике в колледже. Ох уж эти впечатлительные новички.

Марина остановилась в нескольких шагах от Инны и впиалась в нее огромными, как у рыбы, глазами. И вправду напугана, даже подбородок трясется, а поднос так и лязгает от дрожи.

— Чего ты? — удивилась женщина. — Забыла куда шла?

— Игорь Викторович, — только и смогла произнести Марина.

— Что Игорь Викторович? Ты какая-то странная сегодня. Заболела? — процедила женщина.

— Нет, нет! Я здорова! Со мной всё хорошо! — словно сама себя убеждала девушка.

На самом деле сейчас Инне не было дела до молодой медсестры. Какая разница, чем на этот раз озадачил Марину главврач, ей сейчас все в новинку, всё страшно, всё непонятно. Пусть привыкает. Хватит уже стажировки, и так с ней бегала, как курица с яйцом, пора бы уже Марине самой руку набивать. Пусть к самостоятельности приучается.

Инне совсем не хотелось сразу же нырять в работу, не успев переодеться и толком согреться. Лучше бы сейчас сесть куда-нибудь в теплый уголок. Пусть даже на пост дежурной. Ночью всё равно редко кто-то вызывает. Хорошо бы посидеть в тишине и покое, полистать старенький журнальчик. Что угодно, лишь бы не суета. Но молодой медсестре, очевидно, было чем поделиться. Всем своим видом Марина давала понять, как хочет, чтобы женщина поинтересовалась, чем она так взволнована.

— У нас тут такое творится, — так и не дождавшись вопроса, сказала Марина. — Вы просто не поверите!

— Что же? — Инна сдвинула брови, изобразив заинтересованность. Хотя на самом деле только и думала, как поскорее отвязаться от Марины и пройти к гардеробу.

— Пациент у нас в тяжелейшем состоянии, — едва ли не шепотом сказала Марина. — Ничего подобного никогда не видела!

Теперь молодой девушке удалось заинтриговать Инну: «Это печально. Что произошло с беднягой?».

Марина приблизилась к женщине ещё на шаг и, встав на цыпочки, горячо зашептала ей на ухо, словно старой подруге:

— Тут такое дело. Ужас! Не знаю, как и объяснить... Не поверите!

— Да подожди ты, — Инна взяла Марину за плечи и оттеснила в сторону, та даже уронила поднос.

— Вот растяпа! Дай хоть пальто сниму! И мы, по-моему, давно уже на ты перешли. Что ты мне всё выкаешь?

— Пойдите, пойдите, — чуть ли не вприпрыжку понеслась медсестричка за Инной по коридору. И поднос поднять не потрудилась. — Вы бы... Ты бы видела! Она же вся в ожогах. Как уголь, черная, живого места нет. Но живая! Дышит! Да и кости все переломанные. Говорят, свалилась откуда-то. Уж не с неба ли!

— Кто?!

— Я же рассказываю, а Вы... Ты!.. Ничего не слушаешь. Девочка какая-то. Сто процентов ожогов и жива.

— Бедненькая, — серьезно сказала Инна. Ей и впрямь было жаль ребенка. — Сейчас-то уж, наверное, умерла уже. Странно, что вообще живой доставили. С такими ожогами не выживают...

— Да нет же! Живая она. Давно уже привезли, а она всё жива. Представляете?! Я видела всё это своими глазами. Она, как уголь.

Марина так и юлила вокруг, так и подпрыгивала на месте. «Не померещилось ли ей чего-нибудь от шока? Молода она ещё, чтобы холодно наблюдать жертв несчастных случаев. Не мешало бы ей сейчас успокоительного принять», — подумала Инна.

— Упокойся ты, Марин. Так не бывает. Колледж свой вспомни. Ожоги любой степени площадью более пятидесяти процентов несовместимы с жизнью, — попыталась вразумить Инна, процитировав медицинский справочник. — А если обуглено всё тело, то тут и говорить не о чем. Даже самый непутевый первокурсник это знает. Вспомни про первичную остановку дыхания от высокой температуры. А ожоговый шок? А дыхательная недостаточность?

«Нет, видимо бедная девочка и впрямь не в себе. Надо бы её успокоить», — женщина сняла с плеча сумочку — где-то на дне должен быть пузырек с валерьянкой. И Тарину надо сказать, чтобы пока не брал малолетку на подобные операции. Рано ей ещё, тут особая подготовка нужна.

— Эта девушка до сих пор жива, кроме того, у неё нормальный пульс и температура. Она там — в операционной — лежит, одна, — не унималась Марина. — А Игорь Викторович убежал. Сказал, что-то понесет в лабораторию анализировать. А я одна, я боюсь!

— Что?! Тарина нет? Куда его понесло? — не на шутку удивилась Инна.

Даже разволновалась. Внутри всё сжалось от какого-то странного предчувствия, и в мыслях почему-то снова мелькнула та самая падающая звезда. Будто бы не случайно.

— Убежал! Говорю тебе!

— Куда?!

— Не знаю! Сказал в лабораторию какую-то.

— И ты одна? Кто ещё есть?

— Вы... Ты и я. Ольга Юрьевна не вышла сегодня. Других врачей тоже нет, давно на какой-то вызов уехали. В перевязочной, может, кто-нибудь дежурит. Ну, и охранник. Спит, — Марина уже чуть ли не заикалась. — С девочкой-то что делать? Я туда не пойду. Я боюсь до смерти!

— Так-так, успокойся ты, наконец, — сказала Инна, хотя сама едва не дрожала от волнения. — Раз такое дело. Сейчас пойду и посмотрю, а ты иди, посиди где-нибудь. Игорь Викторович, наверное, скоро вернется, если уже не вернулся.

— И лицо всё черное, и руки. Страшно! — уже громче произнесла Марина.

Женщина наспех расстегнула пальто, швырнула его вместе с сумочкой на стул, на котором в дневные смены сидит гардеробщица. Вдруг девочка правду говорит? Что такое могло произойти, от чего даже главврач пришел в замешательство? Вот дела!

— Марин, иди-иди, отдыхай скорее. Сейчас я погляжу, позвоню кому-нибудь.

Но девушку словно прорвало:

— Тот парень, который скорую вызвал... Ну, он эту девочку нашел. Говорил, что она сверху свалилась. В огне! Прямо перед его ногами упала.

Как только Инна услышала эти слова, её сердце встрепенулось, как испуганный кролик. Падающая звезда, словно мечом, рассекла небо на две части и исчезла за макушками деревьев старого парка. Этого не может быть!

— Где это произошло? Ты знаешь, где нашли девочку? — нетерпеливо и громко спросила женщина.

Эмоции рвались, словно волны в бушующем море, это было странно даже для самой

Инны. Никогда раньше она так не возбуждалась и всегда сама себя считала спокойным и уравновешенным человеком. «И чего это я завелась?» — одернула себя женщина, однако побороть волнение не получилось.

— Не знаю точно. В южной части города, кажется. Знаю, что в парке каком-то, — уже более спокойно ответила молодая медсестра.

Инна больше не желала ничего слушать. Ей вдруг сию минуту захотелось увидеть подтверждение тому, что рассказала девушка. Довольно разговоров. Маринину болтовню можно слушать не час и не два. Надо всё своими глазами увидеть.

— Стой, стой! Не ходи туда! Врача подожди! Самой не надо ходить, — махала руками медсестричка, но не пыталась догнать Инну.

Женщина прошла через холл и решительно надавила на кнопку вызова лифта.

— Не волнуйся ты так. Съест меня полумертвый человек что ли? Я только посмотрю, что там такое, — заверила Инна, хотя у самой сердце в пятки ушло.

В том числе и от нетерпения тоже. Хотелось поскорее узнать, привиделось ли все это молодой девушке или на самом деле произошло что-то фантастическое. Казалось, лифт идет целую вечность. Инна снова и снова давила на кнопку, пока двери не открылись перед ней. Лифт-то старый. Весь грохочет, и двери приходится придерживать, когда поднимаешься, чтобы не застрять. Давно бы уже пора починить. Больница называется...

Наконец-то, третий этаж. Так же тихо, как и на первом. Лишь из глубины коридора доносилось тихое гудение неисправной лампы, время от времени прерывающееся отрывистыми щелчками. Лампа над дверьми операционной вспыхивала фиолетовым светом и снова гасла. Будто подмигивала, призывая подойти ближе. И больше ни звука, ни движения. Словно одна во всей больнице. Будто время замерло в предвкушении чего-то необъяснимого. Инну выворачивало наизнанку от напряжения. Руки дрожали, ноги подкашивались. Страшно-то как! Не поздно же еще назад повернуть. Можно же и вниз спуститься, позвонить, доложить о ситуации. Это будет вполне разумно.

Самой-то зачем идти проверять? Это, знаете ли, не в компетенции медсестер, вот пусть другие и разбираются. Главврач — взрослый, солидный человек, чего только на своей практике не перевидавший, и тот сбежал, как от чумы. Может туда соваться опасно? Нет. Надо сходить, посмотреть. Хотя бы сквозь стеклышко заглянуть, ну, или через порог. Наверняка там и нет ничего. Мало ли что почудиться может.

Женщина почему-то старалась двигаться как можно тише. Медленно, медленно подбиралась к дверям маленькими осторожными шажками. «Только бы не спугнуть... Только бы не спугнуть... Кого не спугнуть-то? Звезду что ли, которая с неба ссыпалась? Ага! Как же! — невольно размышляла вслух Инна, теребя пуговицы дрожащими руками. — Чего это я вся трясусь-то? Там и нет никого... Разве что мертвое тело. А я только загляну и пойду звонить». На миг вдруг показалось, что по матовому окошку в правой двери реанимации скользнула округлая тень. Инна вздрогнула, даже язык прикусила. По всему телу пробежал озноб: «Неужто, правда, есть там кто-то? Или от лампочки в глазах рябит?».

А все-таки ведь хочется, чтобы по ту сторону дверей кто-нибудь оказался. Эта зыбкая, призрачная надежда на чудо. Такая приятная, детская, наивная надежда. Даже страх не в силах ее удержать. Куда страшнее, если за этими дверьми ничего не окажется. А ведь, скорее всего, так и будет. Инна вдруг опомнилась: «Что за чушь лезет в голову? Чудес не бывает. Это только в книжках чудеса, а в жизни-то ничего волшебного не происходит. Скорее всего, за этой дверью нет ничего, кроме разочарования». Однако женщина всё же взялась за ручку.

Надо убедиться. Осмотревшись по сторонам и удостоверившись, что кроме неё никого на этаже нет, она прижалась ухом к двери. Только гудение лампы. По ту сторону тихо. Ни шороха. Наконец, решившись, женщина толкнула дверь. В ноздри тут же ударил резко-жгучий запах. Едкий, как дым.

Она огляделась. Что за беспорядок? Два операционных светильника на полу, третий, покосившись, опирался на стену, тележка с инструментами тоже на полу, даже содержимое ящиков рассыпано, операционный стол стоит как-то боком. Словно тут кто-то в испуге метался, натыкаясь на все подряд. «Но кто же устроил такой погром? Ведь тут никого! И грязь повсюду. Черные пятна. Даже отпечатки босых ног! — Инна подошла к операционному столу. — Будто углем всё перепачкано».

— Чертовщина какая-то, — процедила сквозь зубы женщина, коснувшись указательным пальцем горстки сухого пепла.

«Значит, обугленное тело и вправду было. Но кто-то тут уже побывал. Кто-то унес его, — рассуждала Инна. — Не могла же эта девочка встать и сама уйти? А если могла? Да нет, не могла, конечно! Если она человек и состояние ее тяжелое. Эх, опоздала! Проворонила чудо! Стыдно теперь будет за свои глупые мысли». Позади раздался осторожный шорох. Инна машинально обернулась и оторопела. Позади нее у дверей стояла абсолютно голая девочка. Женщина не верила своим глазам. Откуда тут взялся ребенок? Инна зажмурилась и снова открыла глаза. Девочка все еще стояла у двери, с диким любопытством уставившись на неё. На вид ей было лет одиннадцать-двенадцать. Странная какая-то, уж не больная ли? Кожа местами перепачкана чем-то сероватым. Но кожа у нее безупречно белая. А волосы черные, блестящие, недлинные. Личико круглое, щечки чуть пухлые, как у куколки. Вглядываясь в ее лицо, Инна вдруг почувствовала призрачное прикосновение. Будто кто-то мягко обнял ее чуть ниже груди, и тепло разлилось по всему телу. Женщина даже улыбнулась, хотя по-прежнему прибывала в растерянности. Девочка ещё недолго постояла без движения, деловито разглядывая женщину, затем шмыгнула носом и тут же исчезла, скользнув в открытую дверь.

***

Теперь и вспоминать странно о том времени, когда приходилось нехотя идти на работу. Сейчас же родную больницу и вторым домом назвать мало. Где теперь, как не здесь, так подомашнему уютно? В этом месте единственные знакомые лица, здесь ощущение своей необходимости. Тут даже в униформе медсестры с короткими рукавами чувствуешь себя куда комфортнее, чем в старом домашнем свитере, каковой почему-то не спасает от вечной зябкости. Да что там говорить, и этот специфический запах хлора стал привычной запыленной квартиры. Всё переместилось на работу. Дома остался, разве что, телевизор. Да и тот работает лишь для того, чтобы хоть как-то заполнить невыносимую тишину. Эта проклятая квартира. Даже на ночных сменах думать о ней не хочется. Особенно теперь, когда работа стала не только привычной, но и желанной. Как хорошо в этих сумеречных коридорах, как тепло. Даже сверчок откуда-то с потолка довольно зачвиркал. Стало быть, и он к хлорке принюхался, обосновался тут, где насекомым быть вообще не положено. Ну и правильно. Где ещё, как не в холе северного крыла? Тут всегда так спокойно. Обстановка приятная, напоминающая давние годы детства. Единственное место во всей больнице, куда ещё не добрался гигиеничный, но бездушный евроремонт.

И снова это головокружительное волнение. Как в первый раз. А ведь был момент, когда тайна Инны казалась чем-то обыденным. Так нет, снова это головокружительное чувство

перед встречей. Может быть, потому что сегодня эта встреча особенная? Только бы сказать. Не струсить. Глупо, конечно, это все. Безумно. Но иначе когда-нибудь, а может быть, и в ближайшее время, тайное станет явным для всех. И тогда малышку уже не уберечь. Не будет больше мечты. Такой единственной, личной надежды. Отнимут. Нельзя рисковать тайной. Ее оберегать надо. Всеми силами. Всеми правдами и неправдами. Ведь без нее жизнь снова поблекнет, станет неинтересной, безрадостной. Оказывается, мечтать так здорово! Мечтать днем и ночью. Столько удовольствия от всех этих глупых планов и нарисованных выдумок, мысленно обыгрываемых десятки раз. Наивно это, конечно, всё. По-детски. Ну и что? Да только вот мало всех этих грез. Нужно шаги делать к их осуществлению. Маленькие, осторожные, но уверенные шаги.

— Инна, ты? — прошептала темнота.

Женщина вздрогнула и замерла на месте. Этого ещё не хватало!

— Угу, — буркнула Инна на автомате.

— Я тебя по звуку шагов узнала. Крадешься, как мышка, — проговорило приземистое чернильное пятно Марининым голосом, выглянув из-за оконной шторки.

— А ты чего тут делаешь? — спросила Инна, лишь желая опередить девушку, пока та не спросила тоже самое.

— Пришла окно заклеить. Поддувает тут, — ответило пятно, помахав темным отростком, в котором было зажато что-то круглое.

«Поддувает. Как раньше это в голову не пришло? Дома почему так холодно? Там дует изо всех щелей, — догадалась Инна. — Взять бы давно да заклеить старые рамы лентой и не дрожать от сквозняков. Вот бы ещё те проклятые окна гвоздями заколотить, да дела с ними иметь не хочется...»

— А чего же ты ждешь?

Пятно выплыло из-за шторки, и на фоне темного неба за стеклом приобрело изящную форму.

— Я сюда пришла, чтобы хотя бы минут десять отдохнуть. Устала жутко, — пожаловалась Марина. — Эта Виктория... Как там её? Не могу к ней привыкнуть. Каждую минуту дает задания. Лишь бы чем-нибудь озадачить! Ох, не привыкну я к ней.

— Привыкнешь, — заверила Инна. — Я ей скажу, чтобы не была к тебе так строга.

Марина тяжело вздохнула:

— Всё равно. Лучше бы Игорь Викторович поскорее вернулся.

— Он, наверное, и не вернется уже.

— Почему это?

Инна пожала плечами. Она и сама не знала, почему главврач не должен возвращался. Просто хотелось, чтобы не возвращался. На то были причины.

— Третью неделю от него ни слуху, ни духу. Мало ли какие проблемы бывают. Он как-то упоминал, что у него сын болен.

— Я думаю, не в этом дело, — сказала молодая медсестричка, изменившимся голосом. — Он же и не предупредил никого. Как сбежал тогда, так и след его простыл. Может быть, Игорь Викторович изучает?..

— Опять ты за своё.

Марина замолчала, вспомнив о строгом уговоре. Тут Инна поняла, что напрасно остановила её. Томных пауз неугомонная девушка не выносит и тут же спешит заполнить их новой болтовней. И последовательность её мыслей предугадать было несложно.

— А ты чего тут делаешь? Куда шла? — не заставила себя долго ждать Марина.

Инна замялась. Чего же теперь ей ответить? Куда она шла? Она же почти упиралась в двери, которым положено быть закрытыми, так как за ними старое детское отделение. Закрытое с тех самых пор, как Инна устроилась на работу в этой больнице. Туда никто не ходит. Незачем. Там лишь сбитый паркет, осыпавшаяся штукатурка, пустые и загроможденные старыми кроватями палаты. Детей теперь лечат на втором этаже, а старое отделение превратилось в небрежный склад негодного хлама. Поэтому из этических соображений весь медперсонал предпочел забыть об этом темном пятне. И без того порядок в клинике держится на честном слове. Но Инна, несомненно, направлялась именно туда. Марина в этом наверняка не сомневалась, и в её восторженном тоне легко угадывалось любопытство. Женщина даже разволновалась, не зная, как обмануть девушку. Про случайность и рассеянность молодая медсестра уж точно не поверит. Она девочка неглупая. Начнет дотошно выпытывать правду, а то и, не дай бог, увяжется следом. Этого допустить нельзя.

— А в пакете что? — не дождавшись ответа, спросила Марина, заметив небольшой сверток.

Это было очень нахально, но Инна была вынуждена стерпеть и, не огрызаясь, удовлетворить её любознательность. Иначе не избежать беды.

— Мышеловка, — ляпнула женщина первое, что пришло на ум. — Недавно всякие ненужные бумаги туда перетаскивала, на мышонка наткнулась. Не хорошо будет, если начальство узнает.

Ложь, конечно, была нелепейшая, однако девушка, похоже, купилась.

— Вот оно что! А я тут стою и слышу какой-то шорох. Прямо оттуда — из-за этих дверей. Оказывается, это мыши!

— Да-да, мыши.

— А я то подумала.

Инна и знать не хотела, о чем подумала эта юная фантазерка.

— Я подумала, это ОНА там прячется! — заявила Марина, поняв, что провокационная пауза улетела в молоко.

Тут Инна не сдержалась:

— Марина! Сколько можно повторять тебе?! Забудь и не болтай больше эту чепуху! Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Санитары молчат, Тарин сбежал, словом не обмолвился, а ты знай мелешь. Дождешься ты! Слухи поползут, тогда и спросят нас о той ночи. А тебе есть, что по существу ответить? Или ты собралась про своих обугленных гуманоидов рассказывать? Ещё раз говорю тебе: забудь всё как страшный сон. И не думай даже.

Эти слова, несомненно, подействовали. Инне иногда удавалось заставить Марину вспомнить о возрастном превосходстве. Силуэт девушки виновато скрючился и медленно слился со шторкой. Только вот заставить себя замолчать она уже не могла.

— Я пытаюсь забыть. Но так получается, что только об этом и думаю. Как наваждение. Девочка-то была! А значит, где-то она и сейчас есть.

Женщина решила больше ничего не говорить. Не нужно лишний раз давать девчонке повод для болтовни.

— Потом окно заклею, — сказала Марина, наконец, сообразив, что лучше не стоит спорить. — Пойду-ка я. Не люблю грызунов.

Инна молча улыбнулась, блеснув в темноте ровным рядом зубов.

— Иди, поспи немного. Насчет Виктории Анатольевны не беспокойся, я её урезоню. Не будет больше тебя гонять. Будь спокойна. Марина, ничего не ответив, зашагала по коридору.

«Неужели обиделась? Надо будет потом с ней чаю попить, чтобы не дулась», — подумала женщина и в следующую секунду выкинула медсестричку из головы, вспомнив, зачем явилась сюда. Дождавшись, когда стихнут шаги, Инна не спеша приоткрыла двери в бывшее детское отделение. А ведь и вправду не так трудно догадаться, что это заброшенное место вовсе не пусто. На вид необитаемый холл, затопленный мраком, был наполнен чьей-то бытностью. Кроме того, действительно, совсем рядом слышалась возня, едва ли походившая на мышинные шорохи. Ненадежно, однако, спрятана тайна. Не только Марина может услышать этот шум, и не только ей он может показаться подозрительным.

Мрак вдруг скрипнул кроватными пружинами, и шум тут же стих. Инна представила, как это загадочное создание, расслышав шаги, оцепенело и теперь насторожено прислушивается. Она знает, кто идет в гости, поэтому не боится и не прячется. Просто ждет. Снова не зажигает ночник, который принесла Инна. Взяла привычку сидеть в темноте. Хотя это не мешает определить, сколько шагов осталось до нужной палаты. Вот замерцала полоска синеватого света в приоткрытой двери. Снова заерзали пружины.

— Вот и я, — с улыбкой заявила Инна о своем появлении.

Малютка вытянула вперед руку, освещая палату пластмассовым ночником в виде кошачьей головы. Ехидные глаза, источая синий свет, долго и недоверчиво буравили Инну. При этом сама девочка оставалась в тени. Разглядеть можно было лишь её босые ноги, свешенные с кровати, и краешек белого платья, которое в подозрительном прищуре игрушечной кошки тоже казалось синеватым.

— Ты! — твердо произнесла девочка и, наконец, опустила ночник на колени.

Из темноты выплыло её круглое лицо, окруженное роем плавающих в воздухе пылинок. Она всегда смотрела как-то по-особенному, одновременно дико и осмысленно. Такой странный взгляд. Никогда не знаешь, что означает то или иное выражение этих больших черных глаз. А улыбка! Эта странная улыбка, словно девочка никогда раньше не улыбалась и только теперь учится. Хотя, что в этом странного? Сейчас для неё всё в новинку. Ведь она ничего не помнит. Неделю назад это чудо говорить-то не умело, а только вопросительно мычало. Теперь и неясно, то ли девчушка узнает всё заново, то ли память понемногу возвращается к ней.

— Это! — произнесла девочка, указав на пакет в руках Инны. — Это сладко?

Женщина улыбнулась.

— Нельзя есть только сладкое.

Девочка фыркнула и забормотала что-то себе под нос. Кажется, она пыталась повторить «нельзя... сладкое». Всегда так старательно запоминает слова, так упорно пытается понять их смысл. Просто поразительно.

Инна приблизилась к ребенку и положила ей на колени сверток.

— Как твои дела? — вполголоса спросила она.

— Скука, — ответила девочка, поспешно разворачивая коричневую бумагу. — Скука. Пришла Инна — хорошо. Не скука. Еда.

Женщина хихикнула. Как забавно разговаривает эта малышка. Как всегда, девочка положила вилку рядом на кровать и, справившись с крышкой пластикового лотка, принялась есть, зачерпывая правой рукой. Прямо как младенец. Но ведь большая уже — лет двенадцать,

не меньше.

— Макароны, сыр — вкусно, — бормотала она с набитым ртом.

И почему она никак не привыкнет к столовым приборам? Запихивает руками в широко открытый рот целую горсть, половину роняя обратно в посуду и на пол. Вот же дикарка. И откуда она такая взялась? Инна присела рядом на кровать. Ей хотелось обнять девочку за плечи, но пока она не могла решиться сделать этого. Вдруг малышка от неё отшатнется? И в этот раз не решилась. Вместо объятий рука потянулась за ночником. Женщина повертела колесико, делая свет поярче. Ну и пылица здесь! Да и беспорядок к тому же. Давно пора прибраться. Не знает девчушка, что такое порядок. Вот и Кубик Рубика, который ей так нравился, бросила в угол. Только вот странно, как ей удалось его по цветам собрать? Инна сама много раз пробовала — ничего не получалось. Наверное, малышка раньше имела дело с этой игрушкой. Руки помнят больше, чем голова.

— Больше не сложно, — кивнула девочка на кубик. — Теперь тоже скука.

— Много раз собирала? — усомнилась женщина.

— Много раз. Путала, собирала. Не сложно. Скука!

Девочка вытерла промасленные руки о простынь.

— Хочешь, я принесу тебе другие игрушки?

Худенькие плечики равнодушно поднялись вверх и опустились.

— Я, игрушки — скука. Я одна — скука. Я, ты — хорошо. Я, ты — не скука.

«Бедная девочка. Ещё бы она тут не заскучала. Столько дней в этой палате. Да ей, наверное, осточертели эти стены сильнее проклятого кубика. А то нет! Как она вообще тут сидит? Как терпит? А всё ведь из-за меня. Не она прячется тут, а я её ревностно прячу ото всех. Как эгоистично! Нет, так нельзя, — с раскаяньем подумала Инна. — Нужно немедленно забрать её отсюда. Я же это ещё три дня назад задумала и всё никак не решусь сказать ей!».

Девочка напряженно вглядывалась в лицо Инны, словно пытаясь угадать, о чем она думает. Женщина, наконец, решилась обнять её. Малышка не сопротивлялась.

— Я хочу забрать тебя к себе.

— Забрать к себе? Ты, я — вместе?

— Именно. Ты и я вместе. Всегда. Согласна?

Девочка улыбнулась. Улыбнулась по-настоящему. По-человечески. Тут же рассеялось неясное выражение глаз, и в глубоких темных зрачках вспыхнул радостный огонек.

— Туда? — тонкий пальчик указал на дверь.

— Да. Пойдешь со мной?

Сердце Инны торжественно заколотилось. Девочка смущенно молчала, но это и означало согласие.

Глава 2. Над землей

Острая трель будильника тысячей металлических осколков резко вонзилась в сон. Пронзительное верещание неприятно зудело и назойливо тормозило безмятежное утреннее забвение. Казалось, это продолжается целую вечность. Сознание не желало подниматься с глубин сонного марева и отчаянно пыталось сохранить целостность покоя. Даже явило на миг видение, будто тело само собой поднимается с кровати, лениво переставляя ноги, плетется в соседнюю комнату и отключает источник бурной истерики. Но это помогло ненадолго. Нервное жало снова яростно занозило слои минутного умиротворения. «Распроклятая пищалка! Как только маме удастся не слышать этот вой?» — нехотя

зашевелились мысли. Щурясь от хитро проскальзывающих сквозь задернутые шторы солнечных бликов, Эра не спеша выбралась из постели. Ноги здорово онемели. Спалось так хорошо, что стопы подзабыли о своем предназначении. Даже выволочь себя в коридор оказалось не так просто. Но, как только девочка приблизилась к двери спальни мамы, будильник стих сам по себе. Всё равно нужно отключить его, иначе снова заголосит.

Как маме удается спать так крепко, да ещё и в такой неудобной позе. Одна нога свешена с кровати, голова съехала с подушки, да еще и этот допотопный механический бульжник стоит на тумбочке не так далеко от её уха. Во дает! Медсестры умеют подолгу не спать, но и отсыпаются они тоже искусно.

Эра взглянула на циферблат. Ровно восемь часов. Почти каждое утро в это время начиналась жизнь в их небольшой квартире на протяжении года. Таково было нигде неписаное правило их маленькой семьи. За это время мало что изменилось в их доме. Одинаково начинался рассвет, одинаково проходили дни и томились вечера. Эра и Инна не нуждались в переменах. И никто не ждал никаких ярких событий. Всё и без того хорошо.

Эра вошла в кухню и открыла нараспашку окно. С улицы обдало теплым веяньем, чуть свежее воздуха в кухне. Стояла середина октября, но Эра не знала, что по утрам в это время уже должно быть прохладно. Это был первый октябрь, который она знала. Девочка высунула голову в окно, пытаясь уловить пусть не ветерок, а хотя бы какое-то движение атмосферы. Плотная стена сухого воздуха была непроницаемой. Плоскими декорациями вырисовывались прямоугольники пятиэтажек, еле заметно пошевеливались слившиеся воедино ярко-желтые кроны липовой аллеи. Снизу доносилось гудение машин, топотание десятков ног, обрывки голосов. Подобная суета бывала лишь по утрам, когда школьники спешили на учебу, а взрослые на работу. В остальные часы маленький городок проводил в молчании. Разве что к вечеру улицы снова наполнялись ручейками толпы, но уже не такой суматошной.

— Эра! — ударил в спину мамин визг.

Девочка и не успела среагировать на зов, как в её плечи вцепились жесткие пальцы. Инна всегда буквально сходила с ума, когда видела свою приемную дочь у открытого окна. Это не было строгим принципом и обычным беспокойством. Эре и раньше доводилось замечать этот её необъяснимый страх перед окнами.

— Эра, я же просила тебя, — неумело пряча раздражение, сказала Инна.

— Мам, ну душно же, — тихо возразила девочка, послушно отпрянув от окна.

Женщина, тяжело вздохнув, опустилась на табуретку и тут же снова стала привычной мамой. Сонной и слегка угрюмой.

— Душно? Холод собачий. Из кровати вылезать не хотелось.

— Так не вылезала бы.

— Но ведь кофе хочется!

Эра повернула ручку конфорки, чиркнула спичкой, но та сломалась. Вторая спичка выскользнула из пальцев, следующая вспыхнула и тут же погасла.

— Черт! — выпалила девочка.

Потухшая спичка, не пререкаясь, испустила душок серы.

Наконец, справившись с огнем, Эра потянулась за чайником, однако тот оказался пустым.

— Чувствую, кофе я сегодня не дождусь, — рассмеялась женщина. — Ладно. Что есть будем?

Эра только пожала плечами. Она была готова съесть на завтрак что угодно, лишь бы не

пришлось готовить ей. Но Инна тоже не очень-то горела желанием суетиться у плиты. Недолго повертевшись у холодильника, обе решили позавтракать остатками вчерашнего ужина.

По утрам Эра ела скорее по привычке. Appetit всегда просыпался на много позже её самой. И она, как всегда, без особого энтузиазма ковыряла вилкой рис. Инна же, напротив, уплетала за двоих, низко склонившись над тарелкой.

— Кстати, так и не рассказала тебе про собрание, — вдруг сказала женщина, бросив на дочь косой взгляд. — Классный руководитель ваш... Тамара... Как её?

— Алексеевна.

— Ага, Тамара Алексеевна. Говорила о тебе. Хвалила, конечно, успеваемость у тебя хорошая. Но, говорит, замкнутая ты. Не общаешься почти с другими ребятами. Это почему? Ты же уже давно с ними.

Эра лишь развела руками. И почему мама хочет добиться от неё того, чего сама никогда не делает? Ведь у неё тоже нет ни одной подруги. Она сама замкнутая, необщительная, и вряд ли ей хотелось бы измениться. Но, тем не менее, она не желает, чтобы Эра была такой. Странно.

— Тебе не нравятся одноклассники? — снова спросила Инна.

— Да дело не в них, — ответила Эра. — Просто я другая. Они говорят, что я странная.

— Вот глупости.

Инна не понимала, что необычного могли увидеть в её девочке. Однако повернулась к дочери и внимательно взглянула в её лицо: «В самом деле, зря дети болтают. Эра самый обычный ребенок, почти подросток. Несомненно, ровесница своих одноклассников. Милые черты лица, хрупкая фигурка, разве что глаза. Глаза-то совсем недетские. Не хватает в них чего-то. Или наоборот, есть нечто таинственное. Вполне вероятно, что именно это отталкивает других детей. Хотя одноклассники могут считать её просто необычной девочкой, а не сомневаться в том, что она человек. Она ведь и есть человек. Кто же она ещё?».

Инна снова вспомнила болтовню Марины. Зачем? Нельзя же воспринимать всерьез ту дурацкую историю о воскрешении полностью обугленного тела, которую выдумала Марина. Глупости всё это! Хорошо, что в неё никто не поверил. Хотя появление Эры в больнице до сих пор окутано мистическим туманом. Даже сама девочка ничего об этом не помнит. Что тут поделаешь?

— Мам, а можно я с тобой пойду? — вдруг осторожно спросила Эра.

Инну тут же вынырнула из прострации.

— Куда? — удивилась Инна, у неё и впрямь были планы на этот выходной, но она не рассказывала о них Эре.

— Я знаю, какой сегодня день. Тебе ведь нужно её навестить?

Лицо женщины в сию секунду помрачнело. Сквозь грудь словно шквалистый ветер пронесся. И почему вдруг Эра сказала о Насте как о живом человеке?.. Инна отвернулась от девочки. Не дай бог расплакаться при ней.

— Да, нужно, — тихо произнесла Инна, зажмурился глаза.

И почему это до сих пор так мучительно больно?! Даже теперь, когда жизнь наполнилась Эрой. Именно так! Ни счастьем и ни смыслом, а именно Эрой. Потому что эта была девочка всем одновременно. И великой радостью, и утешением, и единственной, ради кого утром открываешь глаза. Но никакое счастье не сможет притупить прошлую боль.

Нельзя оторвать от себя этот кусок, изъеденный скорбью и раскаянием. Этот ядовитый черный ком. «Как я в себе это ношу? — спрашивала себя Инна. — А я не ношу. Я живу с этим. И это больно. Больно помнить и ещё больнее чувствовать, что потихоньку начинаешь всё забывать...»

Сегодня был день рождения Насти. Если бы она не погибла, сейчас девочке было бы уже восемь. Но ей было суждено навсегда замереть в своем раннем детстве...

***

Как дивен молодой пожелтевший клен, отливающий медью в золотых лучах. Яркий, светонасыщенный, словно созданный природой лишь для услады людских глаз. Как ласков шелест его лапчатых листьев при прикосновении легкого ветерка. До чего приятен сладковатый аромат.

И как Инне удастся не быть очарованной новым нарядом деревьев? Буквально пару недель назад они привычно зеленели и вдруг вспрыснули и заискрили желтым, оранжевым и ярко-красным салютом. Разве это не чудо? Чудо! От чего же мама не поражена простирающимся великолепием? Почему в глазах не зреет восторг, а лишь тоска? Да просто потому, что для неё это всё уже не ново. Она знала о предстоящей осени ещё до того, как кончики сочной листвы чуть подсохли. Эта мудрая женщина знала всё наперед. Ещё давно, когда эти же самые, только голые, стволы утопали в сугробах, мама предсказала весну, затем напророчила лето и вот теперь не удивлялась осенней поре. Она уже всё это видела много раз. Это чрезвычайно невероятно, но у мамы есть удивительная способность нырять за воспоминаниями в далекое прошлое.

Почему только Эре всё вокруг в новинку? Девочка нередко задумывалась об этом. Ненормально это. Оглядываясь назад, Эра могла вспомнить, как испугалась белого сияния шестилампного светильника, как больно грохнулась на пол и с ужасом обнаружила, что совсем одна в незнакомом тесном мире. Это было дном её памяти. Глубже некуда. Будто до того момента её и вовсе не существовало. После были ещё прятки в темноте, страх от звуков и голосов, тогда ещё совсем неизвестных людей. Потом появилась Инна, красивая и добрая. Ей сразу же захотелось довериться. Она подарила Эре одежду, приносила еду, научила разговаривать и читать. Она взяла её к себе домой и стала мамой. Но что было до этого? Не могло же ничего не быть!

Мама говорила, что помнить не всегда хорошо. Неприятные воспоминания — это тяжкий груз.

Вот и сейчас в её голове, должно быть, шевелятся те самые черные дни. От того-то чуть припухшие глаза полны безнадежной тоски.

Вдруг на щеке Инны блеснул тонкий ручеек. Заметив это, Эра сама едва не расплакалась. В глазах внезапно зашипало, подбородок задрожал. Тоже чудное человеческое чувство: чувствовать чужую боль как свою собственную. Трудно было удержаться, чтобы не заплакать на пару с женщиной. Клен и тот всплакнул, обронив размашистый липкий листок рядом с плитой из серого гранита.

Сегодня они пришли возложить цветы к этому камню, как это делают все люди, проходящие в это место к своим камням и крестам. Ох, и тяжела, должно быть, эта плита, а ещё тяжелее имя, что высечено на ней: «Настя Алаева».

Это и есть та нелегкая ноша Инны. Всё самое горькое связано с этим именем. Эра знала это, хотя мама упоминала о событиях того дня всего однажды, да и то потом очевидно пожалела, что взялась рассказывать. Все же горесть лежала на поверхности. Девочка была

уверена: всё то, что запрятано глубоко внутри, на самом деле всегда было осязаемым для самой Инны. Стоит ей только припомнить, ковырнуть, помыслить — и перед глазами разом воскресала картина того ужасного дня. Словно всё это произошло даже не вчера, а длится до сих пор.

Ничего не померкло, всё так же ясно, как ясен был тот день: солнечная комната, распахнутое окно и улыбка того злоехидного воздушного змея, запутавшегося в ветвях деревьев за оконной рамой.

Если бы не этот змей. Если бы не ветер, что побуждал пятилетнюю Настю поскорее выйти на прогулку и запустить в небо недавно купленную игрушку. Так и прыгала от возбуждения! Инна просила дочь потерпеть, обещала, что они отправятся на улицу, как только она закончит стирку.

Не стоило оставлять тогда девочку в комнате одну...

Должно быть, в тот момент, сгорая от нетерпения, малышка открыла окно настежь и, усевшись на подоконник, подбросила вверх свою игрушку. Оранжевый змей с нарисованной улыбчивой рожицей несколько раз качнулся в воздухе, а затем резко метнулся вверх, вырвав нитку из рук Насти. Воздушный змей взмыл в высоту и тут же запутался в ветвях большого дерева.

Каким тогда было лицо девочки? Быть может, она хотела позвать маму на помощь, но тоненький хвост змея раскачивался туда-сюда, дразнил малышку, словно нашептывая «Попробуй поймать меня»?

Инна не слышала крика, но когда вернулась, Насти уже не было. Пустую комнату заполняли солнечные лучи, пробивающиеся через открытое окно. Сквозь квадратный проем были видны качающиеся от ветра деревья и улыбающаяся квадратная рожица, плененная их ветвями. Резкий порыв ветра хлопнул окном, и звенящее стекло на мгновение отразило искаженное ужасом лицо женщины.

Можно ли представить что-то более ужасное?

— Мама. Что дальше происходит с людьми после того, как их закапывают в землю?

— Ничего, — не сразу ответила задумчивая Инна. — Они просто лежат в земле. Ничего не делают, ничего не чувствуют и не думают. Для них всё закончилось. Навсегда.

— Как навсегда?

Женщина скривилась. Судя по всему, ей было не очень приятно рассуждать об этом, но она никогда не оставляла вопросы девочки без внимания.

Мало Эра ещё знает, даже для своего возраста.

— Просто угасают и всё. Помнишь увядшую герань? Цветок был, а потом его не стало, так же и с людьми. Это, конечно, трудно представить, что когда-нибудь и мы с тобой исчезнем, но это так.

— Как так исчезнем? — удивилась девочка. — И нас не будет? Совсем? Нигде?

— Многие люди верят в жизнь после смерти. Говорят, что, умерев, приобретаешь другую жизнь или вовсе попадаешь в другой мир. Рай или ад. Утверждают, будто никакой смерти нет, — не без иронии проговорила Инна.

— А это не так?

Целлофан затрепетало от резкого чиха ветра, и букет перевалился на другой бок, вплотную прильнув к гранитной плите. Женщина тяжело вздохнула, обронив ещё одну слезу.

— Никто точно не знает. Но я в этом сомневаюсь. Не верю теориям, которые много обещают. Люди боятся смерти, от того и надеются на жизнь после нее. Непонятно мне это.

Зачем тогда нам эти уязвимые тела, обремененные сотней потребностей, если и без них можем обойтись? Мертвые продолжают существовать только в памяти живых. В этом я убеждена, и с этим я могу смириться.

— Значит, и прошлых жизней нет? — спросила девочка, вспомнив истории, что читала в книгах.

— Не думаю, — пожала плечами Инна.

Глаза Эры снова кольнуло, она зажмурилась, но капельки всё равно просочились сквозь плотно сжатые веки. Девочка кинулась к матери и крепко-крепко обхватила руками её талию.

— Тогда я никогда не умру, чтобы никогда не причинить тебе такой боли, — глотая слезы, просипела девочка. — И ты, пожалуйста, не умирай. Я не хочу, чтобы тебя не было. Я хочу, чтобы ты всегда была.

Инна молча обняла девочку за шею. Как было бы здорово просто принять и дать такое же обещание. Но, увы, человек не властен гарантировать его исполнение.

***

— Почему люди боятся темноты? — спросил Максим то ли самого себя, то ли гаденьша, что притаился в глубине коридора. — Почему сознание выдумывает все эти страшные образы? Они подсознательно боятся невидимого врага. Как черви на уровне инстинктов боятся птиц, которых никогда не видели. Люди боятся этих страшных существ, их тоже нельзя увидеть, потому что зрительные органы человека слишком примитивны для этого. Человек их может почувствовать только тогда, когда стальные когти схватят его за шею. Но тот, кого сцапали, уже не сможет рассказать другим о страшном хищнике. Так оно и должно быть. Другие не должны знать, что хищник на самом деле существует. Пусть боятся темноты, пусть ощущают иное присутствие, но не знают о нем наверняка. Тогда им не спастись.

Гаденьш молчал. Его не интересовали размышления перепуганного парня. Да и зачем ему говорить? Едва ли он испытывает жажду общения. Он не человек, хотя и подражает людям. Как дикие кошки на охоте подражают голосу своих жертв. Ему нужна речь, чтобы, издавая крики о помощи или жалобный плач, заманить человека и уволочь его во тьму.

Вот и сейчас он подражает Максиму по привычке, маячит в темноте, копирует его движения, но не трогает. Почему?

— Для чего ты привел меня сюда? — закричал парень не от гнева, а от страха.

Чудовище промолчало, но поежилось. Ему не нравится слушать крики.

— Кто ты?

— Наверное, я зло? — прощуршал голос в столбе пыли.

Скудный свет обеих лампочек по обе стороны коридора синхронно моргнул и стал голубоватым. Очертания гаденьша слились с темнотой.

— И в чем смысл? — Максим не хотел задавать вопросов, но они сами слетали с языка.

— Мне не нужен смысл. Мне нужна пища. Я просто ем.

Максим ощутил пыльный ком слюны в горле. Это конец. Больше он домой не вернется. Ну и пусть! Не будет больше страха, ненужно будет прятаться в пустой комнате. Все это, наконец, закончится.

— Тогда давай быстрее, — взмолился парень.

Тень гаденьша замерцала в голубом свете, будто его свела судорога, но это был обман — тварь не двигалась.

— Ты не нужен мне. Я сыт тобой по горло.

Напрасно Максим обольстился, будто гаденыш заманил его сюда, потому что давно желал его убить. Даже дьяволу не нужна эта жалкая душонка.

Полудохлый червяк — невкусный, пусть лежит, извивается в агонии, послужит приманкой для других.

— Тогда почему ты не оставишь меня в покое? — выкрикнул Максим и закашлялся от пыли.

— Я один. Других нет, — ответило существо.

Свет брызнул красным потоком и погас. Парень встрепенулся и было бросился бежать, но споткнулся о массивный кусок разрушенной стены. Упал грудью на кучу песка и битого стекла, разбил колени и поцарапал лицо торчащей арматурой. Это не сон. Во сне не бывает так больно.

— Не хочу! Лучше умереть, чем видеть тебя! — кричал Максим, ползая в цементной пыли и липкой крови. — За что мне все это? За что?!

Темнота не отвечала. Гаденыш ушел. Ему не нужна его смерть, он лишь не хочет чувствовать себя одиноким в этом мире. Может ли быть что-то страшнее, чем быть загнанным в угол хищником, который не желает твоей смерти, а хочет наблюдать, как ты сам медленно отравляешь себя своим же страхом перед ним? Кошмар стал адом наяву.

Глава 3. Кровавый эстамп

Минул последний теплый день, и осень, спрятавшись за ширмой ночи, вывернулась наизнанку. Уже утром маленький мирок окутала густая влажная пелена. Снова привычный городской вид сменил краски. Проспекты, улочки, дороги и единственная широкая магистраль, окутанные туманом, казались выцветшими, как старые фотообои. Всё вокруг выглядело подмененным и даже неистинным. Знакомые очертания дворов, проплывающих за стеклом, стали размытыми, неясными, как декорации в старом фильме. Всё разом стало игрушечно-киношным, даже сама Эра ощущала себя чуточку не собой. И только крепкий холодок был во всех отношениях натуральным. Впервые утро выдалось таким непривычно холодным. Даже в автобусе очень ясно ощущалось прикосновение колкого озноба.

Эра ежилась от бегущих по коже мурашек, прятала замерзшие ладони подмышки, сжимала покрытые гусиной кожей ножки и чувствовала себя жутко неудобно. Вот и пришла пора заменить легкую, такую удобную юбку на плотные джинсы. Автобус притормаживал на остановках, салон постепенно заполнялся людьми, но от этого не становилось теплее. Будто каждый вошедший нес с собой уличную прохладу. Рядом с Эрой взгромоздилась полная старушка, оттеснив девочку к окну. Пустых сидений не осталось, проём тоже заполнили суетливые люди. Но девочку это столпотворение не смущало. Она уже давно привыкла к подобным явлениям по утрам. Это даже не отвлекало от мыслей, в которые девочка погружалась с головой. Размышляла о всевозможных мелочах: погода, предстоящие часы в школьной рутине, домашние дела — стандартный набор каждого дня, её собственный маленький мир, построенный за тот короткий срок жизни в незнакомой среде. За окном мелькнул знак с изогнутой вправо стрелкой. Автобус затарахтел и, поворачиваясь, слегка наклонился на бок. Эра уже знала, что спустя несколько мгновений они остановятся на светофоре, как это обычно бывает. Больше всего ей не нравились такие остановки. Странно. И торопиться-то вовсе не нужно, а стоять не хочется. Когда автобус тормозит, кажется, будто останавливается время. Колеса шаркнули по влажному асфальту. Вот и замерла минута. Эра заерзала. Отчего-то вдруг стало очень некомфортно. Будто что-то незримое

остро уткнулось в неё. Никак кто-то смотрит в её сторону? Девочка взглянула на старушку рядом — той не было до неё дела. Она тихо дремала. Люди вокруг тоже выглядели равнодушными. Разве что светофор, расплывшийся по запотевшему стеклу зеленым пятном, пристально наблюдал за девочкой. Повертевшись ещё с минуту, Эра, наконец, удостоверилась, что предчувствие её не подвело, сумев обнаружить виновницу своего беспокойства. В покачивающейся толпе то и дело возникали темно-карие миндалевидные глаза. Знакомое лицо. Глаза так и метались среди копошащихся людей, старательно пытаюсь удержать взгляд.

Эра сразу узнала свою одноклассницу Айжан. Встретить её тут не было неожиданностью, ведь девочки каждый день добираются до школы в одном автобусе. Но зачем она так смотрит? С чего вдруг? И здороваются-то они не всегда. У Эры вообще среди одноклассников друзей нет. Она слишком замкнутая, её считают странной, а подчас просто не замечают. Это не было проблемой. Ей нравилось наблюдать за людьми, стоя в сторонке. Но оказывается, когда наблюдают за тобой, — это очень неприятно. Эра даже почувствовала себя маленькой причудливой ящерицей, а любопытные глаза Айжан казались огромными окулярами ботаника, от которых не спрячешься ни под листочком, ни за травинкой. И чего она так пристально смотрит? Вот чудная. Её в школе тоже считают не такой, как все. По сути, так оно и было. Айжан отличалась от других детей. Было в ней что-то загадочное, как и в самой Эре. Только вот она не была незаметной, а, напротив, часто оказывалась в центре внимания опять же из-за своей непохожести. Некоторые даже позволяли себе лицемерные шуточки в её адрес, но никому не удавалось вывести Айжан из себя. Терпение у неё ещё то! Даже Эре была интересна её таинственность, однако она не желала, чтобы Айжан интересовалась ею. Эра снова бросила взгляд в сторону одноклассницы. «Вот настырная. Глядит и глядит, закусив прядь каштановых волос. И чего ей нужно?» — Эра с возмущением отвернулась к окну, пообещав себе не обращать на девочку внимания. Но самопроизвольно возникающий образ одноклассницы в сознании тоже оказался очень назойливым.

В мысли тут же забрались навязчивые предчувствия. Неспроста всё это. Всё недолгое время, проведенное в обществе других детей, Эру вполне устраивала роль девочки-невидимки, а внимание Айжан словно пророчило, что всему этому пришел конец. Внушило ощущение неготовности к слиянию с людьми. Какое неприятное чувство! Эра пробовала сосредоточиться на виде за окном, пытаясь определить, где сейчас проезжает автобус. Увы, от самой себя не спрятаться. Одноклассница всё ещё смотрит. Даже не отворачиваясь от окна, девочка ощущала этот острый взгляд.

Любопытный ботаник посадил ящерку в спичечный коробок и теперь наблюдает сквозь приоткрытую щель. Выбраться бы незаметно отсюда. В коробке темно, мало воздуха, душающе тесно и скверно.

Эра, сама не зная зачем, поднялась с сидения. Старушка недовольно крикнула, когда девочка просочилась через её колени. Люди неохотно расступались под натиском девчушки, желающей поскорее подобраться к задним дверям. Она не знала, на какой именно остановке сейчас притормозил автобус, ей было всё равно. Пусть до школы ещё далеко, лишь бы поскорее сбежать прочь от этих пытливых глаз. Наконец, оказавшись на улице, Эра почувствовала облегчение. И лишь спустя пару минут, оглядев чужую улицу, поняла, насколько глупым и бездумным был её поступок. Выбежала из автобуса только потому, что малознакомый человек посмотрел в её сторону. Эра раньше не замечала за собой боязни людей. Однако всё новое, с чем не приходилось сталкиваться раньше, почему-то пугает и

раздражает. «В самом деле, повела себя как трусливая рептилия из-за какого-то пустяка! Ну и ладно! Главное, теперь никакого нежелательного внимания», — оправдывала себя Эра.

Сквозь облака вдруг пробились лучи солнца. Едва просветлевшее небо свежо засияло в утренней прохладе. Среди облетевших лип в лучах солнца засеребрила крыша старенькой школы. Туман над искусственным прудом в парке тут же стал прозрачным, и в зеленоватой воде отразились осенние краски раннего утра.

Эра свернула с тропинки и направилась к пруду. Ей хотелось вдохнуть запах водяных растений. Тело продрогло до костей, но это можно было стерпеть ради нескольких минут спокойствия. Постоять, уставив глаза в холодное зеркало, такое же чувствительное, как обнаженная кожа. Стоит ветерку лишь слегка коснуться водной глади, и по ней тут же пробежит рябь, вскружит неизвестно откуда взявшийся дубовый листок в лиственном парке. Как хорошо, что в этом ненасытном бурлящем динамикой мире существуют такие уголки, полные спокойствия и гармонии. Маленькие, уединенные закутки, где можно провести много времени, ничего не делая, и при этом не ощущать скуки. Девочка, сама того не сознавая, всегда выискивала такие места. В тишине и умиротворении чувствовалось соприкосновение с частичкой прошлого, воспоминания о котором были утрачены. В природной безмятежности, несомненно, присутствовало что-то родное. Очень знакомое... не голове, а сердцу. Не зря мама говорила, что память состоит не только из того, что видел и слышал — воспоминания связаны и с внутренними ощущениями. Может быть, в той неизвестной прошлой жизни никогда не приходилось видеть этот осенний лиственный парк, вдыхать аромат хвои, смешанный с кисловатым запахом маленького пруда, однако эти чувства единства со всем сущим, должно быть, уже не раз тревожили душу. Эра была готова простоять так вплоть до начала уроков, не обращая внимания на совсем пронявший холодный ветер. Но, увы, не могла не обратить внимания на ощущение, будто она делит этот маленький оазис тишины с кем-то ещё.

Это неприятное чувство снова вернулось. Опять кто-то смотрел прямо в спину, и этот взгляд настолько тверд, что почти физически осязаем. «Не уж-то снова она?! — Эра оглянулась через плечо. — Так и есть!». Поодаль от неё, там, где к забору парка жались невысокие клены, на одинокой скамейке расположилась Айжан. Она сидела неподвижно, словно была одной из невзрачных каменных фигур, разбросанных среди деревьев. Освещенная со спины рассветом, издали девочка выглядела как черная тень. Но Эра не сомневалась, что это именно Айжан. «И почему же она так навязчиво возникает рядом? Стало быть, ищет встречи не просто так. Тогда нужно просто спросить, что ей нужно. Твердо и можно даже дерзко, чтобы та отвязалась наконец», — собравшись с духом, Эра незамедлительно зашагала в сторону скамейки. Пальцы рук слегка задрожали, внутри всё напряглось, и кровь подступила к лицу. Грубить девочка не умела да и не хотела пробовать, но иначе придется расстаться с привычным покоем.

— Привет, — первой сказала Айжан, как только Эра приблизилась.

— Здравствуй, — ответила Эра, спрятав глаза.

Айжан вдруг мирно улыбнулась одними уголками губ.

Эта улыбка имела силу. Суровый настрой Эры тут же смягчился, и она позабыла о резкости. Обезоруженная одним лишь приветливым жестом, девочка полностью растерялась и понятия не имела, что должна сказать дальше. Айжан была первой девочкой, которая вот так просто взяла и заговорила. Без смущения и робости. С полминуты Эра с любопытством всматривалась в лицо Айжан, изучая каждую черточку. Будто видела её впервые. А ведь и

вправду не замечала раньше, насколько интересное лицо у Айжан. Смуглая кожа, выступающие скулы, необычный разрез глаз, густые ресницы, тоненькой нос. И фигурка у неё тоненькая, хрупкая. Таких девочек называют красивыми. Замечал ли кто-нибудь раньше её красоту? Может быть, пока еще никто не обратил внимания. Но пройдет ещё год или два, и Айжан раскроется, словно бутон цветка. Все тут же забудут свои глупые шуточки. Красота девочки наберет силу, сможет околдовывать всех вокруг, и никто не посмеет её не замечать. Наверняка в неё будут влюбляться многие мальчишки. Эра даже ощутила легкий укол зависти — будь у неё такое лицо, она бы легко вписалась в окружающий мир.

— Что так смотришь-то? Вот ты странная, — засмеялась одноклассница.

Эра пожала плечами. Пару минут назад она и сама хотела сказать Айжан о том же самом.

— Меня ждешь? — не подумав, ляпнула девочка.

— Отдыхаю просто. Ты садись, давай.

Айжан отодвинулась чуть в сторону, хотя на скамейке было много места.

Эра робко села с краю.

— Забавно. Давно хотела с тобой заговорить, — вдруг призналась одноклассница.

— Для чего?

Выдающиеся скулы округлились от широкой улыбки.

— Не знаю. Тайнственная ты. А можно я тебя буду просто Лера называть? Валерия не очень удобное имя. Знаешь, звучит как-то очень солидно.

Девочка заволновалась. Что значит «буду называть»? Выходит, Айжан решила затеять дружбу?

А если да, то как это — дружить? Эра сомневалась, что ей это по силам.

— Лучше просто Эра. Мне так привычней.

— Эра? Необычно!

— Ну, может быть. Мама назвала Лерой, а я почему-то настойчиво повторяла «Эра», вот так и прижилось, — пробурчала девочка и добавила на всякий случай: — Это было давно.

Инна предупредила её, что нередко придется умалчивать о молодости своего «я». Девочка чувствовала себя не в своей тарелке и не оттого, что довелось разговориться с одноклассницей. Просто не могла отделаться от чувства, будто кто-то всё ещё наблюдает за ней. Ведь Айжан рядом и смотрит куда-то в сторону. А! Вот оно что! Кто-то маячит на дорожке перед школой. Ходит из стороны в сторону и поглядывает на девочек. Какая-то любопытная пятиклассница. Ей-то что нужно? Айжан тоже заметила девочку и, строго посмотрев в её сторону, махнула рукой. Пятиклассница тут же отвернулась и, виновато склонив голову, потопала в сторону школы.

— Моя младшая сестричка — Сауле, — объяснила она. — Прилипла, как репей. Приходится с ней возиться. Мы не так давно сюда переехали, а она никак не может прижиться в своем классе.

— Сауле — еще одно имя, которое я раньше не слышала, — вслух подумала Эра.

— Восточное, — усмехнулась Айжан. — Мы не отсюда родом. Разве это не заметно?

Эра покачала головой, хотя понятия не имела, откуда могла переехать одноклассница, мир за пределами маленького городка оставался для неё тайной.

— А где ты раньше училась? — поинтересовалась Айжан, забыв про сестру. — В прошлом году тебя не было.

— Дома, — неосторожно ответила Эра.

— На дому? Как так? — отчего-то удивилась одноклассница.

Эра дернула себя за волосы. Она и не знала, что на это должна быть какая-то причина, и понятия не имела, как ответить.

— Просто я была не готова учиться вместе со всеми.

— Вот почему ты такая дикая. Сразу заметно, что ты раньше мало общалась с людьми. Так ведь?

— Не помню, — честно ответила девочка.

Айжан ничего не сказала. На секунду Эре показалось, что она смотрит на неё с сочувствием, будто на больную кошку.

— Ой, а что же мы сидим-то? Литература вот-вот начнется. Пойдем! — воскликнула Айжан, взглянув на дисплей мобильного телефона.

Эра поднялась и не спеша побрела за одноклассницей. Она чувствовала себя ужасно неловко, боялась сделать что-нибудь не так и всерьез задумывалась о ничтожных пустяках: как идти, рядом или поодаль? Говорить или молчать? Девочка снова почувствовала себя той напуганной крошкой, что год назад училась держать вилку и запоминала незнакомые слова.

— Тебе нехорошо? — спросила Айжан, заметив странную нервозность Эры.

— Да нет. Всё в порядке!.. Скажи, а почему... А почему ты так смотрела на меня сегодня в автобусе?

Айжан уклончиво отвела взгляд в сторону.

— Ты извини за это. Может быть, мы с тобой сегодня за одну парту сядем?

Отчаявшись получить ответ, Эра согласно кивнула головой.

— Просто вчера услышала то сообщение. Ну, о том, что в субботу девочка пропала из нашей школы. Не знаю, почему сразу вспомнила о тебе. Всё утро думала, увижу ли сегодня тебя в автобусе. Ты не обижайся. Я рада была узнать, что с тобой всё в порядке, — спустя пару минут всё-таки пояснила Айжан.

Эра сомнительно нахмурилась.

— Что значит девочка пропала? — спросила она.

— В смысле исчезла. Её полиция ищет, но нигде не может найти. Разве ты об этом не слышала?

— Нет.

— Я тоже никогда не смотрю телевизор. Но в Интернете за новостями слежу регулярно! — пробормотала Айжан себе под нос, словно разговаривала сама с собой. — Ты, кстати, в социальных сетях есть?

— Разве такое бывает, что человек просто взял и исчез? — серьезно спросила Эра, проигнорировав вопрос одноклассницы.

Айжан бросила на неё удивленный взгляд.

— Лера... Тьфу! Эра! Ты с неба свалилась?

Эти слова прозвучали грубо, но без злости. Эра позволила себе улыбнуться. Её позабавила догадка одноклассницы. Не исключено!

— Никто никуда так просто не исчезает, — продолжала одноклассница. — Это наверняка чьих-то рук дело.

— Чьих?

— Откуда мне знать? Люди в нашем городе пропадают, и никто не знает, что с ними. Но я думаю это, конечно, связано. Иначе и быть не может. Как думаешь?

Айжан свернула к каменной дорожке, затем резко остановилась и взглянула прямо в

глаза Эры, будто ей был очень важен её ответ. Девочка не знала, что ответить. Ни о каких исчезновениях она ни разу не слышала.

— Не знаю! А разве кто-то ещё исчез?

Взгляд одноклассницы переменился. Теперь в её карих глазах читалось раздражение. Уж не думает ли она, что над ней издеваются?

— Да! Сразу видно, что тебя совсем ничего не интересует. Зайди в Интернет! А в школе слухи ходят. У родителей спроси. Они-то должны знать! За год около десятка человек пропало. Многовато для такого маленького городка. Правда, ничего об этом не слышала?

Эра лишь пожала плечами. Интернетом пользоваться она толком ещё не научилась, да и привычки слушать сплетни у неё не было.

— Неужели никто не знает, почему пропадают люди? — спросила она.

— Одни догадки, поиски. Пропадают мужчины и женщины разного возраста. Все на ушах, — таинственно произнесла Айжан. — Спорим, скоро у нас классный час организуют по этому поводу? Погрозят нам пальцем, чтобы не ходили одни по улицам. Кстати, ту девочку, которая исчезла позавчера, в последний раз видели в этом парке. Может быть, маньяк какой-нибудь из психушки сбежал? Хотя нет, сумасшедшему бы не удалось так чисто работать. Детективы читаешь?

— Читаю!

— Я тоже иногда. Ну да ладно, не будем об этом. Неприятная тема.

Эра согласилась поговорить о чем-нибудь другом, хотя и без охоты. Она действительно интересовалась детективами, её увлекали загадочные истории, будоражившие воображение. Было не просто выкинуть рассказанное Айжан из головы. Ей вдруг захотелось как можно больше узнать о таинственных исчезновениях.

— Вот черт! Опаздываем же! — воскликнула Айжан, снова взглянув на дисплей телефона. — Три минуты до звонка. Давай поживее!

Девочки прибавили шаг. Вот уже и двор школы опустел. Ученики разошлись по классам. Вот-вот раздастся звонок. Попадет им за опоздание. Преподаватель русского языка и литературы требует от учеников пунктуальности. Лучше не опаздывать на его урок. Заторопившись, Эра обогнала свою одноклассницу. Ступив на дорожку, ведущую прямо к дверям школы, девочка чуть ли не со всех ног пустилась бегом. Даже не сразу заметила впереди большую грязную лужу. «Сейчас бы как влетела в грязь», — подумала Эра, набегу уже готовясь перепрыгнуть темное пятно. Но как приблизилась к пятну на дороге, вдруг замерла на месте, едва не споткнувшись. Слишком странной была эта лужа, чтобы просто перескочить через неё, не обратив внимания. Что это? Вовсе не дождевая лужа. Что-то вязкое, пурпурное растеклось по неровному асфальту. Эра присела на корточки. Густоватая жидкость, темно-красная, как кровь. Или это и есть кровь?! Целая лужа крови! Девочка зажала рот ладонью.

«С кем-то произошло несчастье. Какой-нибудь ученик поранился или, может, разбил голову. Ужасно! Была бы тут мама. Она ведь помогает тем, кто попал в беду. Она медсестра! Как хочется увидеть маму...» — почувствовав подступающую тошноту, Эра отвернулась. Вид крови ужасал и отвращал её. Даже голова пошла кругом.

— Что с тобой? — донесся голос Айжан из-за спины.

Эра не ответила, дожидаясь, когда её одноклассница сама заметит алое пятно. Айжан приблизилась к девочке и склонилась над ней.

— Всё в порядке? — обеспокоено спросила она. — Эра, что не так?

Эра выпрямилась, всё ещё прижимая ладонь к губам.

— Тебя тошнит? — не понимала Айжан. — Болит что-то?

Девочка указала пальцем в сторону лужи, при этом стараясь не смотреть туда.

Одноклассница рассеяно взглянула под ноги.

— Что-то я тебя не понимаю, — отчаянно выдохнула Айжан.

Эра снова указала на асфальт, и вдруг глаза её округлились от ужаса: одноклассница обеими ногами вступила в темную жижу, однако по-прежнему не догадывалась, что стало причиной внезапного испуга Эры.

Она топталась на месте, глядела себе под ноги, но её глаза упорно отказывались замечать то, что растеклось по асфальту.

— Эра, да что с тобой происходит? — почти сорвалась на крик Айжан.

— Ты не видишь что ли?! — наконец выдавила из себя Эра.

Девочка снова опустила взгляд. Белые гольфы уже пропитались густой жидкостью, однако это её почему-то не смущало. Слепла что ли? Стоит посреди алого пятна и делает вид, будто всё в порядке.

Эра зажмурилась, пытаясь избавиться от наваждения.

— Ну что? Что? — недоумевая, говорила она. — Слышишь звонок? Опоздали же! Давай поспешим, а то обеим попадет. Всё остальное потом.

Эра хотела сдвинуться с места, но ноги будто прилипли к земле. Она не могла пошевелиться. Просто стояла и смотрела, как быстро удаляется Айжан к дверям школы, оставляя за собой кровавые отпечатки подошв.

***

После долгого осмысления утренних впечатлений страх, наконец, немного отступил. Что толку от этих параноидальных размышлений? Уж лучше поскорее забыть о случившемся. В конце концов, даже у вполне здорового человека может случиться видение. Ведь описывалось что-то похожее в маминых медицинских книжках. Причиной тому может служить и недостаток сна. Ведь точно было такое где-то написано, если есть воспоминания. Как же это называлось-то?.. Сложный термин. Гипнагогические галлюцинации! Верно! Вовсе не симптом безумия. Обычное дело. Просто кинофильм, демонстрируемый переутомившимся мозгом, не более того. А если подумать, не настолько сильно тот мираж был похож на лужу крови, скорее уж напоминал тень, а может, то лишь в глазах рябило от внезапного солнечного света. Рябь в глазах вообще не галлюцинация, а вполне естественное явление при ярком свете. Ну его к черту! Всякое бывает.

Как только удалось немного убедить себя и успокоиться, Эра обнаружила, что грызет кончик карандаша, уставившись в страницу учебника биологии, и снова, и снова пытается прочесть название параграфа. Стало быть, уже третий урок на исходе. И не заметила, как время промчалось, да и в памяти почти ничего не отложилось. Вот она — глубокая задумчивость. Да ещё и не обратила внимания, что уже третий урок сидит за одной партой с Айжан, которая уже давно заметила неладное состояние девочки. Еще бы! Губы ощутимо дрожат, да и пальцы подрагивают, в маленькой точилке с зеркальцем отражается кружок мертвецки бледной кожи лица. «Чего же это я? Всего боюсь, из-за каждой мелочи нервничаю...» — подумала Эра, настойчиво продолжая вчитываться в текст учебника. Однако, даже выкинув из головы утреннее происшествие, сознание отказывалось переключиться на изучение особей членистоногих. На смену переживаниям из воспоминаний внезапно выплыла история о пропавших людях. Некоторое время девочка

честно старалась поверхностно уловить информацию из прочитанного, но размышления о таинственных исчезновениях оказались куда более увлекательными и даже успокаивающими. Сосредоточенность окончательно рассеялась где-то между ракообразными и трахейными, буквы превратились в замысловатый, но ничего не значащий ряд символов. Глаза скакали по строчкам, мельком изучали рисунки, в то время как мозг был настроен на иную волну.

Однако, погрузившись в размышления, Эра испытывала противоречивые чувства. Странно, тем не менее, интерес к истории Айжан отличался от очарования тайной из какой-нибудь детективной книжки.

Что тут скажешь, книжка — это вымысел. Уже существующая от начала и до конца история. И на всякую загадку непременно прольется свет в финале романа. Говоря проще, в книжках-то загадка существует только ради интриги и обязательного объяснения на последних страницах.

Рассказы из вечерних выпусков не вызывают такого же интереса. Хроники убийств вызывают скорее неприятные ощущения, чем очаровывают. В то же время они рутинны и обыденны. Изю дня в день в мире происходит нечто неправильное, нехорошее, противоречивое. Это уже давно стало стабильным, даже внимание на эту реальность перестаешь обращать.

А вот история, рассказанная одноклассницей, была не похожа ни на то, ни на другое. С одной стороны, реальные события, не имеющие ни капли привлекательности, с другой — нечто важное, что никак нельзя было проигнорировать. Как-никак исчезновения, о которых рассказывала Айжан, происходили совсем рядом. На знакомых улицах. Это притупляло ощущение покоя и безопасности. Рядовые жители города, такие как сама Эра, просто исчезают. Никто не знает куда, никто не знает почему, никто понятия не имеет, кто или что за этим стоит.

А если подумать: кто может стоять за всем этим? Разумеется, какое-то зло. Ведь исчезновение человека вызывает только страх, волнение и прочие неприятные чувства. Если вот так исчезнет мама? Это будет ужасно! Конечно же, это зло! А что такое зло?..

— Лера, — прощуршал чуждый для уха звук имени.

Вдруг, словно в тумане, вспыхнул яркий свет и тут же снова выявил знакомую обстановку классного кабинета биологии. Руки по-прежнему бестолково сжимают учебник, взгляд попусту буравит абзацы, а карандаш длинной сигаретой зажат в зубах. И как только удастся, не подключая волю, так искусно создавать вид работающего ученика, при этом полностью мысленно отсутствовать в классе?

— Эра, — снова позвала Айжан сбоку, на этот раз привычней.

— Что? — не вникая, откликнулась Эра.

Одноклассница ткнула пальцем чуть пониже груди девочки, указав на открытую тетрадь. «Практическая работа» — только два слова, написанные рукой Эры в самом верху листа. Всё это время ученики выполняли самостоятельную работу. Блин! Преподаватель отчетливо растолковал план задания — нужно было лишь прочесть параграф и составить конспект! В тетради Айжан исписано уже почти два листа.

— Ты бы хоть что-нибудь выписала для виду. А то за неработу на уроке могут двойку вклеить.

— Я успею, — сказала Эра, взяв в руку карандаш, уже ощущая, что засуетилась.

— Шесть минут до конца урока. О чем ты думала всё это время?

Девочка вздохнула:

— О многом... О пропажах людей тоже...

Каким-то странным стало выражение лица Айжан. Какая-то двойкая улыбка, ехидная и выражающая восхищение одновременно. Всегда казалось, что эту отрешенную от всего девочку так трудно заинтересовать, но, оказывается, вызвать интерес у неё могут всего на всего чужие размышления, не имеющие отношения к школьным заданиям. Возможно, в этот момент Эра стала её героем. От чего же ещё так вспыхнули её глаза? Наверное, она и не догадывалась раньше, что самая успевающая девочка в классе способна забыть об уроках, задумавшись о чем-либо другом. Должно быть, Эра теперь интересуется Айжан ещё больше. Думать об этом было приятно.

— А что в этом привлекательного? — поинтересовалась одноклассница.

— Сама не пойму, — угрюмо призналась Эра.

Девочка хотела добавить, что непременно хочет узнать об этом деле больше, но тут её мысли прервал хрипловатый кашель учителя. Юлия Александровна была строгой, но не лишенной деликатности.

— Алаева, Вы, должно быть, закончили, раз позволили себе болтать.

Ни для кого не была тайной новая манера преподавателя биологии переходить на Вы, когда она готовилась сделать замечание.

Её пытливый взгляд из-под не по возрасту модных очков мог означать только желание заглянуть в тетрадку ученицы. Большие глаза скользнули и в сторону Айжан, давая понять, что её работа будет проверена следующей. Эра растеряно встала. Неужели она сейчас и вправду сунет под нос учителю пустую тетрадь? Ох, как же низко она упадет в глазах Юлии Александровны. Теперь и все одноклассники смотрели в сторону Эры, почувствовав её неуверенность. Ожидали чего-то эдакого. Сквозь плотно закрытую дверь просочилась негромкая трель — звонок, что дается только для учителя. Однако он оказался спасительным.

— Домашнее задание: закончить конспект, — сухо заключила немолодая женщина, обращаясь уже ко всем ученикам.

Повезло.

Стоит извлечь урок, что не стоит зря витать в облаках во время занятий. Лучше уж забыть о раздумьях или хотя бы отложить их до конца учебного дня, если они так важны. Нужно постараться избавиться от навязчивых мыслей и перестать, наконец, философствовать на тему, что же такое это зло.

***

Когда впервые Эра встретила с тем, что противоречит человеческим идеалам? Был ли раньше момент столкновения с очевидной жестокостью, не считая заметок в газетах, новостей по телевидению и прочитанных до дыр книг? Однажды такое действительно случилось. Ещё до того, как девочка научилась читать, ей пришлось увидеть смерть в собственном доме. Смерть маленьких неразумных существ. Тот день хорошо запечатлелся в ещё неокрепшем рассудке. Всё началось с ритмичного шуршания под мойкой, где стояло помойное ведро. Эти тихие шуршания и редкое попискивание тогда ещё не сильно волновали девочку. А вот Инну шум за маленькой дверцей всегда раздражал, и она всегда бормотала о том, что сама накликала беду, вспоминая о мышах.

Как-то раз женщина, встав на четвереньки, поместила какой-то предмет в темный уголок под раковиной. Вскоре после чего это действие принесло свои плоды. В тот же день

по всей кухне пролетел громкий щелчок, который не мог не привлечь внимание Эры. Девочка присела на корточки у мойки и, затаив дыхание, распахнула дверцу. Но детское ожидание чего-то интересного развеялось, когда перед глазами Эры предстала ужасающая картина. Неимоверно больно было созерцать, как в предсмертной агонии бьются сразу два мышонка с перебитыми позвоночниками, прижатые металлическим рычагом к деревянной дощечке.

— Ой! — только и смогла произнести Эра, закрыв глаза руками.

Но Инна ничуть не прониклась сочувствием к бедным мышатам. Она лишь достала из мусорного ведра мышеловку и осторожно на вытянутой руке отнесла несчастных в туалет. Единственное о чем пожалела мама, это о том, что девочке пришлось увидеть это. Эра вовсе не собиралась её осуждать. Таков мир. Такова эта жестокая мышеловка. Истинное эффективное зло — мышеловка. Её единственное предназначение и цель — убийство. Убийство как таковое. Не ради насыщения, не в интересах мести. Просто оружие. Оно не знает неутолимой жажды и не имеет чувств. Оно лишь убивает. Целенаправленно, неистово и жестоко. Но если вдуматься... Кто породил все подобные орудия? Кто изобретатель ножей и пистолетов? Человек. Это и есть корень мирового зла. Силы стихии, животные инстинкты — нет! Разум. Только он способен осознанно нести смерть, опираясь на свободную волю. А если так, то всё существующее зло в мире идет от человека. Его руками творится возмездие, развязываются войны, вершится неправда. А все эти инструменты лишь продолжение руки и намерений человеческой сущности. Не удивительно, если и за всеми этими исчезновениями стоит человек. Это самый простой и очевидный вывод.

Даже сам образ дьявола на картинках книжек, этот символ порока, выдуманный темными умами, отдаленно, но напоминает человека. Стоит лишь отсеять звериные черты, которые нужны лишь для того, чтобы придать его облику свирепость. Вот что такое зло. «Интересно, что бы сказала на это Айжан? Вон она стоит. Наверное, меня ждет...» — думала Эра, глядя в окно на школьный двор на то место, где вырисовывалась худенькая фигурка одноклассницы под сенью ещё не совсем желтой липы. Рядом с Айжан юлила её младшая сестренка Сауле. Что-то говорила ей, беззвучно открывая рот, и тянула за рукав, а Айжан в ответ, должно быть, просила её успокоиться. Бедная её сестренка продрогла вся, хочет поскорее домой. «Надо было сказать о намерении заглянуть в школьную библиотеку. Жаль, не догадалась, что Айжан рассчитывала идти домой вместе со мной. Как чудны все эти тонкости взаимоотношений. Раньше такого не было, разве что с мамой», — Эра отпрянула от окна, почувствовав неловкость перед Айжан. Долго ли до греха, сестры заметят девочку в окне, решат, что та от них прячется, дожидаясь, когда уйдут. Пора бы уже подняться в библиотеку. Поискать ответы. Пусть это и глупая затея. Плод телевизионного влияния. Запутавшись, герои кино всегда отправляются в пристанище пыльных книг и всегда отыскивают то, что им нужно. В самом деле, глупо! Но, впрочем, ничего поумнее в голову не приходило. Можно хотя бы так попытаться найти ниточку к ясности и успокоиться наконец.

Эра вовсе не ставила себе бессмысленной цели распутать узел тайны. Напротив, ей хотелось лишь самого малого. Чуть-чуть заглянуть за завесу тайн, чтобы иметь самые скромные представления о неизвестном, только для того чтобы поскорее забыть о бессмысленных размышлениях раз и навсегда.

Войдя в читальный зал, Эра робко кивнула тихой, как рыбка в аквариуме, библиотекарше. В стенах, пропитанных тонким запахом ветхой бумаги, среди множества невысоких стеллажей висела чарующая тишина. Только электрические лампочки издавали

тихий жужжащий звук. Ах, если бы знать, что действительно двигало девочкой, когда она шла сюда? Только сейчас она осознала, насколько глупа была идея заглянуть в этот забытый всеми уголок. Что можно отыскать тут? Окружение многочисленных книг гарантирует разве что спокойствие. Но и это неплохо, учитывая суматоху минувшего дня. Книга хороший собеседник. Эра уже было думала отыскать что-нибудь из классики готических романов, которым отдавала предпочтение в последнее время. Но вдруг, заметив в углу старенький компьютер, девочка заставила себя думать, что не всё так безнадежно. Можно попробовать отыскать что-нибудь в Интернете. Это не такая уж и плохая идея, если, конечно, этот старинный агрегат ещё можно включить. Хотя, даже в случае удачи, стоит ли рассчитывать на наличие Интернета? Иначе бы он не стоял тут такой одинокий, дожидаясь пользователей. Всё-таки, не оставляя попытки, Эра устроилась за клавиатурой. К счастью, процессор откликнулся, мигнув зеленым огоньком, и шумным дыханием кулера оповестил о способности работать. И Интернет есть. Это уж совсем невероятное везение, пусть и доступ ограничен, лишь бы поисковая система работала. Именно это средство-то и погубило библиотеки — теперь книги и всевозможные материалы из Интернета не занимают места на полке, что стало куда удобнее. Неплохо было бы и дома иметь Интернет. И сама Инна не раз говорила об этом. Вот только поиски информации не увенчались успехом. Рано девочка обрадовалась. Около получаса поиска в сети не дали никаких результатов. На городском сайте не было ничего полезного и даже интересного. Только заметки об открытиях фонтанов на площади, о домах, идущих под снос на окраине, и прочая бытовая чепуха маленького городка. В какой-то момент Эра даже забыла, зачем вообще села за этот застарелый, то и дело виснувший компьютер. Зачем-то взялась читать о проблемах жилищно-коммунальных услуг. Только время зря потратила. «В городских газетах и то больше интересных заметок, чем на этом скучном сайте», — подумала девочка, и тут её словно током ударило. — Городские газеты! Точно! Там же непременно должны быть объявления о пропажах. И как сразу не пришло это в голову? Ведь совсем рядом, на подоконнике, пылится целая куча старых номеров «Свечи».

После отключения компьютер сделал ещё несколько тяжелых вдохов и, поняв, что больше в нем не нуждаются, погас, жалобно моргнув зеленым огоньком напоследок. Эра огляделась. А вот и они. Большая стопка еженедельника «Свеча» без дела пылилась на подоконнике. Едва ли кто-то заглядывал в подшивку хоть раз. Все номера газеты были пробиты дыроколом на корешке и связаны тугой веревкой в единый блок. Страницы тех газет, что лежали сверху всё ещё сохраняли свой первозданный сероватый цвет, но скоро и они приобретут бледно-желтую окраску, как и более старые номера. Стопка еженедельника оказалась намного тяжелее, чем она предполагала. С тяжелым вздохом она обрушила ее на клавиатуру ненужного компьютера. В ответ на шум тихая библиотекарша привстала со своего места и с любопытством бросила взгляд на Эру сквозь книжные стеллажи. Девочка смутилась, почувствовав, что её застали за таким нелепым занятием. Наверное, библиотекарша сейчас размышляет, для чего Эра пришла в библиотеку и взялась за скучные газеты. Ну и пусть думает. Главное, найти что-нибудь интересное.

Однако, пролистав номер двухгодичной давности, девочка сделала лишь один вывод: «Свеча» — скучнейшее издание. Ничего не нашла кроме пустых статей, а на последних страницах были лишь объявления о пропаже животных. Вряд ли это хоть немного связано с тем, что её интересовало. Уже утратив интерес, Эра хотела было оставить эту затею и пойти домой. Но как только она попыталась подняться из-за стола, её живот пронзила внезапная

боль. От неожиданности девочка рухнула обратно на стул. Странная ноющая боль. И это был не просто спазм. Только этого не хватало. Неприятное ощущение то утихало, то усиливалось. Ожидая, когда резь успокоится, Эра снова взялась за газеты. А может, и не обязательно читать всю газету целиком, ведь можно просматривать лишь последние страницы, где размещают объявления? Громко шелестя страницами, она стала пролистывать газеты, но и на это терпения не хватило. Едва успев пробежаться глазами по двум заключениям прошлогодних номеров, по нервам снова ударила тугая резь. Эра даже не приняла во внимание надпись «Помогите найти» под фотографией маленького мальчика. Теперь, когда, наконец, удалось отыскать то, что её интересовало, это стало неважным, боль в животе заставила девочку забыть обо всем. Что-то внутри подсказывало ей, что этот недуг появился неспроста. Сердце от чего-то заколотилось. Нехорошее ощущение. Всё вокруг стало иным, враждебным, будто затаило в себе опасность. словно сама атмосфера помещения давила на девочку со всей силы.

— Да что же это? — жалобно заскулила Эра, прижимая руки ниже груди.

Всё внутри затряслось. И вдруг боковым зрением девочка заметила справа от себя какой-то темный предмет, прислоненный к подоконнику.

Странно, там же ничего не должно быть. Неужели снова явилось видение? Наконец, преодолев неожиданно нахлынувший страх, она нашла в себе силы повернуть голову. Перед глазами стояло лишь запыленное окно, за которым виднелось темнеющее небо, готовившееся обрушить стену дождя на маленький городок. Эра зажмурилась и сильнее прижала руки к ноющему животу. Что-то совсем нездоровится. Даже воображение разыгралось. От окна потянуло сквозняком. Девочка почувствовала в воздухе мимолетное движение, и внезапно что-то незримое, холодное коснулось её руки. Коснулось и тут же исчезло, словно кто-то пытался потянуть Эру за руку к подоконнику. С трудом подавив крик, девочка вскочила из-за стола. Это уже нельзя было списать на игру сознания и просто не принять во внимание. Галлюцинация или нет, однако ощущение присутствия кого-то ещё, находящегося в читальном зале, было вполне реальным. Кто-то или что-то... Невидимое, но такое осязаемое. Эра ощущала каждой клеточкой эту неведомую пульсирующую энергию, она наполняла комнату, разрасталась по стенам, словно плющ, давила, требовала каких-то действий. Боковое зрение снова явило иллюзию. Тот самый черный продолговатый предмет, прислоненный к подоконнику. Какой-то широкий шест, серебристый на конце. Удушающий страх сжал её в своих объятиях. Волосы на голове ощутимо зашевелились. По спине, словно маленькие насекомые, бегали мурашки. Эра вдруг почувствовала спиной давление ужаса и, не выдержав, понеслась прочь. Крик сам собой вырвался из горла. Переполошенная библиотекарьша вскочила со своего стула. Её маленькие глазки удивленно округлились. Скользя в дверной проем, Эра сильно ударилась ногой о косяк, вывихнула лодыжку, но даже не почувствовала боли. Ей хотелось поскорее покинуть это место. В кармане зазвонил мобильник. Какое счастье, что она не забыла его в библиотеке!

Это, конечно же, мама. Скорее бы к ней. Домой. И никогда не ступать больше на порог школьной библиотеки. Отныне путь сюда навсегда закрыт.

Домой! Домой скорее! Никогда больше не давать любопытству брать над собой верх. Никогда не совать нос во что не попадя.

Девочка неслась как сумасшедшая. И только у самых дверей, ведущих во двор, замедлила бег, поняв, что боль в животе пересиливает необъяснимый ужас.

— Тихо, тихо, — шептала она вслух, успокаивая себя.

Даже если опасность настоящая, она теперь позади. Теперь можно просто пойти домой и забыть о сегодняшнем дне. Забыть или хотя бы не думать. Насколько это возможно. Эра сделала глубокий вздох. Стало легче. Однако расшатанные нервы наводили на мысль, что все самое страшное ещё впереди.

Глава 4. Гадость

Трудно сказать, в какой момент и с чего вдруг всё это началось и сколько продолжалось. Время сильно замедлило свой ход, уступая власть кошмару, который казался бесконечным. Сколько тянулось это мучение? Минуты? Часы? Эра будто оказалась в аду непрерывного страха и агонии. Её тело то взлетало вверх, то падало в пропасть, крутилось в воздухе волчком. Затем с невероятной силой ударилось о твердую поверхность. Этот удар должен был убить, но нет, кошмар не прекращался. Все мышцы сжимались от приступов нестерпимой боли. Хотелось кричать, но не было сил оторваться от холодной земли и открыть рот. В глазах — чернота. Девочка лежала ничком на земле и не могла даже пошевелиться. Невыносимая пытка. Всё тело парализовано болью. Нет чувств в руках и ногах, будто превратилась в сплошной пульсирующий от постоянной рези и колик комок. В какие-то моменты боль отступала на пару мгновений, но тут же возвращалась с нервными судорогами, принося ещё большие страдания. Каждый её нерв молил о передышке, а мозг кричал, что больше не в силах терпеть эти мучения: «Что происходит? Где я?!».

Наконец, заставив себя слегка приподнять голову, Эра увидела, что лежит на пустынной земле без единой травинки. Сухая растрескавшаяся почва, похожая на панцирь гигантской черепахи, будто дрожала от холода. Вокруг простирался мрак: темно-синее небо, всё в беспокойных тучах, словно кипящий океан, черные стволы мертвых деревьев раскачивались на ветру, будто чьи-то костлявые руки пытались достать до бушующей выси. Страшный пейзаж. Мертвый и пустой. Слово и нет больше ничего в этом мире. Только этот мрак, сухая земля, гнилые деревья и только эти гадкие птицы — единственный признак жизни. Целый вихрь черных птиц, похожих на ворон, только гораздо крупнее. Они оглушительно кричали, и эти звуки не походили на обычное карканье, казалось, что все они наперебой выкрикивают: «Эр-ра! Эр-ра!». Девочка попыталась подняться, но сил хватило лишь для того, чтобы встать на колени. Вдруг боль сосредоточилась в груди. Эра ощутила, как что-то упругое и сильное рвалось в страшных конвульсиях. Нечто инородное. Большой ком. Толчок, ещё толчок. Тело пытается извергнуть что-то чужое изнутри. Или это что-то живое само желает освободиться. Дикая боль. Девочка вскрикнула, что было силы. Грудная клетка разорвалась, словно натянутая ткань. Всплеск крови, и скользкий ком, вырвавшись, скользнул прочь в темноту. Эра снова рухнула ничком, потеряв сознание. Лишь в последние мгновения сумев заметить скользкую тень среди силуэтов гнилых стволов.

Снова растревожила боль, но уже не такая сильная. Будто плоть, избавившись от живой гадости, позволила себе глубокий вздох. Девочка, опершись на руки, встала на четвереньки. Мышцы на руках выступили тугими узлами.

«Где я?» — озадачился измученный рассудок.

Эра огляделась по сторонам. Черт возьми, это же старый городской парк! Трудно было поверить, что такое красивое место может так исказиться. Не здесь ли она так часто гуляла с мамой?

Мама... Где же она? Не было ли всё, ранее пережитое, сном? Уютная квартира, школа, мама... Как ужасна эта реальность, в которой проснулась Эра.

— Мне больно, мне очень больно, — простонала девочка без надежды на то, что её

жалобные стоны будут услышаны. — Хочу домой, хочу к маме!

Она не слышала собственного голоса. В ушах звенели лишь крики черной стаи. И где-то совсем рядом находилось что-то опасное. Нечто страшное металось среди деревьев, но не показывало свой отвратительный лик. Только его плоский силуэт мелькал в круговороте теней черных крыльев. Отдаляясь, его черная фигура на земле становилась приземистой и тучной, проносясь рядом, казалась длинной и плоской. Само существо не приближалось, оно бегало где-то среди деревьев, но его тень чернела совсем рядом, словно подкрадывалась, опережая хищника, которому принадлежала. Гадкая скользкая тень. Насколько же омерзителен её хозяин!

Эра зажмурилась и закрыла уши руками, ей не хотелось больше видеть бушующее небо, слышать страшный шум хлопающих крыльев и этот хрип страшного существа, что, как шакал, дожидается, когда израненная жертва отдаст концы. От этой бешеной карусели у Эры закружилась голова. Стоять на коленях не было сил. Девочка упала лицом на землю. И пусть. Лучше не видеть этого кошмара.

— Прочь! Пошли прочь, проклятые птицы! — вдруг воскликнул кто-то.

Незнакомый женский голос. Но было в нем что-то родное. Спасительное. Чья-то рука мягко коснулась её затылка. Девочка вздрогнула, однако тут же смекнула, что это не то темное существо. Эра рывком перевернулась на спину. Над ней кто-то стоял. Тонкая фигура четко вырисовывалась на фоне темного неба.

— Прочь! Прочь! — надрывалась незнакомка, размахивая руками. Её длинные черные волосы слегка покачивались.

— Помоги мне, — взмолилась девочка.

Из мглы выплыло лицо полное сострадания. Молодое красивое лицо, бледное, будто из мрамора. Даже мрак уступал его белизне.

— Всё хорошо, — беззвучно прошептали губы.

— Плохо! Мне очень больно! — сипло проговорила Эра.

Птичья свора не унималась, но голоса, пробиваясь сквозь сплошной поток криков, звучали отчетливо. Молодая девушка присела на одно колено. Выражение её глаз казалось таким знакомым. Так мамы смотрят на своих детей, когда они нездоровы.

— Взрослеть больно? — неясно произнесла незнакомка.

— О чем ты? — прохрипела Эра.

— Твоё тело меняется.

Мягкая рука коснулась щеки девочки. Эра дернула головой.

— Перестань! Кто ты такая?

Глаза девушки округлились.

— Ты не знаешь, кто я? Удивительно. Я знала, что так будет.

Странно, незнакомка говорила очень тихо, но это не мешало Эре слышать каждое её слово, несмотря на оглушительный шум, словно голос девушки звучал в её разуме.

— Уходи, — выдавила из себя девочка. — Оставь меня. Не трогай. Я умру!

— Нет, нет, не умрешь! Ты не можешь умереть — ты бессмертна!

— Кто ты? — снова спросила девочка.

— Меня зовут Лая. Неужели совсем ничего не помнишь? Знаю! Ты потеряла своё оружие? Где оно?

Эра не понимала, о чем говорила девушка. Однако она, судя по всему, не просто болтала попусту. Незнакомка, очевидно, что-то знает о её прошлом, быть может, даже всё. Но

почему не объяснит? Почему не растолкует как следует?

Где-то совсем рядом хрипел шакал. В его судорожном дыхании угадывалось вожеление. Это опасное существо было готово напасть, наброситься на живую добычу и растерзать за долю секунды. Но он не приближался. Словно и сам опасался чего-то.

— Уходи! Оно нас разорвет! — выкрикнула девочка, дернув плечом.

— Успокойся, здесь только мы, — голос девушки стал тверже. — Тут никого больше нет.

— Зачем ты пришла?!

— Просто хотела увидеть тебя.

— Кто ты? И-и... И кто я?

— Ты всё вспомнишь. Попробуй вспомнить... Где ты потеряла своё оружие?

Девочка хотела вспылить и сказать, что ни слова не понимает. Но вдруг вспомнила, что действительно потеряла что-то. Чего-то недостает. Того, что всегда было с ней, словно её неотъемлемая часть.

— Ищи. Иначе пропадешь.

Девушка поднялась с колен и, повернувшись спиной к Эре, медленно побрела в глубь мертвого парка.

— Стой! Ты куда? — закричала ей в след девочка.

— Я уйду. Не могу долго оставаться с тобой. Мы ещё увидимся, но не могу сказать, когда. Я вне времени и не умею в нем ориентироваться.

Девушка уходила всё дальше и дальше, но её голос не отдалялся, словно она по-прежнему стояла рядом.

— Стой, я хочу спросить...

— Спросишь, когда увидимся снова. Но подготовься и четко помни, что именно хочешь узнать. Наши встречи не будут долгими.

«Эр-ра! Эр-ра! Эр-ра!» — звали птицы, кружившие под темно-синим небом.

Девочка хотела подняться, догнать незнакомку, но не могла. Она рванулась всем телом. Каждое движение причиняло ей боль. Лицо её покраснело, на лбу выступил пот; дыхание сбилось, так как она прикладывала все силы, чтобы подняться на ноги. Но что-то давило на неё, прижимало обратно к земле.

«Ну и пусть уходит! Не страшно оставаться одной. Ведь всё вокруг ненастоящее! И этот изуродованный парк, и та гадкая тень, что по-прежнему таится где-то поблизости. И эти птицы, и небо, и эта невыносимая боль! — Эра зажмурилась. — Нет! Всё это ненастоящее. Ну когда же я, наконец, проснусь?!».

***

Свет. Потолок. И всё та же боль. Очнувшись, Эра ещё долго лежала без движений под промокшим от пота одеялом. За окном уже взошло солнце, и сквозь прозрачную тюль в комнату пробивались солнечные лучи. Отходя от шока, девочка лихорадочно перебирала в голове образы, пытаясь вспомнить детали сна. К её удивлению, сделать это оказалось совсем несложно. Редко когда сновидения запоминаются от начала и до конца, а образы остаются четкими и каждое слово героев сна врезается в память. Эра отчетливо помнила тот изуродованный пейзаж школьного парка, черных птиц, ту черную тень. Но та девушка запомнилась больше всего. Волосы, похожие на черный бархат, светлое лицо, её спокойные брови, слегка подрагивающие тени от длинных ресниц на белых щеках. Вряд ли такое лицо мог выдумать разум Эры. Возможно, она когда-то уже видела эту девушку. Теперь, когда

девочка вспомнила каждое мгновение сна детально, ей больше не хотелось думать о нем. Сон растаял с наступлением утра, но оставил после себя неприятный осадок. И эта боль... Она не исчезла. Нижнюю часть тела будто пронизывали спицы, в ногах ощущалась неприятная тяжесть пульсации кровеносных сосудов.

Эра резким движением руки сбросила с себя липкое одеяло. Пылающее тело обдало прохладой. Казалось, что и боль утихла. Девочка приподняла голову и, опираясь на руки, попыталась сесть, и тут её глаза будто остекленели. Эра рухнула головой на подушку, на миг зажмурила глаза и, снова подняв голову, устала на свои ноги. Грудь сдавило от страха. Девочка не могла поверить своим глазам... Кровавое пятно! Такое же, как и в школьном парке, то самое, которое не видят другие люди, снова вспыхнуло перед её взором. Но более реальное. Оно имело запах. Резкий, металлический запах, терпкий и неприятный. Наваждение, явившееся вчера, не оставило Эру в покое. Кровавое пятно снова добралось до неё. Въелось в разум. Проникло прямо в постель, расползлось по её пижаме, пропитало насквозь простыню и теперь, наверное, не исчезнет уже никогда!

— Мама! — истошно завопила Эра, она чувствовала себя такой беспомощной, что слезы хлынули из её глаз. — Мама!

В соседней комнате слышалась возня, а затем торопливые шаги. В комнату ворвалась растерянная Инна. В халате, наспех запахнутом на левую сторону, с непричесанными волосами она выглядела непривычно.

— Мама, посмотри на меня! Посмотри! — кричала Эра.

Правой рукой она коснулась края пижамной рубашки, там, где ткань была пропитана кровью, и протянула вперед испачканную ладонь.

— Мама, ты видишь это?

Инна удивленно хлопала сонными глазами. Она смотрела на свою дочь с таким же недоумением, как и Айжан. Неужели и она не видит?!

— Ой, — хрипловатым от сна голосом вымолвила женщина. — Эра, прошу тебя, не кричи.

Но девочка не могла остановиться, продолжала вопить и всхлипывать:

— Мама, пожалуйста, скажи, ты видишь кровь?

Инна присела на край кровати, всё так же задумчиво оглядывая девочку.

— Эра, я не ожидала...

К испугу примешался гнев. Совсем не это она сейчас хотела услышать.

— Мама, — очень тихо повторила Эра и снова сорвалась на крик, трясая окровавленной ладонью перед лицом женщины. — Ты видишь кровь?

Инна кивнула.

— Да, конечно, я вижу твою кровь, и в этом нет ничего страшного... Надо было тебя предупредить. Я не ожидала, что это случится так скоро.

***

Автобус, как обычно, застрял в утренней пробке. Глухо пыхтел, чуть трогался и снова останавливался, уступая потоку автомобилей, мчащихся вон из города по перекрестной дороге. Где-то рядом пронеслась сирена, мигнув в окно синей вспышкой. Рычал мотор, чавкали шины по мокрому асфальту, галдели студенты на передних сидениях. И каждое утро так! Но сегодня это особенно раздражало, даже выводило из себя. Эра догадывалась, что, быть может, всё это вызвано этим самым недугом, однако всерьез задумалась, а не стоит ли идти по утрам до школы пешком? Пусть это занимает больше времени, зато куда приятнее.

Эра откинулась на сидение и закрыла глаза. Нужно лишь сделать несколько глубоких вдохов — станет легче. Это всегда помогает. Расшатанные нервы, наконец, успокоились. Обида на маму почти исчезла. Девочка даже пожалела о том, что назло маме не позавтракала и, наспех собравшись, пошла на остановку. Не стоило этого делать. Глупо получилось. А если вдуматься, она же и не хотела, будто само собой так вышло. Будто этот дурацкий недуг так распорядился. Ох, до чего же неприятно знать о том, что эмоциями может манипулировать женская природа. В самом деле, Эра бы и не стала сама злиться на мать только за то, что та не предупредила её о том, что взросление весьма заметный процесс и преподносит свои сюрпризы. Когда девочка сделала вывод, что, вернувшись домой, надо будет обязательно извиниться перед мамой, совесть стала кусать послабее. Вот и хорошо. Кто-то опустил на соседнее сидение. Девочка открыла глаза.

— Привет, — просияла улыбкой Айжан. — Ничего, если я посижу с тобой?

Рядом с девочкой стояла её младшая сестренка и деловито лупала глазами.

— Садитесь, — натянуто улыбнувшись, ответила Эра.

Однако она была даже рада, что одноклассница присела рядом. Ещё вчера девочка чувствовала себя неловко от одного её взгляда, а сегодняшняя встреча оказалась желанной.

— Сауле, иди и сядь впереди, чтобы я тебя видела, — со строгостью старшей сестры распорядилась девочка. — А то опять не успеешь сойти с автобуса.

Наперекор сестре, будто в знак протеста, Сауле, недовольно хмыкнув, села на одно из задних сидений. Эра взглянула на Айжан. Её темная куртка поблескивала и переливалась в тусклом утреннем свете. Она себе не изменяла — сегодня, как и обычно, выглядела чрезвычайно ухоженной. Каждый ноготок безупречно овальный, подкрашен прозрачным лаком, волосы идеально прямые, блестящие, как в рекламном ролике про шампунь. А этот легкий аромат бальзама, изящно подведенные черным глаза, эти едва заметные румяна на щеках. Нет-нет, настоящий румянец! И во сколько же ей приходится вставать, чтобы быть всегда такой опрятной? Ещё чуть-чуть подрастет и станет юной красавицей, от которой глаз невозможно будет оторвать.

— У тебя снова нездоровый вид, ты вся бледная, — будто издеваясь, заметила одноклассница.

— Да все нормально.

— Уверена?

— Не обращай внимания — такое случается с каждой девочкой, — попыталась намекнуть Эра и от смущения перешла на шепот. — Ты знаешь уже?

— А-а-а, — понимающе кивнула Айжан. — Знаю. Скоро пройдет.

С заднего сидения послышался язвительный смешок Сауле. Эра смутилась ещё больше.

Автобус, наконец, проскочил в бутылочное горлышко на широкую трассу и сразу стал двигаться быстрее. До школы ещё не так уж близко и не хотелось сидеть просто молча. Эра чувствовала, что должна поддержать разговор, но неопытность в общении с людьми ввела её в ступор.

— А мы вчера ждали тебя после уроков, хотели пойти вместе с тобой, — вдруг вмешалась пятиклассница.

Эра улыбнулась. Было приятно слышать это.

— Угомонись ты уже, — рывкнула Айжан на сестру, и та на этот раз, послушавшись, заткнула уши наушниками плеера.

— А я ходила в библиотеку, — сказала Эра, ей было неловко, что из-за неё

одноклассница ругает сестру.

Айжан сморщилась и махнула рукой:

— Да что ты забыла там? У тебя что, компьютера нет?

«Черт, но не рассказывать же эту глупую историю о попытке найти что-нибудь интересное? Да и вообще заявлять о своем интересе к тому делу. Выдумывать, что соврать, теперь тоже поздно», — металась в мыслях Эра.

— Просто заинтересовалась тем, что ты рассказала. О пропажах людей, — все-таки призналась она.

Девочка дернула головой, от чего её роскошные пряди плавно качнулись, блеснув перламутром. От одного взгляда на эти красивые локоны хотелось привести свои непослушные волосы в порядок. Эра неосознанно расчесалась пятерней.

— Скорее бы уже поймали этого маньяка, — прошипела Айжан. — Нашла что-нибудь интересное?

— Ни слова о маньяке, — ответила Эра, ухватившись за соломинку.

Айжан фыркнула:

— Ну, ты же не думаешь о чем-то фантастическом? В это только дети верят.

— Что?

— Ну, знаешь, по школе всякие слухи ходят, школьники развлекаются подобным способом. Но на самом деле за этими темными делишками стоит какой-нибудь ненормальный. А может быть, кто-нибудь людей для органов похищает... Гадость какая! Не будем об этом после завтрака.

В животе у Эры стало беспокойно, как только Айжан упомянула о завтраке. Аппетит запоздало «продрал глаза». Хорошо бы зайти в столовую и съесть бутерброд. Но об этом потом...

— А какие слухи ходят?

— Не забивай голову ерундой.

— Но я бы хотела быть в курсе!

Айжан таинственно улыбнулась. Её миндалевидные глаза под тяжелыми веками смотрели куда-то мимо Эры. Казалось, она и сама хотела об этом рассказать. Ей не терпелось поведать что-то. Вот же странная девочка — говорит, что всё это несерьезно, а сама, должно быть, очень заинтересована слухами. Не иначе как хочет оставить о себе впечатление как о серьезной девушке. Притворяется.

— Сейчас покажу тебе кое-что, — сказала Айжан и, порывшись в сумочке, достала свой мобильник.

Несколько мгновений она сосредоточено смотрела, щурясь и вглядываясь. Эра заметила тонкий дугообразный след на её переносице. У Айжан, должно быть, плохое зрение, но она никогда не появлялась на уроках в очках. Сама скрытность, не хочет выглядеть нелепо в глазах других, очень зависима от чужого мнения. Хотя очки бы ей были только к лицу. Наконец, закончив возиться с кнопками, одноклассница протянула телефон Эре, демонстрируя какую-то фотографию. Странное размытое изображение. Снимок, судя по всему, был сделан в каком-то сумеречном переулке. Справа и слева угадывались темные силуэты домов и тени деревьев, а прямо по центру в пятне света от вспышки вырисовывалась смазанная фигура, отдаленно напоминающая человеческую. Возможно, это были лишь тени, но создавалось впечатление, что у этого существа огромный рот и круглые красные глаза. Ну и нелепый вид у этой твари. Хотя это размытое серое пятно, если подключить фантазию,

можно было принять за что угодно. Возможно, это даже не живое существо, а просто игра света и тени.

— И что это? — задумчиво произнесла Эра, не отводя глаз от дисплея.

— А на что похоже? — нетерпеливо подстегивала Айжан.

— Не знаю... А с другой стороны даже сказать боюсь.

Айжан торжественно улыбнулась.

— Говорят, что эту фотографию нашли в мобильном телефоне одной пропавшей девушки. Сама она пропала бесследно, но кто-то обнаружил её мобильник в пустынном сквере. Говорят, что девушка, перед тем как исчезнуть, сделала снимок, пытаясь заснять своего похитителя. Не похоже на человека, ага?

Эра ещё раз взглянула на дисплей и вернула мобильник Айжан.

— Думаешь, это правда? — слегка дрожащим голосом сказала Эра.

Одноклассница неожиданно приблизила к девочке своё лицо, почти касаясь своим лбом её щеки.

— Ты издеваешься? Это же грубая подделка какого-то пятиклассника из нашей школы. Все это знают, и всё равно у всех эта выделка фотошопа ходит по рукам. Вот и я перекачала себе забавы ради. Люблю такие штучки. Да-а-а! Но, к сожалению, это лишь легенда.

— К сожалению? — удивилась Эра.

Айжан залилась каким-то странным дразнящим смехом.

— А почему бы и нет? Ты представь: нет никаких людей, одержимых местью, нет психопатов, нет убийц-грабителей, а вместо всего этого сброда кошмарные чудовища: вампиры, оборотни, живые мертвецы. Ха-ха! Жизнь была бы похожа на готический роман, если бы зло было очевидным и весь ужас в мире творился не по скучным причинам, а потому что существуют те, для кого мрак — природа.

— Но ведь это не так, да? — серьезно спросила Эра.

— Ты как из темного леса, честное слово, — вконец завелась Айжан, сегодня она была в ударе. — Но не обращай внимания. Я просто дурачусь.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Автобус, кряхтя, ввалился на обочину перед забором школы. Сжатое столпотворение заерзало, к выходу проталкивались ученики. Опомнившись, Айжан тоже рванулась к выходу, волоча за рукав Эру, другой рукой она ухватила за куртку Сауле. Вырвавшись под светлое небо, Эра с нетерпением впиалась глазами в одноклассницу. Почему-то очень хотелось увидеть, насколько растрепалась ее художественная причесочка, о которой она так небрежно забыла, пробираясь сквозь толпу вперед головой. Так нет, все так же безупречно. Воротник шиворот-навыворот, а волосам хоть бы что! Как губка: сколько ни мни, все равно примет свою форму. И почему не у всех такие волосы? Да, зависть нехорошее чувство.

Девочки шли рядом по каменной дорожке, ещё не очищенной метлой дворника от промокших листьев. Айжан вела за руку Сауле как трехлетнюю девочку, и болтала, что-то про сквозняки в школьных классах. В присутствии своей младшей сестры она разговаривала как-то иначе. С некоторой взрослинкой в голосе. Эра что-то отвечала на пустую болтовню, но мысленно она была далеко и все примеряла на себя то наряд, то губы, то глаза одноклассницы, пытаясь понять, что делает ее такой очаровательной.

— А почему бы нам после уроков не сходить куда-нибудь? — вдруг предложила, Айжан.

— Куда? — растерялась Эра.

— Да хотя бы в кино.

— Можно.

Девочка с готовностью согласилась. И пусть в местном кинотеатре фильмы всегда выходили в прокат с опозданием и целую неделю крутили всего две ленты. И на обоих фильмах, что стартовали в понедельник, Эра уже была с мамой, однако не было ничего бессмысленнее, чем отказаться от предложения Айжан. Девочке было любопытно, что выйдет из их совместного времяпровождения. Вдруг это начало крепкой дружбы?

— Я тоже с вами! — заявила Сауле.

— Тебя не пустят. Мы пойдем на взрослый фильм, — возразила Айжан, подмигнув Эре.

— Тогда тебя тоже не пустят. Ты малявка! — обиделась сестренка.

— А почему бы не пойти всем вместе? — Эре стало жаль Сауле.

Айжан покачала головой.

— Ей нельзя. Она идет на курсы английского после уроков.

— А кто меня проводит? — стала капризничать пятиклассница.

— Проводим мы тебя! — разозлилась Айжан. — Проводим и пойдем в кино. Всё, иди в свой класс. В столовой увидимся.

Сестренка, нахмурившись, потопала по дорожке к школе.

Эра с виноватой улыбкой помахала ей рукой. В ответ девочка показала Эре язык, но затем тоже улыбнулась и поскакала к дверям школы. Оранжевый портфель подпрыгивал, поспевая за своей хозяйкой. Он был таким большим, что закрывал всю спишу девочки и половину головы. Со спины казалось, будто не Сауле, а сам ранец бежит на её тонких ножках. Забавная картина.

— Только сразу после уроков пойдем, хорошо? Малютку надо на курсы проводить заодно. А ещё зайдём куда-нибудь перекусим — и сразу в кино. Не знаешь, что там сейчас идет?

— Нет, — соврала Эра, боясь спугнуть интерес. — Придем и увидим.

— И правда. Все равно. Я давно там не была. Значит, идем?

Девочка радостно кивнула в ответ. Этим жестом она неосторожно выразила всю свою симпатию к однокласснице. Да и ничего страшного. Айжан действительно очень полюбила Эре. Подумать только — она видела эту девочку почти каждый день в школе и всё это время не питала к ней никакого интереса, но стоило обмолвиться парой слов, и вот они почти как подруги. До чего необычно! Теперь же каждый день на всех уроках они будут сидеть за одной партой, бродить вместе по коридорам во время перемен и в школьной столовой обедать за одним столиком. Как здорово даже просто думать об этом. Каждая минута, проведенная с Айжан, казалась очень важной. Никогда раньше она не чувствовала себя настолько счастливой. Жизнь всегда была спокойной. Но теперь школьные будни изменятся и, скорее всего, навсегда.

***

В окрестных домах и на улицах уже начали зажигаться огни. Серая мгла зарябила, словно помехи на экране телевизора, постепенно сгущаясь и становясь сплошной. Сауле нравилось прогуливаться в сумерки. Это было запретное время, в которое родители не разрешают гулять маленьким детям. Но теперь, когда сразу с наступлением темноты приходит нестерпимый холод, что заставляет съеживаться и мелко дрожать, она без удовольствия вкушала этот запретный плод. Еще и эта болезненная пустота в желудке. Скорее бы домой, да выпить горячего чая. Надо бы шагать побыстрее, иначе так можно и

простудиться. Поздновато все-таки заканчиваются эти курсы. В такие дни нередко задумываешься, а стоит ли знание иностранного языка этих мучений? Два раза в неделю приходится проводить два часа на утомительных занятиях. Ох, нелегко дается эта ноша. К тому же эти занятия не приносили почти никаких результатов. Маленькая Сауле по-прежнему имела трудности с произношением и получала хорошие оценки лишь из-за симпатии учителя.

Всё без толку! Всё просто так, лишь бы обеспечить себе быт. Скучный до занудства. Тусклый мир. И жизнь на вкус кислая. Уже сейчас, в свои юные годы, девочка всерьез об этом размышляла. Ах, если бы жить в другом, придуманном, мире. Где всё иначе. Как в кино. Пусть даже как в фильме ужасов, которые так любит её старшая сестра. А ведь было бы неплохо, если бы на этот серый мир и впрямь обрушился апокалипсис. Хотя бы в лице пресловутых живых мертвецов, что одержимы жаждой живого мяса.

«Ха — ха! Айжан права — что-то в этом есть! Как там говорила Айжан? «Пусть и не стоит искать глубокую идею в этих безвкусных ужастиках о легионах зомби, но всё-таки... Люди потребляют в сотни раз больше, чем необходимо для поддержания жизни, будто потребление и есть их жизнь». Так оно и есть! Даже самовыражаются путем потребления: приобретают вещи и боятся остаться без вещей. И производят-то для того, чтобы потреблять. А никто даже не задумывается, что однажды и самих людей может кто-нибудь потребить», — Сауле мало что понимала из этих слов, но идея страшного нашествия показалась ей интересной.

Подумав о кино, Сауле вдруг вспомнила об этой странной Эре, которая так нравится Айжан. Малютка чувствовала ревность, но ей было любопытно, как они проводят время, и она то и дело звонила сестре, узнавая, что они делают. Оказывается, им и не удалось сегодня сходить на фильм. Провинциальный кинотеатр в очередной раз был пуст. Сеанс не состоялся, так как и пяти билетов не было продано. Зато посетили цирк-шапито, что неделю назад распластал выцветший шатер на бывшем стадионе. Это, конечно, была идея той самой Эры. Не пойдет же туда Айжан. Она взрослая, и её давно не увлекают подобные зрелища, а вот эта загадочная особа всерьез заинтересовалась скучной программой. Сестра с удовольствием за ней наблюдала и с интересом рассказывала по телефону об Эре.

— Она впечатлительная, словно ребенок, — говорила Айжан. — Так удивленно она смотрела на не особо сложные трюки акробатов, искренне аплодировала жонглеру и как замороженная наблюдала за ленивыми кошками, которые нехотя ходили по шесту. Она такая же смешная, как и ты... А какими были ее глаза, когда она увидела рысь. Ещё и, ткнув пальцем, спросила у меня: «Что это за зверь?». Представляешь? Вдобавок перемазала все лицо плиткой шоколада. Очень необычная девочка и насколько интересная. Будто у нее есть какая-то тайна. Как бы то ни было, хорошо, что решилась с ней подружиться.

— По-моему, она просто глупая, но только она тебе в подруги годится, — съязвила Сауле в ответ.

Вынырнув из своих мыслей, девочка остановилась и скользнула взглядом по сторонам. Она стояла на пересечении двух улиц, где низенькие двухэтажные дома сменялись длинными семиэтажными. Отсюда до дома идти ещё минут пятнадцать. Улицы буквально затапливало темнотой. Сауле на миг задумалась, не странно ли выглядит в глазах людей то, что такая маленькая девочка возвращается домой в столь поздний час. И только в эту секунду она заметила, как пусты улицы вокруг. Девочка попыталась найти взглядом хоть одного прохожего, но никого поблизости не было. А вот это уже страшно. В голове сами

собой рисовались пугающие картины. Сауле вдруг поймала себя на мысли: а ведь за весь путь она не встретила ни одного человека. Да и вообще, зачем свернула со знакомой дороги? Куда идет? Да это же незнакомый район! И почему, едва наступили сумерки, людей будто разогнали с улиц? Все накрыла тишина, даже шум оживленного шоссе не доносился издали. Тут ещё вспомнились эти истории о таинственных пропажах людей... Во мгле протяжно завыл ветер, летящий со всех сторон улицы и закручивающийся в воронку вокруг дрожащей от холода и страха малютки.

— Только не это, — сказала вслух девочка и, стряхнув оцепенение, помчалась дальше по улице.

Она неслась со всех ног, оглядывалась по сторонам, пытаясь отыскать живого человека. Петляя в лабиринтах узких улиц, Сауле заскочила в неосвещенный фонарями тупик и едва не налетела на стену. Резко развернувшись, девочка уже было рванулась назад, но вдруг краем глаза заметила... Черт, да что же это было?! Тень? Черное пятно скользнуло со скоростью ветра перед глазами. Прыгнуло с обшарпанной стены и уткнулось по асфальту. В долю секунды. Но оно было! Не похожее на тень. А что тогда? Вот глупости. Воображение от испуга разыгралось. Что же еще?

Страх тут же отступил. Сауле даже почувствовала себя неловко за свой испуг. Какой же надо быть трусихой, чтобы испугаться безлюдной улицы? Нет ничего странного и фантастического в том, что люди не валят толпой на улицу в такой ветреный вечер. Это надо же? Испугалась как пятилетний ребенок. Даже едва не позволила воображению нарисовать в темноте чудовищ. Нет их в реальном мире. Не верила в них Сауле. Интересовалась так же, как Айжан, но не верила. Рада бы поверить, да не могла! Во всех этих рассказах о сверхъестественном так много логических нестыковок. Даже такому ребенку, как Сауле, это было понятно. Не получается их воспринимать всерьез. Почитаешь, послушаешь и со вздохом разочарования забудешь. Девочка даже носила в себе чувство жгучей обиды на духов и вампиров за то, что их нет. Старшая сестра права — скучно без них.

Выскользнув из тупика, Сауле быстро зашагала. Куда идти-то? Пусть будет вправо, лишь бы добраться до оживленной улицы. Странно, и свет в домах погас. Ненастоящая улица, картонная какая-то, или в сумерках так кажется. Будто из сна: декорации деталями не блещут. Да и все вокруг уже не выглядит реальным. Снова мелькнуло движение позади. Кто-то был за спиной. Сауле буквально затылком видела мрачную фигуру. Чья-то тень прошуршала прямо под ногами, забежала вперед и расползлась по асфальту в нескольких метрах. Девочка замерла. В грудь Сауле снова прокрался страх и с каждым ударом сердца рос и разбухал, словно брюхо паука, пожирающего свою жертву. Что это такое? Кто-то черный и скользкий совсем близко.

Девочка не нашла в себе решительности обернуться и посмотреть, но слегка повернула голову. Боковое зрение заметило очертания кошмарного существа. Вот оно поднимается с асфальта, превращается в подобие человеческой фигуры... О ужас! Это ведь не игра воображения! Это все взаправду происходит! Точно! Человеческая фигура. Сутулая черная статуя. Нужно немедленно уносить ноги. Но страх не позволял даже пошевелиться. А вдруг стоит дернуться — и ЭТОТ бросится, загоревшись азартом.

Стусток мрака двинулся на Сауле со спины. Медленно, скользящими движениями. Его нельзя было разглядеть в полумраке. А может, эта тварь поглощала свет, как черная дыра? Были видны лишь черты человеческого тела. Сауле бил озноб. Девочка почувствовала, как тошнота неумолимо подступает к горлу. В горле защипало. Эта дрянь стояла уже почти

вплотную, дышала в спину, растягивалась и дрожала, издавая хрипящие звуки. Малютка закрыла глаза. Что она делает? Будто обнюхивает девочку, готовясь совершить что-то ужасное.

То, что она испытывала теперь, нельзя было назвать страхом. Ужас, что несколько мгновений терзал взбесившееся сердце, пропал, сжался и спрятался где-то глубоко внутри. Сауле не испытывала ничего кроме тошноты.

Тварь подступила ещё на шаг и будто взглянула на затылок девочки сверху невидимыми глазами. У этой твари и запаха нет, будто это и вовсе не живое что-то, а вправду сгусток тьмы и холода. В следующий миг черная голова прильнула к горлу девочки. Длинные руки с невероятной силой сдавили плечи. Сауле шеей ощутила укол. У этой твари есть зубы. Не в силах пошевелиться, несчастная стояла, устремив взгляд в пустоту, слегка запрокинув голову назад. Гадкое существо, не издавая никаких звуков, будто поглощало свою жертву целиком, вытягивая вместе с кровью жизненную силу, сознание, эмоции.

«Я что, умираю?» — всплыла мысль в холодном разуме.

Силы с каждой секундой покидали девочку. Её иссыхающее тело обмякло в стальных объятиях чудовища. Сауле понимала, что исчезает из этого мира, нарисованного на бумаге карандашом. Завтра её имя появится в списках пропавших. Само собой, это уже не останется без внимания и за поиски возьмутся всерьез, однако они не увенчаются успехом. Никто из здравомыслящих людей не допустит мысли, что похититель — существо не их привычного мира. Оно является людям только во снах и их кошмарных фантазиях. И это существо, как и сейчас, будет убивать, оставаясь невидимым.

«Значит, я и вправду умираю... Это конец». Мощным движением руки дернули обессиленное тело девочки и поволокли в темноту по заплывшему асфальту, неосторожно ударяя об исписанные баллончиками стены. Проваливаясь в смерть, Сауле казалось, будто она проваливается в сон. Даже в последний миг она так и не смогла осознать гибель. Девочка была убеждена, что жизнь не может закончиться. Не так и никак вообще! Ее глаза не могут сомкнуться в последний раз. Даже в последние мгновения невозможно представить, что завтрашнего дня не настанет. Сауле не проснется рано утром, не увидит лучей солнца, заполняющих тесную комнатку, не выпьет обжигающий кофе, и до ее ушей не донесется такое знакомое: «Доброе утро, дочка», не увидит сонное лицо сестры. «Разумеется, завтра я снова проснусь», — подумала Сауле, и эта мысль была последней. Сознание затопило мутными водами равнодушия. Все затопил мрак.

Глава 5. Из мрака земли

Даже не верилось, что ещё вчера Эра была так счастлива. Её восторг не мог удержаться внутри и выплескивался радужным фонтаном. Хотелось смеяться, прыгать и, не стесняясь, благодарить Айжан за часы радости. Но она не смела, боясь показаться навязчивой. Какое необычное это было чувство! Никогда раньше девочка не чувствовала себя настолько хорошо. Она всегда была счастлива с мамой, но это было совсем другое ощущение — спокойное и протяжное, как легкая дремота, а с появлением Айжан в жизнь Эры добавился волнующий восторг, и казалось, что теперь ничего не нужно для полноты жизни. Девочка забыла даже о тех ужасающих видениях, о боли в животе, и неприятный сон минувшей ночи побледнел и затерялся в памяти. Но это было вчера. На следующий день свет прошлых впечатлений померк в ту минуту, когда автобус проехал мимо остановки Айжан. Эра тут же осознала, каким тоскливым будет это утро без новой подруги. Долгие минуты по пути в школу, скучные и холодные. Только одна надежда согревала, что одноклассница со своей

сестричкой просто опоздали на автобус и в школе она непременно появится. Однако на уроки подруга так не явилась. Эра провела целый день в одиночестве, как это было всегда, но понимала, что былая разобщенность уже никогда не станет привычкой. Стоит один раз почувствовать настоящую радость, и уже никогда не согласишься на что-то меньшее. Каким зависимым становится человек от этих маленьких радостей. Никогда раньше занятия в школе не казались Эре настолько бессмысленными. Никому здесь ничего не нужно. Одноклассники нехотя притащились на урок, и учитель без энтузиазма повторяет то, что написано в учебнике. Эра пыталась выкинуть из головы эти мрачные мысли и сосредоточиться, но ничего не получалось. Одно понимание того, что придется просидеть половину дня за партой, угнетало девочку и отбивало желание что-либо делать. Никого не хотелось видеть, ни с кем не хотелось разговаривать. Слишком уж много Эра думала об Айжан, чтобы не замечать её отсутствия.

Во время перемены девочка, забившись в угол школьного коридора, несколько раз попробовала дозвониться ей на мобильник, но в ответ бесстрастный женский голос лишь повторял, что телефон абонента отключен. Девочка забеспокоилась. «А что если Айжан пропала, как другие люди? Я же не видела её со вчерашнего вечера, — с волнением подумала Эра. — А вдруг всё это правда?». Эра представила, как будет ужасно, если это проклятие коснется и её жизни. Возможно, Айжан нездоровится и не стоит раньше времени трубить тревогу. Однако откуда девочке было знать, что с ней ничего не случилось? Вдруг она и завтра не появится, и послезавтра? А что если настанет день, когда Эра придет в школу и наткнется взглядом на объявление, прикрепленное к школьному стенду? Девочке представилась пугающая картина: черно-белая фотография на небольшом листе в левом верхнем углу, остальную же часть заполняет плохо пропечатанный текст: «... ноября пропала ученица Айжан Ботабаева. Если вы можете сообщить какую-либо информацию с ней, позвоните по телефону...»

Прозвенел звонок и коридор быстро опустел, но Эра не обратила на это внимания, замерев у воображаемого стенда. А что если рано или поздно день, когда худшие опасения подтвердятся, настанет? Девочка будет убеждать себя в том, что Айжан не посещает школу, потому что больна, будет звонить на отключенный мобильник. Но придет час, и ужас окажется правдой. На стене будет висеть фотография единственной подруги, а вокруг столпятся ученики разных классов. Они будут топтаться около доски и наперебой восклицать: «...ещё одна пропала», «Я её видела в школе несколько дней назад», «Мне жутко становится от этих исчезновений. Даже смотреть не хочу», «А она была ничего...» Шум в коридоре окончательно стих, только за дверями в классах глухо ерзали ученики за партами. Но придуманные голоса казались реальнее окружающих звуков. Совсем недавно она пыталась с таким липким любопытством найти в газетах ничего не значившие для неё имена пропавших людей! А вот если ей вот так придется потерять кого-то? Эра поняла, насколько больно будет потерять дорогих людей, будь то Айжан или мама.

И тут ей представилось ещё одно объявление о пропаже с фотографией мамы. Девочку вдруг пронзило дикое желание сорвать с доски эти нарисованные воображением листы и разорвать их на мелкие кусочки. Эти злосчастные листы бумаги — свидетельства о возвращении в мир полного уединения и молчания. Представляя это, Эра чувствовала себя обреченной на вечное неизбывное одиночество. В животе снова закололо. Лучше не стоит идти на следующий урок. Эра никогда раньше не прогуливала занятия, но сегодня точно был неподходящий день. Застегивая на ходу куртку, девочка направилась к лестнице.

Единственное, чего ей сейчас хотелось — это вернуться домой, укрыться с головой одеялом и проспать как можно дольше, лишь бы не тянуть этот ужасно тоскливый день.

***

Эра старалась не смотреть на маму, чтобы не выдавать тоскливое выражение своих глаз, но женщина, вероятно, уже обо всем догадалась. Ей одного взгляда хватило, чтобы понять, что дочь не в себе. Девочка сидела за кухонным столом, низко склонилась над тарелкой и нехотя ковыряла вилкой давно остывший ужин. Трудно было не выдавать своего настроения. Конечно, маме показалось странным, что у дочери нет аппетита, несмотря на то, что она не ела целый день. Эра нередко была угрюмой, но никогда раньше она не грустила так — погрузившись глубоко в себя, этого нельзя не заметить. Однако Инна хоть и была обеспокоена, не подавала виду и не спрашивала, что стряслось.

Мама мыла посуду, старательно избегая смотреть в сторону Эры, но не могла побороть себя и то и дело бросала на неё сочувствующий взгляд. Она знала, как выглядит человек, скорбящий об утрате.

— Мама, правда, что любое тягостное воспоминание меркнет во времени? — спросила Эра, понимая, что ей ничего не скрыть от Инны.

Женщина тут же отошла от раковины и присела рядом с девочкой.

— Ты это о чем? Вычитала в книжке?

Эра пожала плечами. Теперь и Инна стала грустной. Её глаза будто остекленели, устремившись куда-то в пустоту. Словно женщина заглянула сквозь время далеко в прошлое и столкнулась с неутешительным ответом. Казалось, что мама вдруг постарела за несколько секунд: на её лице проступили морщины — шрамы, нанесенные временем.

— Наверное, это не так, — наконец ответила она. — Разве может калека хоть на минуту забыть о потерянной ноге? Иногда в жизни происходят события, которые никогда не меркнут в нашей памяти. Зачастую эти события настолько ужасны, что даже годы спустя, вспоминая их, мы испытываем те же самые муки. Боль не становится меньше, просто с годами болевой порог слегка притупляется от постоянных мучений. Эре показалось, что в эту минуту она могла прочесть мысли матери. Сейчас она вспоминала свою Настю. Это тягостное прошлое, которое её преследует.

Девочка задумалась: «Может и вправду ничего не удастся вспомнить, потому что не хочется ничего вспоминать. Это вполне объяснимый страх. Прошлое бывает страшным». А вдруг стертые воспоминания — это страшная автокатастрофа или пожар, гибель семьи, бесконечные страдания и насилие? Что если Эра была так измучена, что сама предпочла сбежать от суровых будней и вытеснила кошмар из своей головы? Инна бы и сама, наверняка, не отказалась помнить свою жизнь с того момента, когда всё самое страшное было уже позади.

— Мне кажется, что случилось что-то нехорошее. Айжан сегодня не пришла в школу, — с тяжелым вздохом произнесла девочка.

— Айжан — это твоя одноклассница?

— Да, — ответила Эра, вспомнив, что даже не успела рассказать о том, что у неё появилась подруга.

Мама почему-то улыбнулась. Девочка ожидала совсем другой реакции.

— Не стоит так волноваться. Может быть, она просто нездорова, — предположила Инна. — Вы, наверное, хорошо сдружились, раз ты так беспокоишься...

— При чем тут это? — с обидой остановила её Эра, едва не разрыдавшись. — Что-то

плохое происходит в городе. Разве ты не слышала о том, что пропадают люди? Я боюсь... Как я смогу жить, если ты однажды не вернешься с работы?

— Дочка, — сказала мама изменившимся голосом. — Никогда не думай о таких вещах. Никто не застрахован от таких случаев, но нельзя их бояться. А представлять такие вещи тем более нельзя. Всегда нужно верить в хорошее.

От этих слов Эра немного успокоилась, однако слезы всё ещё побулькивали в носу.

— Но как я могу быть уверенной в том, что с тобой ничего не случится, когда творятся такие ужасные вещи? — спросила девочка всхлипывая.

— Успокойся, всё будет хорошо. И ложись сегодня пораньше. Сон тебя успокоит.

Девочка молча кивнула. Мама тоже опечалилась. Вот теперь её дочь постепенно начинает понимать, как хрупко их семейное счастье. Раньше Эру ничто не тревожило, а теперь она боится потерять свою маму. На её маленький мир напозла густая тень тревоги, он уже не кажется ей таким безопасным и полным гармонии. Как жаль, что детям рано или поздно приходится чувствовать боль. Хотя, может быть, именно с этих минут начинается взросление.

***

Глубокой ночью, когда не дает покоя бессонница, у неспящего создается впечатление, будто он один во всем мире. Ни звука с улицы, никаких движений за окном, даже осознание того, что человек не один в своем доме, не разбавляет этой пустоты. Ведь отсутствие желания спать у людей редко совпадает. И мысль, что в окрестных домах кто-нибудь да не спит, не кажется правдоподобной. Весь город перестал суетиться, впав в забвение на несколько часов. Эре было знакомо это ощущение. Она ворочалась в кровати, стараясь принять наиболее удобную позу, время от времени вставала, подходила к окну, неслышно бродила по квартире, пила чай, но не от жажды, а чтобы хоть чем-то себя занять. Это напоминало скуку в заброшенном больничном крыле. Тогда девочка ещё не знала о том, что за стенами, в которых она пряталась, существует огромный мир, но её это почему-то не пугало. Больше нагоняли страх голоса, шорохи и шаги. Даже добрую Инну она сначала испугалась, когда та осторожно заглянула в пыльную палату. Эра спряталась под кровать и противилась присутствию женщины, которая принесла ей еду и одежду. Почему тогда было так страшно? Ведь пустое сознание девочки не могло представить опасность. Сейчас и не вспомнить, какими образами она тогда мыслила и мыслила ли вообще. Будто была не человеком, а пугливой кошкой, подчиняясь только инстинктам. Ей не были знакомы такие абстрактные понятия, как «тоска», до тех пор, пока Инна её не приручила. Тогда девочка поняла, как плохо в одиночестве и как хорошо, когда эта женщина рядом.

Вот и сейчас казалось, будто никого нет рядом. Чтобы избавиться от этого ощущения, Эра прислушивалась к сопящим звукам, которые издавала мама во сне. Как беззаботно она спит. Неужели и сама Эра спит так же беспечно, полностью доверившись стенам квартиры и двери, запертой на ключ? Надежен ли этот сейф, чтобы хранить человека, ушедшего в глубокое забытие? Эра задумалась о том, насколько потребность во сне делает людей уязвимыми. «Зачем вообще люди спят? Не было ли это задумано природой, чтобы облегчить охоту ночных хищников? Сейчас большинство жителей города лежат в своих постелях, а по улицам, возможно, бродит этот самый хищник, о котором никто даже не догадывается. Что если и вправду такой существует? Зверь, который способен неслышно прикипать в дома в поисках жертвы. Вот это страшное существо просачивается в дверную щель, дымом плывет по коридору в мамину спальню и склоняется над бесчувственным телом, тянет призрачные

руки к её неприкрытой одеялом шее», — Эра вздрогнула от собственных мыслей и укрылась с головой. Надо же, как просто напугать себя, сидя в темноте. Вроде осознаешь, что страхи тобой и выдуманы, но волосы встают дыбом. Даже пытаясь отвлечься воспоминаниями о теплом солнечном дне, трудно так просто выбросить из головы страшные картины. Эра нащупала на полу рядом с кроватью мобильник. Поговорить бы с кем-нибудь... Девочка, не подумав, позвонила на номер Айжан. Было уже около трех утра, но это было неважно, поскольку Эра заведомо знала, что телефон одноклассницы отключен. Однако в трубке послышались желаемые длинные гудки. Несмотря на поздний час, на звонок ответили почти сразу. В трубке зашуршало. «Не может быть! Я снова услышу её», — сердце Эры радостно застучало.

— Алло, — прохрипела трубка.

— Айжан, это ты? — девочка не верила своим ушам.

— Да, это я, — просипел голос.

Эра была так рада, что готова была кричать, но, увы, так растерялась, что не могла вымолвить ни слова.

— Почему ты так поздно звонишь? — голос одноклассницы был и впрямь нездоровый. Тихий и печальный, будто она недавно плакала.

— Да просто подумала, вдруг ты тоже не спишь, — виновато ответила девочка.

— Я не спала уже больше суток, только-только задремала. Давай завтра в школе поговорим.

Эра хотела пожелать Айжан спокойной ночи, но та уже отключила звонок. «Ничего, главное, что она цела и невредима. Завтра я снова увижу её в школе», — радостно размышляла девочка. Но эта радость не помешала ей спокойно заснуть.

***

Если от нового дня ты ожидаешь чего-то важного, то с его приходом бороться не станешь. Не важно, выспался ты или нет, да ещё и проснулся на час раньше будильника — выскакиваешь из постели с полной готовностью к новым событиям.

На кухонном столе Эру ждал не завтрак, а лишь пара денежных купюр по сто рублей. Мама всегда оставляла дочери деньги на еду, когда высыпалась перед ночным дежурством. В дни маминого дежурства девочке казалось, будто в этой квартире никто кроме неё не живет: утром, когда она собиралась в школу, Инна ещё спала, после, когда дочь уходила в школу, вставала, чтобы приготовить обед, и снова засыпала до возвращения дочери. Эра видела маму лишь тогда, когда та собиралась на работу.

Умывшись по привычке холодной водой, девочка почувствовала, насколько неуютно стало в собственном доме. Холод забрался под кожу. Эра поспешила натянуть на себя джемпер с капюшоном и туго затянула шнурки на воротнике. Куда подевалась та утренняя жара, что ещё так недавно по утрам будила жаждой? Теперь и на пол босой ногой ступать не хочется, а за окном такой же холод, вчерашняя сырость и рваный ветер. Наверное, не стоит ждать последнего вздоха замерзающей осени теперь, когда полуоблетевшие деревья завывали простуженными голосами от того, что набегающие порывы срывают с них последние выцветшие лохмотья.

Яркие события в жизни Эры выбрали не ту декорацию в качестве фона. Не то время. Может быть, было бы привычней, если бы всё людское соответствовало законам природы: возбуждающий трепет — весной, восторг — жарким летом и тоска — осенью, а сегодня был не тот день, когда хотелось тосковать.

Не желая дожидаться, когда закипит чайник, девочка выпила сырой воды из крана и, не включая в прихожей свет, начала наспех собираться в школу. Эра смотрела на своё отражение в зеркальном трюмо и даже не подозревала, насколько нелепо смотрится красный капюшон джемпера на голове, торчащий из-под строгого женского пальто. Её представления об эстетических требованиях были ещё весьма расплывчатые, поэтому ей даже нравился этот контраст и то, каким круглым кажется её лицо в туго завязанном капюшоне, но со стороны она напоминала неваляшку, которую завернули в серый кусок ткани. В таком виде девочка, не стесняясь, вышла на улицу и направилась к остановке по короткому пути. Сегодня идти дворами ей не хотелось. В разрез с каждодневной утренней привычкой настроение у Эры было отнюдь не меланхоличное, чтобы не спеша петлять по сумеречным аркам. Девочке не терпелось увидеть снова свою подругу и, покинув двор, она сразу свернула на главную улицу, которая называлась Торговой. Обычно в этом районе города было всегдалюдно, поскольку здесь находился популярный среди школьников игровой клуб — скромный общепит под названием «Моё кафе» — и пекарня, которая «Пекарней» и звалась. Этот уголок притягивал молодых людей, потому что широкие тротуары вдоль улицы были всегда хорошо освещены витринами и вечерами гулящие горожане слетались сюда как мотыльки на огонек, а по утрам по привычке проходили по знакомым тротуарам. Но этим ненастным утром Торговая улица выглядела заустелой. Ветер гнал людей прочь.

Эре было жаль, что она никого не встретила по пути. Очень ей хотелось, чтобы незнакомцы увидели её такой счастливой, взволнованной, полной энергии. Поделиться бы этим зарядом с сонными горожанами... Жаль, что это была преждевременная радость. Ох, зря девочка загорелась весельем, не зная, что встреча с подругой может обернуться не такой, как она себе это представляла. Казалось бы, ничто не предвещало беды, но уже по пути в школу, когда автобус неприветливо распахнул двери на долгожданной остановке и Айжан появилась на пороге, Эра поняла, что все её ожидания были напрасными. В салон вошла совсем другая Айжан или не Айжан вовсе. Эра никогда не думала, что такое красивое лицо может исказиться до неузнаваемости одним лишь мертвым выражением, отсутствием всяких эмоций. Будто и нет девочки больше в этом безжизненном теле, которое неизвестно как на ногах стоит, только в глазах её томилась глубокая печаль. Что стало с её безупречными волосами? Черная пакля теперь вместо блестящих локонов. Глаза заплывшие, под глазами темные круги, губы синюшные... Одна форма из расстегнутой куртки торчит гладкая. А сестренка её юркая где?! Случилось что-то. Чего не случись, Айжан в таком виде из дома бы не вышла. За все время Эра её такой не видела.

Автобус тронулся. Одноклассница, наконец, взглянула в сторону Эры, еле заметно кивнула головой и тут же отвернулась. Видимо, ей и самой не хотелось показываться кому-то такой на глаза. Эра вдруг поняла, что смотрит на девочку с глупой гримасой — распахнутыми во всю ширь глазами. Не сразу увидела она высокого смуглого мужчину рядом с Айжан. Нет, не высокого вовсе, просто на две головы длиннее низкорослой девочки. Лицо его было строгим, на лбу вздувались лоснящиеся морщины, а в глазах тоска. Точно такая же, как у Айжан. Вот глазами-то они и были похожи. Мужчина осторожно придерживал девочку за плечо, усаживая на сидение. Сам не сел рядом, но с плеча руку не убрал, будто боялся потерять родную малютку в безлюдном автобусе. Айжан Эра больше не видела — одноклассницу от неё заслонила сутулая драповая спина. Седой затылок то и дело исчезал, склоняясь за широким воротником, говорил что-то неразборчивое в сплошном гуле мотора,

и маленькое плечо неустанно теребила жилистая рука.

Эра и хотела задуматься, что всё это значит, да не могла. Все мысли заполнило непривычно серое лицо подруги. Ноги загудели, как в первый день недуга, и по всей нижней части тела разлился нехороший жар. Девочка ссутулилась от неприятной рези внизу живота. А ведь думала, что все это уже закончилось. Ещё и печка под сидением дыхнула маслянистым жаром. Ноги в ботинках стали сильно потеть, но в руках по-прежнему чувствовался холод. В висках застучало. Как плохо, как невыносимо тошнотворно сделалось Эре от всего этого, словно птенцу, что в один миг выпал из своего уютного гнезда в грязную кучу листьев, где осталось ему только жалобно пищать, ожидая гибели.

Отец проводил Айжан до ворот школьного парка, помял ей плечи напоследок и медленно побрел обратно, закуривая на ходу. Эра, наконец, позволила себе за ней погнаться. Очень ей хотелось хоть минутку пойти с подругой рядом.

— Айжан! — окликнула девочка её на бегу.

Одноклассница оглянулось через плечо. С лица её не исчезала эта таинственная печаль, за которую Эра почему-то чувствовала себя виноватой. Замерев в какой-то непривычной позе, девочка выглядела очень обессиленной, словно с трудом держалась на тонких ногах, и казалось, что одного дуновения ветра хватит, чтобы сбить её с ног.

— Привет, Эра, — сказала Айжан и даже улыбнулась, но скорее по привычке.

Некоторое время девочки молча шли рядом, Айжан плелась еле-еле, точно была не здорова или просто была огорчена настолько, что не желала осуществлять какие-либо жизненные процессы. И идти, и дышать, и видеть ей было в тягость.

— Я не узнаю тебя, — наконец призналась Эра. — Ты стала другой.

Айжан вдруг остановилась у школьного крыльца, где минуту назад стоял дворник и теперь урна дымила крепким табаком.

— Где моя сестра? Ты знаешь, где она? — эти слова звучали отчаянно и безумно.

Лицо Айжан дрогнуло, слезы повисли на подбородке.

— Сауле исчезла! Она не пришла домой после курсов. Почему я должна быть спокойной? Почему я должна думать, что с ней, возможно, всё в порядке? Это глупо! Глупо думать, что маленькая девочка может исчезнуть, а потом объявиться как ни в чем не бывало. Ты понимаешь? С ней произошло что-то ужасное, и я больше никогда не увижу её!

Айжан, громко всхлипнув, отвернулась, согнулась будто от тяжести своей головы, а потом резко выпрямилась и вбежала в двери школы. Эра так и не успела сказать ни слова, хотя ей и не хотелось ничего говорить. Она просто не знала, что говорят в таких случаях, но слова одноклассницы не были громом среди ясного неба. Девочка и сама догадалась, что произошло...

***

Айжан, действительно, стала другой. Не только Эра теперь её не узнавала. От скромной отличницы не осталось и следа. В этот день она была грубой, вспыльчивой и неусидчивой. Айжан села за парту одна, пытаясь отстраниться от всех, но при этом осталась в центре всеобщего внимания. Ей просто не сиделось спокойно, будто она превратилась в большой пульсирующий нерв. От девочки словно било током, и ученики без конца косились в её сторону, даже если она молчала. Эра тоже чувствовала себя ужасно неудобно. Находиться в одном классе с Айжан было просто невозможно. Пугала та мысль, что одноклассница, возможно, винит в случившемся себя и саму Эру. Ведь если бы в тот день они взяли Сауле с собой в цирк, ничего бы не случилось. Айжан не стоило отказывать сестренке, а Эре надо

было уговорить подружку провести время вдвоем. Вдруг именно это сейчас терзает одноклассницу? Вскоре Айжан уже не могла сдерживать своё внутренне напряжение, и оно начало вырываться наружу. На уроке обществознания девочка неожиданно для всех устроила истерику. Сначала она просто демонстративно игнорировала задание учительницы, а после замечания в свой адрес вспыхнула и начала горячо спорить.

— Я не хочу отвечать на вопросы этого дурацкого учебника! — заявила она на весь класс.

Лицо казалось бы невозмутимого школьного психолога Анны Геннадьевны побагровело. Похоже, она никак не ожидала услышать такое от скромной ученицы.

— Чем же он такой дурацкий? — учительница попыталась спрятать свою растерянность за улыбкой.

— Чушь это собачья! Меня тошнит от этих навязчивых нравоучений! А я ещё должна отвечать на вопрос: возможно ли счастье без добра?

Айжан громко хлопнула учебником и швырнула его на край стола.

Анна Геннадьевна изо всех сил старалась скрыть подавленную уверенность, дабы не потерять преподавательский авторитет, но никто уже не смотрел в её сторону. Все взгляды были обращены на разгневанную ученицу.

— Этот вопрос поставлен так, что каждая сволочь претворится хорошей и ответит, что счастье без добра невозможно! — продолжила Айжан.

— А ты считаешь наоборот? — грозно спросила учительница, но голос её дрогнул.

Она была уже не растеряна, а напугана. Все были напуганы. Даже отпетые хулиганы, которые потешались над Айжан, негативно обособляя её, побледнели и открыли рты.

— Маньяк — убийца детей, по-вашему, не счастлив без добра? Он недоволен, убивая людей?

Эти слова громом разнеслись по классу, и тут же замерли все перешептывания.

— В учебнике говорится о всеобщем счастье...

— Тогда речь идет о невозможном, и вы это знаете. Вы взрослый человек! Вы всё понимаете и вдалбливаете нам эту чушь. Какое ещё всеобщее счастье? Общество без убийц, без насильников? В семье не без урода, как известно.

— Что ты пытаешься сказать этим?

— То, что я не желаю жить в мире, где творятся такие ужасные вещи!

Тут учительница поняла, что с Айжан творится что-то нехорошее.

— Может быть, тебе пойти домой? — предложила она, не видя другого выхода.

Айжан, похоже, и сама поняла, что переступила черту и что позже ей придется извиниться за своё поведение. Больше она не спорила, а просто встала и освободила класс от своего мрачного присутствия. Анна Геннадьевна тяжело опустилась на стул, как продолжать урок дальше, она не представляла.

— Что это с нашей девочкой? — тихо, будто у самой себя, спросила учительница.

Как школьный психолог она чувствовала свою вину в том, что произошло, так как не обратила внимания на сегодняшнюю нервозность ученицы.

Наперебой зашуршали сплетни и домыслы. Эра почувствовала себя не в своей тарелке. С уходом Айжан класс для неё опустел. Она оглянулась вокруг. Подумать только, здесь же нет ни одного знакомого человека! Только безликие манекены, киношная массовка! Девочки и мальчики, ничего не значащие для неё, ничего о ней не знающие. А что Эра знает о них? Рыжая Новакова... Она рассеянная, часто опаздывает, забывает учебники и без конца

шмыгает носом на весь класс... Смазливая Мещерина сидит в социальных сетях через телефон на каждом уроке. Угрюмый Седов не испытывает особого интереса к учебе, но при этом учится на отлично. Неравнодушный к физкультуре Пульников, белобрысый Миронов... Кто из них хоть раз пытался заговорить с Эрой? С кем она сама хотела бы подружиться? Нет тут своих. Все сами по себе. И Эра среди них чужая. Девочке захотелось выйти из класса вслед за Айжан, но не посмела. Теперь и ей этот вопрос из учебника казался глупым, но прилежная ученица заставила себя ответить на него, покривив душой, как требовал параграф. Затем последовал спасительный звонок на большую перемену, и одноклассники понеслись наперегонки в буфет.

У Эры не было аппетита, она просто вышла вместе со всеми в шумный коридор и уселась на подоконник, дожидаясь следующего урока. Девочке даже ни о чем не думалось, она была совершенно опустошена. Будто все эмоции и мысли разом замкнуло от перенапряжения, они лишь больно взбрызгивали искрами сегодняшних впечатлений, и едким дымом тлела горелая проводка.

— Лера, — одернула её одноклассница Аня Чебанова, что всегда была весёлой.

— А? — без любопытства отозвалась девочка.

— Который час? Телефон разрядился.

— Двенадцать дня, — полагаясь на интуицию, ответила Эра.

— Дня говоришь? Вот спасибо, а то бы я сама не отличила день от ночи, — как всегда заразительно рассмеялась Чебанова.

Однако Эре было не до смеха.

***

Зависимость. Как, оказывается, просто стать зависимым, даже от смехотворно мелких вещей. Стоит лишь узнать нечто новое, не испугаться, и вот ты уже зависим от этого нового, раньше неведомого. А ведь обрастая привычками, кажется тебе, что они и не мешают вовсе. Подумаешь, есть в твоей жизни приятные мелочи. И что? От них в любой момент можно отказаться и жить без них. Раньше-то жил как-то до этого! Но, расставшись с тем, что дарит приятные эмоции, понимаешь, как этих вещей тебе не хватает, и жизнь теперь кажется пресной и серой. Думается, всё просто — нужно всего лишь остерегаться вещей, с которыми в итоге будет тяжело распрощаться, но вся сложность в том, что зависимость может вызвать всё что угодно.

По своей неосторожности Эра увлеклась приятным общением с Айжан и теперь не желала возвращаться к скучной обыденности. Собственно, девочка раньше и не знала, что эта обыденность такая скучная. А ведь она даже не пыталась сделать дружбу с одноклассницей центром своей жизни. На первом месте всегда оставались привычные вещи — учеба в школе и забота о маме, а это новое знакомство было легким и интересным дополнением. Теперь об этом, наверное, стоит забыть, хотя Эре хотелось эгоистично надеяться, что Айжан её не отвергнет и, может быть, даже уцепится за дружбу как за спасительную соломинку. За подобные мысли девочка себя ругала и пыталась прогнать их. Её грызла совесть, поскольку она не могла до конца осознать глубину несчастья одноклассницы.

Это ведь действительно несчастье — потерять родного человека. Инна бы сумела понять чувства Айжан, а Эра не могла. При всём желании не могла. Как ни напрягала воображение — не получалось, вот и позволяла себе эгоистичные желания. Грустно, больно, страшно, до слез жаль пропавшую малютку Сауле, но для родной сестры всё это в десятки

раз тяжелее. И толку от этого сочувствия нет, и забыть обо всём тоже нельзя. От этих мыслей у Эры сильно разболелась голова, и казалось, что даже опухла. Слишком много времени она провела наедине с собой в пустой квартире.

И куда теперь от себя спрятаться? Снова попробовать сесть за домашнее задание? Бесполезно! Уже пыталась, и это быстро ей надоело. Снова и снова перечитывая одну и ту же страницу, она никак не могла сосредоточиться и вникнуть в смысл текста. Дело не двигалось с мертвой точки. В конце концов, девочка сдалась и отбросила учебник в сторону. Так можно до утра просидеть и не запомнить ни одной строчки параграфа.

«Нужно заняться чем-нибудь другим», — решила девочка. И только теперь она обратила внимание, что за окном сделалось темно. Вот как глубоко ушла в себя, даже ничего не заметила. Был ещё и напористый шум, похожий на шепот тысячи голосов, а сквозь закрытое окно в комнату пробивался свежий запах дождя. Эре, наконец, удалось успокоиться. Окруженная приятными звуками и запахами, девочка вдруг почувствовала себя хорошо. Там, за окном, бушевала непогода, ветер шатал ветви деревьев, а в комнате было родное тепло и тусклый свет настольной лампы дополнял приятную атмосферу. «Ещё бы чашку горячего чая выпить, и можно будет забраться в постель», — подумала девочка.

В прихожей было прохладно и мрачно, лишь зеркальные полотна в большом старомодном трюмо сияли, отражая свет, льющийся наискосок из узкой щели приоткрытой двери. В темноте постепенно вырисовывались очертания скромной обстановки. Эра не спешила идти на кухню, дожидаясь, когда глаза привыкнут к темноте.

Остановилась у туалетного столика, взгляд упал на темный предмет, забытый мамой. Заинтересовавшись вещицей, Эра вдруг забыла о том, что собиралась приготовить себе чай. Мама оставила свою косметичку. Девочка не имела привычки прикасаться к вещам Инны, но ярко-красная, местами потертая, косметичка показалась ей привлекательной. Гордый символ женственности — так она её определила. «Не займет ли себе такую же? Может быть, мама не откажет дочери в подарке?» — размышляла девочка. Раньше Эра не задумывалась о подобном, но ведь это маленькая частичка того, что делает девушку девушкой и, несомненно, сделает её немножко ближе к окружающему миру.

Девочка вертелась перед зеркальным трюмо, перевешивая косметичку с одного плеча на другое. Это занятие её очень забавляло. Она представляла себя взрослой самоуверенной девушкой, шагающей по главной улице города. На мгновение ей даже показалось, что в одном из зеркал отразилась та самая девушка, которой она себя воображала. Затем Эра замерла и на пару секунд превратилась в манекен за витриной модного бутика. Затаив дыхание, девочка всматривалась в зеркальную гладь, опасаясь спугнуть привидевшийся образ. И, наконец, она смогла узреть то, что желала: на неё смотрела ещё совсем юная, но вполне интересная девушка, бесспорно обладающая чувством собственного достоинства. Такой она и хотела себя видеть. Однако не хватало чего-то... Эра сняла мамину вещь с плеча. Внутри были помада, тени, румяна, подводка для глаз — всё необходимое для того, чтобы навести макияж. «Мама так редко пользуется этой косметикой. Может, и не заметит, что я её брала?» — подумала девочка.

Непросто оказалось подводить глаза, красить губы в темноте, но Эра намеренно не потрудилась зажечь свет. Будто мрак сохранял таинство маленького запретного дела. Первый макияж получился уж слишком ярким и чересчур броским, но девочка осталась довольна результатом. «Можно ли назвать меня симпатичной? Наверное, да. Ну, или хотя бы хорошенькой, точно», — с улыбкой рассуждала она, крутясь перед зеркалами.

Шум дождя чуть стих, но внезапно послышались раскаты грома, и с каждой минутой их сила нарастала. В очередной раз блеснула молния, озарив на миг всю квартиру, и отразилась в глазах Эры, наполнив их синим светом. Это уже не могло не отвлечь маленькую модницу от самолюбования. Она отшатнулась от зеркала. Какое-то странное ощущение тревоги едва ли не до боли сдавило грудь.

С раскатом грома и яркой вспышкой в квартире появился кто-то чужой! Предчувствие было настолько ясным, что девочка ни капли не сомневалась в его правильности. Что же это? Эра в ужасе огляделась по сторонам. В темном коридоре не было никого кроме неё, однако ощущение присутствия... совсем нечеловеческого присутствия... не исчезло. И оно было знакомым! Однажды девочка уже чувствовала подобное в тот день, когда задержалась в библиотеке... Что-то чужое, не человек, а человеческая тень. Или, быть может, Эре показалось чужим собственное отражение? Нет, не может быть. В прихожей определенно находился кто-то ещё.

Девочка попятилась назад в свою комнату, где горел приглушенный свет. Отчего-то она была твердо уверена в том, что кто бы ни появился здесь, он не посмеет шагнуть в место, залитое светом.

— Кто здесь? — решила спросить Эра и испугалась звука собственного голоса.

Ответом было молчание. Тяжелая, материальная тишина. Напуганная малютка рухнула на стул и искоса взглянула в приоткрытую дверь. Там было движение. Скользкое и бесшумное, но уловимое. В темноте мелькнул чей-то силуэт. Можно было бы принять всё это за игру воображения, но ноздри заполнил еле ощутимый, но такой знакомый аромат кожи и волос. Девочка отвела глаза от двери. Руки её дрожали.

— Кто здесь? — снова шепотом повторила она, хотя уже знала ответ.

Тихие шаги приблизились к порогу. Темная фигура, похожая на тень, застыла на границе тьмы и света.

— Сауле, — жалобно пропищала Эра, не поднимая глаз. — Зачем ты пугаешь меня?

Тихие шаги приблизились к порогу. Темная фигура, похожая на тень, застыла на границе тьмы и света.

Хотя какие сомнения могли быть в присутствии ночной гостьи? Она совершенно определенно здесь. Одновременно сзади, спереди, справа и слева — весь дом пропитан её присутствием. И эта гостья не может быть ни кем другим, как младшей сестренкой Айжан. Эта ясная уверенность торчала в мозгу раскаленным гвоздем.

Но были вопросы, на которые Эра не могла найти ответ: почему малютка пришла именно к ней? Зачем? И как вообще оказалась в её доме? Ведь она мертва! Бесспорно мертва, иначе и быть не может. Из прихожей так и веет этой неживой энергией, словно из склепа. Холодная, пассивная энергия, будто пар, выпускаемый куском льда. Живые люди не бывают настолько холодными.

Содрогаясь от ужаса, Эра заставила себя поднять голову и взглядела в тьму прикрытой двери. Никого там не было видно. Ни человеческой тени, ни движения. Неровная полоса света вырезала из черноты лишь лоскут серо-зеленого линолеума. Однако Эра знала, что девочка прячет своё мертвецки бледное, даже чуть голубоватое, лицо в самом темном уголку, куда не достает свет настольной лампы. Из этого угла покойница смотрит на неё мутными, обесцвеченными глазами, слегка склонив голову набок. Она пошатывается, двигается, пряча шорохи в шуме дождя, а тяжелые вздохи в раскатах грома. Она хочет, чтобы Эра не слышала и не видела, но при этом не сомневалась в её неожиданном визите. Девочка

вдруг почувствовала затылком ледяное дыхание, слегка шевельнувшее волосы. Или это был сквозняк?

Эра хотела подняться со стула, чтобы посмотреть, но поняла, что страх намертво приморозил её к стулу.

— Зачем ты пришла? — нашла в себе силы спросить девочка.

Темнота молчала. Лишь встрепелулась рябью, расползлась от удара молнии, но безжизненный фантом вновь ускользнул от вспышки голубого света.

Фантом. Именно так стоит обозвать то, что осталось от младшей сестрички Айжан. Это не столько погибшая девочка, сколько её отпечаток, призрачная тень материального тела.

— Зачем ты здесь?

Молчание. Сауле не станет отвечать на бессмысленные вопросы. Она пришла, чтобы показать что-то или куда-то позвать, но не разговаривать. Она дожидается, когда Эра придет в себя, перестанет бояться и осмелится выйти в прихожую. Потому что только Эра способна чувствовать тонкую границу между живым и мертвым. «Другие люди не могут улавливать связь с мертвыми, а я могу. В этом моё отличие. Поэтому Сауле пришла именно ко мне, — внезапно пришло озарение. — Но почему я могу, а другие не могут? Давно бы пора разобраться, а я трушу! Спряталась как испуганный кролик в свою норку. Отстань кровавая лужа! Уйди проклятая коса! Оставьте меня в покое жуткие сны! Это всё — переутомление, это всё — игра уставшего рассудка, и, вообще, ко мне всё эти глюки отношения не имеют!».

Эра ощутила укол вины, и тот сработал как прививка от страха. Сердце ещё не сбавило бешеный ритм, но мозг перестал истерично бить по «тревожной кнопке». Разве не глупо бояться несчастной жертвы? Как бы ни был страшен труп, он безопасен. Это всё та же маленькая девочка, зверски убитая каким-то злом... И только её исхудавшая тень запятнана отпечатками этого самого зла... Вот они!.. Плавают в воздухе, как радужные маслянистые разводы на воде.

Ночные кошмары, темные мысли, страхи, готовность к дурным поступкам, озлобленность на людей, несправедливость мира и гнев от бессилия перед ним — отпечатки тёмного зверя. Его составные части. Всё смешалось воедино, сваялось в ком, материализовалось и теперь убивает, сеет смерть повсюду. Никто не может его найти. Ни один человек не может увидеть Зло, пока оно само до него не доберется.

Гроза разбушевалась не на шутку. Запоздалые раскаты грома доносились со всех сторон, накладывались друг на друга и сливались в нескончаемый гул, похожий на грохот металлического листа.

В мерцании почти непрерывных вспышек молний Эра, наконец, сумела заметить движение фантома. Бледная тень мелькнула в голубоватом свете и исчезла, шагнув в глубь коридора. Похоже, Сауле, явив на мгновение свой образ, пыталась позвать девочку за собой. «И что же мне делать? Идти за ней? И куда она меня приведет? К тому, что её убило?! И что я сделаю?.. Вооружусь кухонным ножом? — терялась в вопросах Эра. — Какой от меня толк? Может быть, я больше знаю, чем другие, но я по-прежнему беззащитная школьница!».

— Ладно, я иду! — всё-таки решила она, осознав, что времени на размышления нет.

Девочка поднялась со стула и неуверенно шагнула к двери. Она уже почти не боялась мертвую Сауле, но нырять за ней в темноту было страшновато. Во мраке различить очертания ночной гостьи было невозможно, однако Эра знала, что та двигается к выходу. Медленно, словно каждое движение дается покойнице нелегко, подходит к входной двери и тает, пресачиваясь в щель.

— Сауле, подожди!

Эра ринулась к двери, дрожащими руками повернула ключ и выскочила в подъезд. В глаза ударил яркий свет ртутной лампы.

— Сауле?

В подъезде никого не было. Девочка посмотрела вниз на ступеньки, затем на дверь квартиры. Там внизу гудели лампы, лестницы дышали уличным холодом и давила страхом неизвестность.

Может быть, и не надо никуда идти? Может быть, остаться дома и учить уроки? Что если не лезть во всё это, не искать приключений, не приобретать свои собственные тайны и остаться такой, как все? Тогда не придется лгать маме. Эра с трудом подавляла желание вернуться в квартиру. Она, конечно, всей душой желала того, чтобы люди перестали гибнуть от рук неумовимого чудовища, но вернуться в свой уютный уголок, где так спокойно и совсем не страшно, было куда соблазнительней.

— Я сейчас, только положу мамину вещь на место. Я не могу взять её с собой, — прошептала девочка в пустоту и уже взялась за дверную ручку.

Но вдруг осознала, что всё это ложь. Если она вернется домой, то уже не сможет заставить себя выйти обратно.

Пути назад нет. Хотелось бы, чтобы кто-нибудь другой разобрался со всей этой чертовщиной, но, увы, нет того, кому можно взвалить на плечи этот груз. И в своём доме уже не спрятаться от таинственных сил, что с таким упорством врываются в размеренную жизнь. Глубоко вздохнув, девочка в последний раз взглянула на дверь своей квартиры и, собравшись с духом, побежала вниз по лестнице.

Дождь закончился, но с деревьев срывались тяжелые капли, и шум, похожий на радиопомехи, всё ещё висел в воздухе. Эра огляделась вокруг. Улица, освященная вереницей оранжевых фонарей, была пуста. Почти во всех окнах местных пятиэтажек горел свет, некоторые окна оставались темными и лишь мерцали голубоватым и бледно-розовым светом телевизоров. Это немного успокаивало. Даже в отсутствие людей на улице район не казался таким безжизненным и опасным. Откуда-то сверху на асфальт упал маленький сигаретный окурок, брызнул оранжевыми искрами и погас. С шумом закрылась балконная дверь. Легкий ветер тут же подхватил окурок и покатил по мокрому двору.

Было приятно ощущать присутствие живых людей. Девочка дрожала уже не от страха, а от холода. На ней были только туфли, домашние штаны и свитер. В этой одежде в столь холодную погоду можно запросто простудиться.

— Сауле, — тихо позвала Эра и снова внимательно оглядела улицу.

Призрачной фигуры нигде не было. Даже её присутствие больше не ощущалось. Сауле не пряталась от света фонарей в тени почерневших от сырости деревьев и не скрывалась в черноте дальних дворов. Она ушла.

«Что за шутки? — подумала Эра, сделала шаг и наступила в лужу, носок в туфле тут же намок. — А может быть, и, правда, не было никакой Сауле и я просто безумна?». Растерянная девочка, содрогаясь от холода, шарила взглядом по сторонам. Ни одной живой души вокруг, да и мертвой тоже... Только этот небольшой плоский предмет, переваливающийся с боку на бок. Эра бы его и не заметила, но темный блестящий ромб был единственным из того, что шевелилось. И он колыхался, но неестественно.словно не на ветру, а сам по себе катился, огибая лужи. Он то взлетал в воздух на полметра, то падал на асфальт, но не летел прочь даже от мощных порывов. Пристально глядя на темный квадрат,

Эра подошла ближе. Это же всего лишь кусок плотного полиэтилена! Старый и разорванный в нескольких местах. Некогда он был ярко-оранжевым, а теперь только края сохранили первоначальный цвет: по центру ромб выгорел почти до белизны, и от нарисованной рожицы уцелел только один наполовину стертый глаз. Воздушный змей... Точнее то, что от него осталось. Теперь это грязный, рваный кусок полиэтилена с длинной намокшей веревкой.

Девочка приблизилась ещё на шаг, чтобы лучше рассмотреть старую игрушку. Но блестящий ромб вдруг взмыл в воздух и отпрыгнул от неё на несколько метров. Странно, ведь порыва ветра не было! Эра сделала ещё несколько уверенных шагов. Воздушный змей дернулся, словно кто-то с силой потянул за веревку, затем медленно поднялся над землей и резко взлетел ввысь. Девочка с любопытством наблюдала, как он выписывает в воздухе замысловатые петли. «Нет, это не простой кусок полиэтилена. Тоже фантом умершего, но не Сауле. Чей же тогда? Наверное, это ребенок», — подумала Эра, глядя, как змей кружит у макушек деревьев. Ей тут же представилась странная картина: солнечный летний день, маленькие ручонки сжимают колыхающуюся веревку, меж зеленых деревьев витает точно такой же воздушный змей, только новый, ярко-оранжевый. Малышка смотрит на свою игрушку, широко распахнув глаза, и мечтает быть этим змеем, так же летать, подчинившись воле ветра... В последних мгновениях её фантазии веревка почему-то выскользнула из рук малышки и воздушный змей запутался в ветвях большого дерева...

Грязный кусок полиэтилена описал в воздухе ещё одну дугу и метнулся вдаль. Опомнившись, девочка сорвалась с места и побежала за ним. Змей стремительно плыл на фоне темного неба, будто рыба в мутной воде. Эра пыталась поймать его за тонкую веревку, но всякий раз, когда она пыталась ухватиться за кончик, тонкий шнурок рывком отпрыгивал. Девочка бежала что есть духу, не чувствуя собственных ног, туда, куда манила старая игрушка, поглядывая с небес нарисованным глазом. Она пересекла свою улицу, свернула на аллею, тянущуюся вдоль шоссе мимо ряда неподвижных машин с включенными фарами, ожидающих зеленого света. Эра не смотрела по сторонам. Неслась, задрав голову, боясь упустить своего проводника из виду. Идущие навстречу люди с зонтами уворачивались от неё.

Куда ведет этот воздушный змей? А что если в лапы этого темного существа?.. Тогда это будет роковая встреча! Она лишь хрупкий подросток и едва ли сможет одолеть даже свою самую хилую ровесницу.

«А ведь я обещала маме, что не умру и не причиню ей такой боли!» — думала Эра на бегу, от этих мыслей ей сделалось страшно, и она остановилась, чтобы перевести дух. Однако воздушный змей не дожидался её. Стоило остановиться на минуту, и маленький ромбик уже мелькал вдали среди ветвей деревьев, ускользая прочь. Нельзя больше медлить и раздумывать. Нет времени на это! Добежав до конца аллеи и свернув в сторону склона, где город становился коттеджным поселком, Эра почти догнала своего проводника, но запас сил был на исходе. От изнуряющего бега дышать становилось всё труднее, каждый вздох царапал пересохшее горло. Слюна приобрела кровавый привкус. Леденящий холод больше не беспокоил, всё тело полыхало от жара, но девочка и не думала делать передышку.

Змей петлял и извивался над крышами приземистых двухэтажных домиков, стрелой проносился по узеньким улочкам. Стоило слегка замедлить бег, и он тут же оказывался далеко впереди. Вот уже под ногами захлюпала грязь. Дорожки поселка не были покрыты асфальтом, и сильные дожди превратили землю в густую вязкую массу. Штаны вымазались почти до колен, а вся одежда покрылась темными грязевыми каплями. Сейчас это не было

важным. Главное не отстать от змея. Из двора одного из окрестных коттеджей раздался громкий лай и резкий звон натянувшейся цепи, когда Эра, оступившись, задела плечом ограждение. Сторожевые собаки соседних домов тут же отозвались на голос, и уже со всех сторон доносились грозное рычание и звуки, похожие на кашель в жестяную трубу.

Коттеджный поселок — местечко тихое, но одно неосторожное движение нарушило покой — и всё взорвалось тревогой. В этой части города девочка была впервые. Раньше низенькие домики, расположенные на склоне реки, она видела лишь издали. Как странно, что воздушный змей привел её именно сюда. В погоне за змеем Эра никак не ожидала оказаться тут, среди маленьких кубиков домов, которые, должно быть, всегда окутаны сном, и любой прохожий на этих улочках является большой редкостью. Она думала, что место, где она окажется, непременно будет перенасыщено ощущением опасности и страха. Куда же ведет эта неприкаянная душа? Что хочет показать?

Воздушный змей вдруг встрепенулся налету, будто сбился с воздушного потока, и тут же устремился к земле. Теряя высоту, змей, словно из последних сил, сделал рывок вверх и рухнул на землю за щербатый забор посреди двора большого двухэтажного коттеджа.

Эра остановилась и согнулась пополам. Наконец-то эта беготня закончилась, на большее бы её не хватило. Всё тело пульсировало от напряжения, кашель бил едва ли не до рвоты.

Воздушный змей больше не двигался, потеряв всю свою жизненную силу, он неподвижно лежал на сырой траве. И лишь слегка колыхался на ветру его длинный веревочный хвост.

«Видимо, это и есть то место, куда я должна была прийти», — догадалась девочка. Стих лай собак. Опершись руками на скрипучую калитку, Эра уставилась на большой серый дом. Дом тоже смотрел на гостью слепыми темными окнами. В них был лишь мрак и пустота. Сад давно порос высоким бурьяном, а по серой стене над окнами вверх полз плющ, зеленый и яркий, совсем не тронутый осенью.

Переведя дух, девочка приблизилась к входной двери и, не думая, нажала на кнопку звонка. За дверью не послышалось звука. Звонок был сломан. На стук тоже никто не ответил, лишь полетела вниз облупившаяся краска с деревянной поверхности. Она постучала ещё раз и прижалась ухом к двери. Ничего. Эра прислушивалась, надеясь услышать возню или шарканье ног хозяина, но за дверью замерла тишина. Что толку стучать в дверь, за которой никого нет? Даже снаружи казалось очевидным, что эти серые стены могут сдерживать лишь пустоту внутри. Всё вокруг говорило о заброшенности: и неухоженный сад, и разросшийся плющ, и куча гнилых листьев у порога. Эту дверь давно никто не открывал.

Однако просто так уйти нельзя. Рука сама потянулась к ручке, потянула дверь на себя. Девочка была почти уверена, что замок окажется запертым, но дверь легко открылась. Холодный свет нырнул в непроглядную темноту прихожей. Казалось, что протяжный скрип несмазанных петель распространяется по всему дому постепенно, неторопливо, будто нарушая столетнее молчание.

— Есть тут кто-нибудь? — бросила девочка в темноту и сразу же сделала шаг через порог.

В прихожей был такой же холодный воздух, как и на улице, но менее свежий, с примесью запаха пыли и сырого дерева. На стене справа от себя девочка нащупала выключатель. Пустой щелчок и только. И электричества в доме нет. С улицы здорово поддувало, но лучше входной двери быть открытой — так хоть что-то видно.

Широкая прихожая без мебели, шумные рассохшиеся половицы, не покрытые ковром, пустая вешалка на стене у прохода в кухню, где гремела каплями вода о стальную раковину. Никого тут нет и быть не может. В таких домах люди не живут. Даже приведение побоится завестись в столь мрачном месте.

Эра и сама толком не понимала, что надеялась обнаружить здесь. Но недаром же её сюда привели? Дверь с шумом захлопнулась от сквозняка, погасив последний свет.

— Ну и ладно, — махнула рукой Эра. — Смотреть ту не на что.

Мельком заглянула в кухню — тоже пусто. Один стул валяется на полу в рябом квадрате фонарного света, и мертвый холодильник, прислоненный к стене с единственным магнитиком, который тоже потерял свою мощь и съехал к низу двери... Там ещё белел листок и блестел кончик шариковой ручки, напоминая о том, что когда-то здесь кто-то жил.

Эра ступила на лестницу и забралась по деревянным ступенькам. На втором этаже не оказалось окон, но было немного теплее. Это тепло едва ощущалось, но оно было живым, человеческим. Его нельзя перепутать с остатками жара камина или электрообогревателя. Эра тонко чувствовала, что воздух согрет дыханием и пульсацией кровеносных сосудов. Выходит, не так уж давно кто-то был здесь. А может быть, он всё ещё тут? Девочка старательно вглядывалась во тьму, но не могла разглядеть даже собственных рук. Тогда она расстегнула сумочку и нащупала мамин мобильник. От него оказалось тоже мало толку — тусклая зеленая подсветка старого устройства освещала только ладонь. Убедившись в негодности маминой трубки, Эра сунула её обратно в сумку и снова огляделась. Стало только хуже. Теперь ещё перед глазами плыло жирное зеленоватое пятно зайчика. Нога ступила на мягкий ворс ковра. Ещё шаг. Колено уткнулась во что-то низкое и твердое. От неожиданности девочка чуть ли не упала ничком.

«Лучше ползать на четвереньках, чем расквасить себе нос», — Эра опустила на колени.

Ощущая себя мелким вором-домушником, она ползала в потемках, шарила по комнате, широко растопырив пальцы. Руки скользили по пыльному ворсу, натыкались на мелкий мусор. Дважды лоб ударялся о твердый угол. Что это? Ладони ощутили гладкую деревянную поверхность. Похоже на журнальный столик.

— Тьфу ты, черт! — громко выругалась Эра.

Удар об угол будто вразумил её. Она поняла, насколько бессмысленна вся эта затея.

— Да идите вы все куда подальше! Приперлась сюда неизвестно зачем! Ищи чего-то, шарься тут по углам! Мне оно надо? Не хочу я играть в эти игры.

Девочка с гневом оттолкнула от себя столик, и тот, легко откатившись на колесиках, гулко стукнулся о невидимый шкаф. «Да пропади всё пропадом! Ничего толком не объяснили, поиграй, мол, с нами в угадайки. Издеваются что ли? Нет уж! Сами разбирайтесь, а я домой пойду», — подумала Эра. Стало легче. Как всегда, когда чувствуешь, что скинул проблему со своих плеч. Девочка тяжело выдохнула. Снова стало тихо, но ненадолго...

— Эй, чем это ты тут занимаешься? — внезапно крикнул кто-то, разбивая хрупкое спокойствие на тысячи осколков.

Крик раздался откуда-то с потолка. Мужской грубой с ноткой поддельной хрипоты голос. Вздвогнув, Эра резко задрала голову вверх, и на неё тут же обрушился сноп слепящего света. Яркий луч больно вонзился в глаза. Девочка снова встrepенулась, машинально закрылась руками и завизжала во всё горло, настолько сильно, насколько хватило дыхания.

Собственный крик заложил уши.

— Что ты орешь? — раздраженно и мучительно спросил некто с потолка.

Воздух в легких иссяк, и пронзительный визг превратился в слабый мышинный писк. Эра жадно вдохнула. Прошло несколько мгновений, прежде чем она осмелилась взглянуть наверх. Из квадрата чердака на неё смотрел глаз карманного фонарика. В темноте наверху кто-то был, но разглядеть его было нельзя из-за яркого света. Эра вскочила на ноги и резко метнулась к лестнице.

— Стой! — рявкнул чердачник, заходясь мучительным кашлем.

Бессознательно подчинившись резкому приказу, девочка замерла на месте.

— Вы кто? — спросила она, не оборачиваясь.

Человек с фонариком недовольно фыркнул.

— Вот так наглость, забралась в чужой дом и ещё задает вопросы.

Трудно было определить, кому принадлежит этот голос: то ли старику, то ли просто охрипшему мужчине. По спине Эры скользил желтый круг света, казалось даже, что он щекочет кожу. Паника понемногу отступала. Глупо бояться того, кто сам прячется, трусливо бросаясь грубыми словами из своего убежища. К тому же, скорее всего, человек на чердаке был немощным и более грозного оружия, чем карманный фонарик, у него не было.

— Это Ваш дом? — тихо спросила она, повернувшись лицом к свету.

— А тебе какое дело? — кряхтел чердак. — Дом не твой, я это точно знаю, и не тебе задавать вопросы, что я здесь делаю. Ясно?

— Я Вас об этом и не спрашивала.

Чердак громко кашлянул. В этом кашле отчетливо угадывалось крайнее возмущение. Должно быть, тот человек был всего лишь бездомным бродягой и разговаривал резко лишь потому, что боялся потерять своё незаконное жилище.

— Ты кто такая? — ещё более грубо спросил он.

— Я? Эра.

— Чего тебе здесь надо?

Девочка замялась. Она и сама не знала ответа на этот вопрос.

Рука, торчащая из квадратного люка, направила луч фонаря прямо ей в лицо, настойчиво требуя ответа.

— Пожалуйста, не светите мне в глаза, — взмолилась Эра, но человек остался глух к этой просьбе.

Девочка зажмурилась и сделала шаг вперед, уклоняясь от света. Теперь люк был прямо у неё над головой.

— Долго ты собираешься тут торчать? Уходи! — потребовал скрипучий голос.

Девочка уже была готова подчиниться и покинуть дом, она и сама больше не видела смысла здесь оставаться, но вдруг в свете фонаря на ковре она заметила небольшую записную книжку в черной обложке. Видимо, книжка пряталась под столиком, о который девочка ударялась лбом и потому не попала ей в руки. А что если она должна была найти именно это?

— Прошу тебя, уходи, — проскрипел человек, но уже не грубо, а жалобно, едва не срываясь на плачь.

Эра чувствовала его пристальный взгляд сверху. Украсть вещь незаметно не получится. «Хорошо, что я не застегнула сумочку», — подумала девочка и расслабила руку. Ремешок резко соскользнул с её плеча, сумочка с грохотом упала на пол, и её содержимое

веером рассыпалось по ковру.

— Простите! — воскликнула девочка. — Я сейчас же уйду! Прошу Вас, только дайте мне минуту!

Она рухнула на колени и принялась запихивать мамину косметику обратно в сумку. С записной книжкой, ради которой и был устроен этот маленький спектакль, пришлось повозиться. Она оказалось достаточно большой для такой маленькой сумочки, но человек на чердаке похоже ничего не заметил.

— Простите, — снова извинилась Эра и, встав с колен, направилась к выходу.

— Растяпа, — послышался насмешливый шепот за спиной.

Свет погас, дом снова погрузился во мрак. Спустившись вниз, девочка сразу же нырнула в незапертую дверь и зашагала от дома, ни разу не оглянувшись назад.

Глава 6. След ушедшего

Мягкая рука слегка потрепала плечо. Девочка нехотя разлепила веки.

— Солнышко, пора вставать. В школу опоздаешь, — ласково произнесла Инна.

Солнышком, зайчиком и деткой она называла Эру исключительно по утрам, умиляясь видом спящей дочери. Девочка села на кровати и потянулась. Несколько часов крепкого сна явно не хватило, чтобы избавиться сознание от накопившихся впечатлений. Мозг пульсировал так, словно ему было тесно в черепной коробке.

— Я только что вернулась со смены. Думала, ты уже проснулась, а ты, оказывается, даже будильник не завела, негодяйка, — игриво усмехнулась мама. — Сопишь себе, как будто у тебя сегодня выходной.

Девочка хлопнула себя по лбу. И правда ведь, ложась спать, она совсем забыла о будильнике. Вчера, вернувшись домой, Эра сразу же приготовила постель, стянула с себя испачканную грязью одежду и, бросив её под кровать, забралась под одеяло. Перед сном девочка собиралась прочесть содержимое записной книжки, но, так и не решившись её открыть, запихнула подальше под матрас, решив, что на сегодня впечатлений достаточно.

— Я проспала? — спросила Эра и сама удивилась, насколько хриплый и скрипучий у неё голос.

— Ещё нет, но обязательно проспишь, если сейчас же не встанешь и не пойдешь в душ.

Потерев глаза, девочка взглянула на маму. На лице женщины играла загадочная улыбка. Инна смотрела на дочь, не мигая, и сонные глаза её блестели. От этого взгляда Эре стало не по себе. Неужели мама догадывается о том, что она хранит тайну? Нет смысла лгать, Инна знает Эру как облупленную, и скрыть от неё что-либо невозможно. Мама заметит даже самые незначительные изменения в поведении дочери и поймет, что что-то не так. Но открывать тайну нельзя. Теперь ей стало по-настоящему стыдно. Эра ощущала, что уже начала лгать, ещё даже не открыв рта. Лжет, не говоря ни слова, лжет попыткой сделать вид, что все так, как было раньше. Лжет, потому что готова лгать. Эре горько было осознавать, что, приближаясь на шаг к своей тайне, она на шаг отдаляется от мамы и между ними вырастает крепкая стена лжи. Сделав усилие, девочка вышвырнула эти мысли из головы и с натянутой улыбкой задала вопрос, который наверняка хотела задать сама Инна:

— Что-то случилось? Ты сегодня какая-то не такая.

Мама в ответ лишь усмехнулась:

— Поднимайся, я сделаю тебе чай.

Женщина вышла из комнаты. В каждом её движении была неприкрытая суетливость, лишней раз доказывающая, что она чем-то встревожена.

— Ты вчера вечером выходила из дома? — спросила Инна уже из кухни.

Эра оторопела: «Откуда ей это известно? Неужели нашла перепачканную домашнюю одежду под кроватью?!». Резко скинув с себя одеяло, девочка вскочила и заглянула под кровать. Нет, грязные тряпки на месте.

— Да, выходила, — после недолгой паузы ответила девочка, решив, что не стоит врать. Главное, не сказать того, о чем не спросят, тогда, может быть, всё обойдется.

— Зачем? Ты же знаешь, что сейчас беспокойно! Гуляй лучше днем в местах, где много людей, хорошо? — голос женщины то и дело перебивал звон посуды и шум воды. — Я очень волнуюсь за тебя, но запретить тебе гулять совсем не могу... Тем более теперь, когда ты так стремительно меняешься.

Последние слова Эра не могла пропустить мимо ушей. Это было явным намеком на что-то...

— Почему это я меняюсь? — неосторожно спросила девочка, запоздало подумав о том, что, возможно, мама именно этого и дожидается, чтобы дочь сама ответила на этот вопрос.

— Взрослеешь! Сама-то не замечаешь?

— Мне бы и самой хотелось знать, что со мной творится, — негромко произнесла девочка, зная, что Инна её не услышит.

В кухне украдкой свистнул чайник и хлопнул дверцей буфет, призывая поторопиться.

Эра достала из-под кровати грязные штаны и свитер. Черную записную книжку она сперва решила оставить на том же месте. Но, не дойдя до двери, вернулась и перепрятала украденную из заброшенного дома вещицу на книжную полку, засунув между книжками небольшого формата. Так вероятности что мама на неё наткнется, намного меньше.

Девочке не терпелось пролистать страницы записной книжки, но сейчас на это не было времени. Автобус должен был проехать по улице уже через пятнадцать минут. Быстро проскочив мимо двери кухни, Эра вбежала в ванную, ещё дышащую жаром после душевой процедуры мамы, и погрузила вещи в стиральную машинку. Встав перед запотевшим зеркалом, девочка выдавила зубной пасты на щетку. Времени осталось совсем мало. Почистить зубы перед завтраком — пусть будет и не правильно, но рационально.

— Эра, — позвала Инна из кухни.

— М-м-м? — отозвалась девочка, не вынимая зубную щетку изо рта.

— Давай, после того как ты вернешься из школы, пройдемся вместе по магазинам. Прикупим тебе что-нибудь. Может быть, тебе нужна новая одежда? Я тебе куплю все, что ты выберешь.

От удивления Эра едва не выронила щетку. Что это сегодня вдруг нашло на маму? Раньше она почти всегда сама выбирала одежду для своей дочери и никогда не предлагала выбрать ей что-то самой.

— Ну, так что скажешь? — снова донеслось из кухни.

— Не надо, мам, — ответила девочка, сплюнув пасту в раковину. — У меня вполне хорошая одежда

— Ты уверена? Может, всё-таки что-нибудь нужно?

— Нет, нет, не беспокойся.

«В чем всё-таки дело?» — Эра коснулась рукой зеркала.

А вот и ответ!

Из отпечатка ладони на зеркальной глади выглядывало размалеванное лицо.

Ошарашенные глаза, заплывшие чернотой, горящие румянами щеки, дрожащие губы, черт знает как перемазанные помадой. И это лицо видела Инна. «Какой позор! Как теперь маме на глаза показаться?» — Эра густо намылила лицо и умылась горячей водой.

«И что же теперь? Выдумывать оправдание или сделать вид, будто ничего не было? — думала девочка, разглядывая в зеркало, не осталось ли чего на лице. — А физиономия-то и без неумелого макияжа не краше: щеки опухли от недосыпа, под глазами темные дуги. Раньше я выглядела лучше».

На кухонном столе стыла одна тарелка овсяной каши, это значило, что мама завтракать не будет. Вот и хорошо!

— Я буквально валяюсь с ног, — сказала мама, протяжно зевая. — Сегодня у меня была очень напряженная ночь, ни минуты покоя.

Спрятав глаза и боязливо избегая лишних разговоров, Эра заверила маму, что сразу же после завтрака отправится в школу. Женщина лишь улыбнулась и ушла отдыхать в свою комнату.

Как только девочка осталась одна, на неё снова нахлынуло едва исчезнувшее желание спать. Тем временем природа охотно просыпалась, сумерки рассеивались, в окне всё четче прорисовывались очертания домов, похожих на меловые рисунки на темном фоне, с каждой минутой мрачная кухня становилась всё светлее. Но на Эру это никак не влияло, желание вернуться в постель было несокрушимым. Теперь оно будет преследовать её весь день. Облачившись в школьную форму и надев рюкзак, девочка в десятый раз дала себе обещание, что, вернувшись из школы, сразу же ляжет и выспится. Это был не первый случай, когда жизнь ей казалась вечной борьбой с недосыпом. Уже собираясь уходить, девочка замешкалась у двери. Какой-то странный шум за спиной отвлек её. Едва слышный металлический лязг и глухой удар, словно в одной из комнат на пол упал тяжелый предмет. Эра машинально оглянулась и уставилась на дверь кладовой. Снова послышался лязг, но теперь уже гораздо отчетливее.

Звуки стихали на несколько мгновений и снова нарастали, превращаясь из хаотичных в более направленные удары. Казалось, что кто-то по ту сторону стучит в дверь, пытаясь выбраться из тесной кладовой. Теперь сомнений не осталось, что шум доносился из кладовки.

Эра была напугана, но не цепенела от страха. Она уже почти привыкла к этому чувству, которое буквально ежечасно преследовало её последние дни.

Стук, снова стук. Будто громадное сердце ритмично пульсировало в тесных стенах. При каждом ударе, оргалитовая дверь кладовой заметно сотрясалась. Девочка не металась в догадках, и в её голову не приходили кошмарные фантазии о том, что находится по ту сторону двери. Она знала. Она буквально видела, как сквозь дверь прорисовываются очертания того самого зловещего предмета.

Эра сильно закусила нижнюю губу. Зачем нужно было бросаться словами? Не это ли накликано беду? «Мне бы и самой хотелось знать, что со мной творится», — думала она. Девочка могла узнать всё о своём прошлом и постичь тайны настоящего в любую минуту, когда пожелает. Но была ли она готова? По неосторожности она потребовала ответа. И вот они уже тут, за дверью кладовой, пытаются вырваться наружу.

Это там. Мечется и перекачивается, стучит в хлипкую дверь...

— Нет, я не готова... Я не готова! Я не готова ещё! — повторяла девочка, но шум за дверью только усиливался.

— Эра, что ты там делаешь? — крикнула мама из своей комнаты.

Неужели она тоже слышит?

Инна появилась в прихожей. Кладовая воровато притихла.

— Милая, да на тебе лица нет. Что ты тут делала? — спросила она.

Эра молчала, не переводя на маму остекленевших глаз. Женщина проследила за направлением её взгляда и тоже посмотрела на закрытую кладовую.

— А, это там? Испугалась? Там, наверное, что-то упало, — сказала Инна и шагнула к двери.

Упало что-то? Весь дом сотрясился от грохота! Почему никто не замечает этого?

— Не открывай! — истошно завопила девочка, когда мамина рука коснулась ручки.

Растерявшись от неожиданности, Инна одернула руку как от раскаленной стали и, недоумевая, взглянула на дочь.

— Почему?

— Не надо! Вдруг там крыса, — ляпнула Эра первое, что пришло ей на ум.

Мама лишь усмехнулась. Девочка отвернулась в сторону и зажмурилась, ожидая криков мамы.

Дверь скрипнула, но женщина молчала.

— Всё нормально, — наконец сказала мама, захлопнув дверь. — Просто там полнейший беспорядок. Надо будет разобраться позже.

Эра облегченно вздохнула. Может, и хорошо, что мама не может ничего увидеть.

— Ты сегодня спишь на ходу. Ты в курсе, что на автобус уже опоздала?

Скорее иди в школу, — в голосе Инны чувствовалось некоторое раздражение.

Девочка виновато кивнула и, щелкнув замком, нырнула в подъезд.

Не существует на свете человека, у которого нет своей тайны. Да-да, несомненно, у всех без исключения людей есть то, что скрыто от посторонних глаз. Тайна... Где-то глубоко в сердце или на самом виду, но одинаково незаметно. Невидимая, неоткрытая другим. Бывает, что она недоступна даже своему обладателю. Светлые мечты и тёмные мысли, мелкие привычки, навязчивые идеи, пристрастия, чувства, поступки, несказанные слова... У каждого человека есть тайна, ибо сам человек и есть великая непостижимость. Может ли кто-то с уверенностью сказать, что знает всё о своём самом близком друге, осознавая то, что этот друг сам не может знать свою каждую деталь? И что такое «Я» по своей сути? Существует как минимум два тебя: тот ты, которым на самом деле являешься, и тот, каким видит тебя окружающий мир. Это ведь принципиально разные вещи! Никто не может знать, как это — быть другим человеком, и причиной этому является ограниченность человеческого разума. Даже с самым лучшим воображением невозможно понять это. Некоторые люди, особенно близкие, кажутся простыми и понятными. Всегда знаешь, каких поступков можно от них ожидать, а каких нет. Создается впечатление, будто можно видеть этих людей насквозь, словно просвечивая рентгеновским лучом, но, заглянув под их черепную коробку, не обнаруживаешь ничего, кроме уже известного. Но так ли это?

Знаем ли мы, каков мир в глазах других людей и какой мир скрывается по ту сторону их глаз? Что люди знают друг о друге? Может ли человек до конца осознать хотя бы тот факт, что окружающие такие же настоящие, как и он сам, что они тоже имеют свои чувства, мысли... тайны?!

«Каждый из людей что-то в себе таит, а значит, само наличие тайны, не делает меня особенной», — думала Эра и этим себя утешала, желая остаться самой обыкновенной

девочкой. На эти мысли натолкнула её ожидаемая встреча при входе в женскую душевую. Она всегда сталкивалась с этой девушкой после урока физкультуры. Каждый раз видела эту худую, высокую фигуру в красном спортивном костюме. Её недлинные светло-русые волосы были всегда собраны в высокий хвост. Выражение больших зелёных глаз выдавало сущность робкого и замкнутого в себе существа.

Девочка знала об этой школьнице лишь то, что она училась классом старше. Выглядела она всегда одинаково и при встрече с Эрой произносила одни и те же слова: «Я пойду после тебя». Словно кукла, которая произносит снова и снова одну и ту же фразу с одинаковой интонацией. В этот день белокурая девушка не сделала исключения и, увидев Эру с полотенцем в руках, сказала:

— Я пойду после тебя.

При этом глаза её выражали глубокую необъяснимую тоску, брови слегка подрагивали. Девочка, как всегда, кивнула в ответ и в этот момент впервые задумалась об этой необычной персоне. Казалось, эта девушка застряла в одном событии, которое повторяется время от времени: одинаковые встречи, те же слова, ничем неотличимое выражение лица. Словно и не живет вовсе, а лишь иногда появляется у входа в душевую, для того чтобы сказать, что пойдёт следующей. Разумеется, этого не могло быть. Но так трудно было поверить в то, что эта девушка имеет свой собственный разум, волю, по-настоящему чувствует, дышит, мыслит и в её груди бьется человеческое сердце, а по венам бежит горячая кровь. И ведь у неё тоже есть своя тайна!

Школьная душевая, как всегда, была жаркой, распаренной, пахла сыростью и застарелым грибком, который чернел в щелях кафеля во всех кабинках, а ещё нужно было быть осторожным, чтобы не поскользнуться на мокром, намыленном полу. Наверное, поэтому не все ученики пользуются возможностью освежиться после игры в баскетбол. Было три кабинки, но ученицы предпочитали ходить по очереди, однако когда Эра зашла в душевую, там ещё хрипела вода в трубах и из облака пара на неё вдруг двинулась голая Айжан. Девочка стыдливо спрятала глаза и отстранилась в сторону, но Айжан нисколько не смутило её присутствие. Она прошла мимо так, словно и не заметила Эру.

В последнее время одноклассница мало что замечала, однако больше не выглядела угрюмой, а казалась злой. И если реагировала на окружение, то крайне агрессивно. Вот и сейчас не закрыла воду в знак протеста, конечно, действуя наперекор всем установленным правилам. Эра проводила Айжан взглядом, завистливо рассмотрев её высокую талию. Своё тело она не любила, считая его излишне тонким и совсем ещё детским. Жаль, что нельзя сделать однокласснице комплимент. Огрызнется еще...

Эра уже успела смириться с тем, что дружбы с Айжан не получилось, и сделала вывод: глупо жить надеждой, что она ещё о ней вспомнит и вдруг заговорит, но каждый раз при встрече печалилась. Девочка с тоской понимала, что если Айжан не подпускает её к себе в столь тяжелые дни и не принимает поддержку, это означает, что всё между ними кончено.

Возвращаясь домой после уроков, Эра не сразу заметила, что идет снег. Снежинки были настолько маленькими, что различить их в монотонно-сером воздухе было непросто. Однако легкие влажные прикосновения маленьких кристалликов ощущалось на лице и руках. Это был даже не первый снег, а его обещание. Девочку радовало это маленькое событие, но чем ближе она подходила к своей улице, тем сильнее становилось внутреннее напряжение. С каждым шагом она становилась ближе к тому, что заперто в кладовой комнате... Но деваться было некуда.

Открыв дверь своим ключом, Эра вошла в прихожую. Обуви Инны не было на привычном месте, но все-таки Эра без надежды окликнула маму.

Просто не хотелось находиться в квартире одной. Страшно! Дверь в кладовую была слегка приоткрыта. Стены насквозь пропитались дымным серебром, что незримой струёй сочилось из темной щели. Не снимая ботинок, Эра подбежала к кладовой и с силой захлопнула дверь. По ту сторону тут же раздался мощный удар, такой, что дверь под ладонью дрогнула.

Девочка испугано отскочила. Сердце заколотилось так часто, что его биение ощущалось во всём теле. «Может быть, стоит подпереть дверь чем-нибудь тяжелым? Может, не вырвется? Приставить бы к кладовой комод. Только как это объяснишь маме?» — думала Эра, чувствуя себя чудовищно несчастной. Теперь даже в своём доме она не могла чувствовать себя спокойно. Скинув пальто и сняв ботинки, девочка убежала в свою комнату и закрылась на замок дверной ручки. На кухне наверняка её ждал приготовленный мамой обед и записка с отчетом о том, куда она пошла, но для того, чтобы попасть туда, нужно было пройти мимо кладовой...

Эра осознавала, как унижительно прятаться в запертой комнате, но не могла сделать над собой усилие, чтобы побороть страх. Бессмысленно пролежав с полчаса в кровати, обняв подушку, девочка внезапно вспомнила о черной записной книжке и обрадовалась тому, что может оправдать своё самозаточение, взявшись её изучать. Записная книжка, похищенная из заброшенного дома, покоилась на том же месте, где девочка оставила её утром — на полке между книжек небольшого формата. Усевшись за письменный стол, Эра открыла первую страницу, где было написано ровным подчерком: «Дневник Максима». На других страницах почерк был менее ровным. Видимо, хозяин дневника старался писать красиво, только когда выводил своё имя. Кто же этот Максим и какие тайны могут поведать его записи? Может быть, и вправду на этих страницах есть что-то такое, о чем Эра должна знать? Не зря же дух привел её к заброшенному дому. Может быть, под этой черной обложкой скрыты ответы? Девочка начала читать с самого начала. Первые записи датировались сентябрём прошлого года.

15 сентября ... года.

Привет тому, кто это читает. Как ты уже знаешь, моё имя Максим. Мне 16 лет. Сейчас я лежу в госпитале, который находится в центре Москвы, так как серьёзно болен. Я решил завести этот дневник, потому что я настолько одинок, что мне не с кем поделиться своими мыслями.

Я нахожусь в незнакомом мне городе, где среди миллионов людей нет ни одного друга. В палате я не один, но среди этих людей нет ни одного человека, с которым мне бы хотелось побеседовать, рассказать о том, что чувствую. Поэтому я выбрал эту записную книжку в качестве своего друга.

Сейчас уже вечер, становится всё тише и тише. Мои престарелые соседи засыпают. Как же мне надоели эти однообразные вечера, надоела эта палата и шевелящиеся под одеялами контуры тел. Я устал от боли в груди, от капельниц...

Не дочитав первую запись до конца, Эра почувствовала себя неловко. Подробности о переживаниях этого молодого человека показались ей слишком интимными. И вообще это едва ли было связано с теми событиями, что творятся в городе. Причем тут далекая Москва, болезнь этого парня? Решив, что не найдет в этих строках ничего полезного, девочка закрыла эту страницу и открыла дневник сразу в середине, надеясь найти что-то важное. И

она не прогадала. В её глаза сразу бросились слова: «...Меня тревожат кошмары с того самого дня, как я приехал обратно в свой городок...» Отыскав начало записи, Эра продолжила чтение.

10 декабря ... года.

Сегодня я видел сон. Настолько ужасный, что, проснувшись, я ещё долго не мог прийти в себя. Было страшно покидать постель, казалось, что эти кошмары никуда не исчезли, а просто затаились в одном из уголков пустого дома. Увиденное ничуть не забылось и до сих пор стоит перед моими глазами.

Меня тревожат кошмары с того самого дня, как я приехал обратно в свой городок, но это видение не сравнится ни с одним сном, что я видел раньше.

Эта страшная тень, что преследует меня в сновидениях, на этот раз не просто гонялась за мной в туманном мареве.

Я помню каждую деталь: обитые железом ворота какого-то знакомого парка, проглядывающиеся в густой тени. Кажется, я видел это место раньше где-то в городе. Вдоль забора парка шел молодой парень, его лицо немного смазалось в воспоминаниях, но во сне его образ был четким. Я даже помню, что у него были большие черные глаза и небольшая родинка над левой бровью. На фоне длинных пустых улиц и высокого забора этот молодой человек казался таким крошечным, но я мог видеть его растерянное лицо. Он вел себя так, как будто заблудился и не знает куда идти: то и дело останавливался, озирался по сторонам, сворачивал куда-то...

Самого меня не было в этом сне, я наблюдал за происходящими событиями неизвестно откуда. Ни о чем не думал и не чувствовал, просто видел сон, не в силах повлиять на его ход.

Пройдя ещё несколько шагов, молодой человек замер на месте, его глаза будто остекленели. Он открыл рот, готовясь закричать, но из его горла вырвалось лишь слабое шипение. Парень не шевелился, его парализовал ужас. И тут появилось то, что его так напугало. По дороге, слегка заметенной снегом, двигалась длинная черная тень. Обычно тени на снегу кажутся синими, а эта, как всегда, была настолько черной, что казалась дырой в нарисованной на холсте картине.

Все произошло очень быстро... я только и видел, как парня поволокло в темноту, и крик его вскоре стих...

Странный и непонятный сон. Единственный из всех кошмаров, что после пробуждения не кажется мне смешным и нелогичным...

Эра ненадолго оторвалась от записей, пытаясь обдумать прочитанное, но поглощенная изумлением, девочка не могла сосредоточиться на своих мыслях, поэтому спустя несколько мгновений перешла к следующей записи.

13 декабря ... года.

Это невысказано! Я осознаю факт произошедшего, но это просто не может быть правдой! Ах, как часто меня терзают подобные мысли.

Может быть, я просто сумасшедший? Очень похоже на то...

Сегодня днём я решил сходить в магазин. Продукты в холодильнике заканчивались, это и вынудило меня выйти на улицу. Уже три дня я не покидал дома. Боязнь людей и паранойя заставляют меня сидеть запертым в четырёх стенах, но иногда нужно делать вылазки, чтобы не умереть от голода и окончательно не забыть, что существует что-то ещё помимо этих пыльных комнат.

На улице стояла ясная погода. Было морозно, но без ветра. Свежий воздух немного

поднял настроение. Я даже ненадолго перестал думать о том сне, что видел недавно, больше меня это не тревожило. Заглянув в универмаг, я решил пройтись по самой людной улице, ведущей к главной площади города. Возникла странная потребность побыть среди людей. Видимо, я ещё не настолько одичал, чтобы держаться в стороне ото всех. Но эта прогулка доставила не столько удовольствия, сколько произвела неприятное впечатление. И виной тому совершенно незнакомый мне человек.

В центре городской площади стояла женщина в голубой куртке и раздавала людям какие-то листовки. Не знаю, почему зацепился взглядом за эту женщину, почему меня вдруг передернуло от её присутствия и мной овладело необъяснимое волнение. Я ходил кругами, бросал короткие взгляды в её сторону.

Женщина пыталась всучить листовку каждому проходящему мимо неё человеку и говорила что-то. Никогда раньше не видел такого печального лица. Позже я заметил, что и глаза её заплаканы.

Люди, один за другим, останавливались, выслушивали слова, задумчиво вглядывались в полученный листок. Другие, взглянув на распечатку, отрицательно мотали головой, но никто не отказывался от предложенных листовок.

Я принял эту женщину за одну из навязчивых распространителей рекламы, которых и без неё немало на этой площади. Рекламщики были бы последними в моём воображаемом списке среди людей, на которых стоит заострять внимание, но на эту опечаленную персону я отчего-то снова и снова натёкался взглядом.

И почему любопытство одержало верх? Для чего было подходить настолько близко и давать ей заметить себя? Если бы я этого не сделал, то недавний сон был бы просто бессмысленным видением и однажды просто забылся бы...

Эта женщина, заметив мой неосторожный взгляд, подошла ко мне ближе и протянула один из листков, что предлагала проходим, со словами: «Вы не могли бы помочь мне?.. Я ищу своего сына. Прошло три дня с тех пор, как он не появлялся дома. Я очень беспокоюсь. Взгляните, может быть, вы его где-нибудь встречали?».

Только когда женщина замолчала, я опустил глаза на её руку. Я едва сдержался от удивления, чтобы не вскрикнуть. Незнакомка протягивала мне напечатанную на листе фотографию молодого человека, и я был готов поклясться чем угодно, что это был тот самый парень из ночного кошмара!

В мыслях тут же материализовалась каждая деталь сновидения.

Рассматривая снимок, я непроизвольно открыл рот. Но разве я мог сказать этой женщине, что видел её сына во сне? Мог ли рассказать о той невероятной и ужасной гибели этого парня в моём видении? Так и не решившись вымолвить и слова, я поспешил уйти. Но несчастная не могла не заметить моё лицо полное изумления. Она догадалась о том, что всё это неспроста и, уловив ниточку надежды, не собиралась упускать её.

«Стой! Ты видел его? Скажи! Прошу тебя, скажи, что знаешь!» — кричала женщина, размахивая распечатанными фотографиями.

Она шла за мной до тех пор, пока я не перешел на бег и умчался прочь.

Вот только от своих мыслей убежать не удалось. Я не хочу думать об этом, но мой мозг не слушается меня и пытается найти разумное объяснение всему этому абсурду. Сомневаюсь, что когда-нибудь пойму, как возможна связь между сном и реальностью.

Нужно просто успокоиться. Подумать о чем-нибудь другом. Может быть, тот парень на фотографии вовсе и не был похож на того, которого я видел во сне. Просто почудилось.

Стоит ли из-за этого переживать?

Эра не могла не сделать перерыва и не поразмыслить над прочитанным. Все, что было описано на этих страницах, было ей не чуждо. Она прекрасно понимала чувства автора дневника. Читая дневник Максима, девочке казалось, что она разговаривает с ним. В тексте не было ничего такого, что показалось ей непонятным. Отчасти девочка была даже приятно удивлена прочитанным. «Наверное, и этот Максим был бы рад узнать, что он не одинок и существует человек, который мог бы понять его», — подумала она, и ей стало жаль одинокого автора дневника. После записи о встрече с женщиной автор, судя по датировке, ничего не писал долгое время. Эра расценила это как боязнь впечатленного парня заглядывать в собственный дневник. Последующая запись была менее эмоциональной, но у девочки было предчувствие, что всё это лишь затишье перед бурей.

8 января ... года.

Денег осталось не так много. Сбережений хватит максимум на пару месяцев, а значит, что жизни втайне от всех придет конец. Не знаю, может быть, перемены пойдут мне на пользу, однако меня ничуть не прельщает то, что придется покинуть свой дом.

Я не могу назвать себя счастливым человеком, но не хочу перемен. Лучше уж быть отшельником. Пусть моя жизнь скупа на события, но я стараюсь наслаждаться ей, пока это возможно. Как жаль, что всё это не сможет продолжаться долго.

15 января ... года.

Не нужно было возобновлять записи в этом дневнике. Он приносит одни несчастья! Но остановиться я уже не могу. В ту же ночь, после того, как я сделал предыдущую запись, мне снова приснился кошмар. Я долго не мог решиться открыть дневник и подробно обо всём написать.

Теперь я всерьёз напуган, потому что убежден в том, что это не просто сны. В городе, действительно, происходит нечто ужасное. О пропажах людей говорят по телевизору, пишут в газетах. Вот только никто не обеспокоен так, как я. Никто не знает, что происходит с пропавшими людьми, а мне почему-то являются видения!

Это дьявольское создание расхаживает по улицам, губит людей и остаётся невидимым для всех. Мне бы хотелось рассказать кому-нибудь об этом, но разве мне поверят? Меня примут за сумасшедшего. Хотя ещё немного — и я вправду сойду с ума.

Я снова видел сон об этой кошмарной твари. На этот раз её жертвой стала молодая женщина лет двадцати пяти. Дьявольский выродок застал врасплох её в безлюдном переулке и поступил так же, как и с тем парнем. Женщина кричала во всё горло, но никто не откликнулся на её вопль...

Я даже не удивился, когда через несколько дней увидел в новостях на городском канале объявление о её пропаже. Должно быть, я единственный, кто знает о случившемся.

Меня не оставляют мысли о том, что я, возможно, вижу эти сны, потому что мне тоже суждено стать жертвой этого чудовища. Я боюсь выходить на улицу...

Девочка почувствовала, как сильно устала разбирать корявый почерк. От тусклого света настольной лампы болели глаза, и казалось, что по страницам плавают жирные красноватые кляксы.

Эра не могла заставить себя оторваться от дневника, хотя и понимала, что не сможет прочитать много, сохраняя внимательность. Но, к счастью, следующая запись оказалась последней:

17 февраля ... года.

Сегодня мне исполняется семнадцать лет. Наверное, это мой последний день рождения.

Однажды я пережил смертельную болезнь, у меня появилась надежда на жизнь, а теперь я снова с холодным трепетом предвкушаю смерть.

Вот ведь ирония: я выжил для того, чтобы умереть.

На этот раз я не проходил обследования и мучительных процедур, мне никто не ставил диагноз. Но я знаю, что умру, потому что сама смерть заглянула мне в глаза.

Надежды на спасение больше нет, моя жизнь теперь просто игрушка в руках этой твари, что поселилось в наших краях.

Она истязает меня, посылает эти кошмарные видения, упивается моим страхом. А когда моя душа станет пустой и у меня не останется сил даже на страх, эта тварь придет и допьет её последнюю каплю.

До этого момента, видимо, осталось недолго, ведь я уже почти не способен на страх. Все чувства заменило отчаянье, а разум — апатия.

Вероятно, всё это пережила каждая из жертв дьявольского создания перед тем, как была выпита.

Раньше оно являлось мне только во сне, но совсем недавно я столкнулся с этой мерзкой тварью лицом к лицу.

Неделю назад, ещё до того как все страхи были исчерпаны, изнемогая от страха и нетерпения, я вышел на улицу в поисках смерти.

Я нарочно избегал людных мест, петлял по одиноким улицам, темным закуткам. Я звал ЕГО. Сначала шепотом, после перешел на крик, молил забрать меня, и оно смеялось в ответ тишиной.

Потом страх вдруг исчез. Я взглянул на себя со стороны и увидел обычного безумного парня. И в эту минуту, когда на смену страху пришли сомнения о существовании этого самого существа, оно явилось мне.

Ноги вели меня сами, тело не слушалось меня, оно просто мне не принадлежало. Я и глазами не мог моргнуть без ЕГО разрешения. Я брел в беспамятстве, утопая во мраке улиц и чужой воли.

Не знаю, сколько времени это продолжалось, но когда моё сознание чуть прояснилось, я оказался около старого трехэтажного здания на другом конце города. Когда-то оно было музыкальной школой, а теперь просто заброшенная рухлядь, обтянутая зеленой фасадной сеткой.

Это место мне хорошо знакомо. Ещё до того, как меня отправили в госпиталь на первое обследование, я обучался в этой школе по классу фортепиано. Мои родители верили, что их сын имеет способности к музыке. Потом эту школу закрыли на ремонт, и месяц её гибели совпал с месяцем, когда умерли мои родители. Ремонт так и не был закончен.

ОН дергал за нитки, и я безвольной марионеткой приближался к месту, где в защитной сетке чернел разрыв. Ноги утопали в загнивающих опилках, хрустели битые стекла, ноги вели меня на второй этаж. В эти минуты в мыслях и на сердце было пусто. Я не ощущал ни холода, ни страха, не обращал внимания на запах висящей в воздухе пыли и вообще словно существовал вне своего тела.

Как же бороться с этим существом, когда оно движет тобой, решает за тебя?

Перешагнув последнюю ступеньку, я оказался в длинном коридоре, залитом очень слабым мерцающим светом двух уцелевших ламп. Кто бы мог подумать, что в заброшенной музыкальной школе всё ещё есть электричество.

Пол коридора был завален всевозможным строительным мусором и присыпан обрушившейся штукатуркой, будто сахарной пудрой.

Тело моё больше не двигалось, я стоял под мерцающей лампой, тупо уставившись в глубь коридора. Мои глаза не сразу заметили, что я в этом месте не один. На другом конце коридора кто-то стоял так же неподвижно, глядя прямо на меня.

Это было ОНО! Само Зло стояло от меня метрах в пятнадцати.

«Вот и конец», — выплыла единственная мысль откуда-то из глубины. Но я не был ему нужен. Выродок смотрел на меня, даже говорил со мной, но не тронул... Он сыт такими, как я, по горло...

Но после этой встречи я потерял надежду на спасение. До этого я молил и свято верил в то, что, если существует материальное зло, значит, должно существовать и то, что ему противоположно.

Но видимо я ошибался. Света не хватает на все тёмные уголки Вселенной, и поэтому случается несправедливость.

Зло губит людей, и никто его не собирается останавливать, иначе бы уже давно попытались остановить. Я больше не верю в силы добра. Наверное, все мы заслужили эту кару, потому и погибаем.

Прощай, мой единственный друг, дневник...

Запись обрывалась на середине страницы. Эра пролистала остальные, но они были пусты. О причине этого догадаться было несложно. Девочка попыталась перечитать несколько последних строк, но не смогла. Ей помешали слезы. Эти несколько записей вызвали у неё целый ураган чувств, но особенно среди них выделялось раскаянье. «...я молился и свято верил в то, что, если существует материальное зло, значит, должно существовать и то, что ему противоположно». Странное чувство не покидало Эру, что эти слова были адресованы именно ей, пусть и сам Максим не знал об этом. А вдруг в её силах покончить с этим кошмаром? Но девочка только и делала, что упрячилась. Говорила, что не готова и даже не задумывалась о том, имеет ли она право быть неготовой, когда гибнут люди и возможно только ей дано это предотвратить. Максим ждал спасения, но никто не пришел на помощь. Ни Эра ли в этом виновата? Что, если бы она раньше взялась разгадывать эту тайну? Может быть, и людей пострадало меньше? Возможно, и малютка Сауле была бы сейчас жива? Эра, сжав кулаки, впиалась ногтями в ладони и сильно закусилась нижней губой. Она была зла на себя, хотелось сделать себе больно. «Нет, нельзя тратить время на раздумья и самобичевание», — решительно подумала девочка.

Из коридора донесся будто проснувшийся уже знакомый шум. Это больше не пугало... Эра без страха покинула свою комнату. Внутри пылал огонь, сердце упругими толчками билось в груди в такт решительным шагам. Слегка дрожащая рука потянулась к двери кладовки.

— Я готова, — сказала она вслух.

В тесную кладовую прокрался свет, и среди груды хлама Эра увидела то, что ожидала увидеть. Ту самую черную косу. Она стояла, неподвижно прислонившись к стене, ожидая свою хозяйку. Руки обхватили черенок. Ладони ощутили холод. Сила и обладатель слились воедино. Тело пронзили сотни электрических зарядов, девочка едва не валилась с ног. Сила лилась сплошным потоком, и девочка с усердием ловила её, словно заглатывала воздух на сильном ветру. В глазах вспыхнул золотой свет. Литая тяжесть с силой ударила в переносицу. Ноги обмякли, и девочку подхватила мощная волна и понесла вдаль по

бесконечной реке.

Глава 7. Танец кондора

С западной стороны, где вдаль виднелись темные вершины гор, снова и снова набегал тёплый ветер, проносился волной по широкому полю, нагибая до земли высокие травы. Колыхал ветви одинокого миндального дерева. Посвистывал, пробираясь сквозняком через окна низенького домика, стоящего у оврага, и рассеивался в листве лесной полосы, что отделяла полудугой этот уголок от огромного мира. Мира, где ещё миллиарды полей, непроходимых лесов и одиноких лачужек, а также миллионы рек, сотни морей и десятков бескрайних океанов. Оранжевая полоса на горизонте стремительно угасала, и очертания гор на её фоне утопали в наплывающем мраке. С противоположной стороны от горизонта расплзалась густая тьма, окрашивая фиалковое небесное полотно в ровный тёмно-фиолетовый цвет.

В окне маленького деревянного дома затрепетал золотой огонек, и на веранде появилась девочка-подросток в льняном платье синеватого оттенка. В левой руке она держала свечу, правой прикрывала пламя, чтобы его не погасил ветер. Отблески огня игриво отплясывали на её умиротворенном лице, мерцали в глади черных волос, и в больших глазах девочки подрагивали два отражения язычка пламени. Хрупкая фигурка прошла по веранде, зажигая висящие под потолком красные стеклянные фонарики один за другим. Всюду разлился мягкий алый свет. Пламя свечи нервно вздрогнуло и исчезло, повинувшись воле резкого дыхания, лишь кончик фитилька ещё противился и теплился оранжевой точкой, исторгая тонкой струёй пахучий дым. Постояв немного на веранде, девочка спустилась вниз по ступенькам и зашагала от своего дома по тропинке, ведущей в поле. На полпути она вдруг остановилась, едва не наступив на оливковую гадюку в шахматных пятнах, что пригрелась на плоском камне. Заметив девочку, гадюка скрутилась в упругое кольцо, подняла голову и угрожающе зашипела. «Вот глупая, — подумала девочка. — Знает же, что не опасна для человека, как и человек не опасен для змей, а всё равно скалится». Но змея и не собиралась нападать и шипела скорее от досады, что её растревожили.

«Ничего, вот поймаю тебя, тут же успокоишься», — девочка потянула руку к гадюке, но та резко увернулась, сделала холостой выпад к запястью, брызнув ядом, и юркнула в зелень. Малютка звонко захохотала и без опаски вступила в траву, где мгновение назад мелькнул шахматный хвост. Однако змея девочку больше не интересовала, её ожидало более интересное зрелище. С каждым шагом тропинка сужалась, и вот босые ноги ступили в зеленое море растений, волнующееся от порывов теплого ветра. Тоненькая фигурка по пояс утонула в высокой поросли. Девочка пробиралась к одинокому миндальному дереву, чья могучая крона возвышалась над бушующими травами.

Большие черные глаза то и дело поднимались к небу. Девочка вглядывалась в фиолетовый сумрак, будто надеялась увидеть в нем что-то особенное. Где же они? Эти огромные птицы, чьи крылья похожи на длинные руки с растопыренными пальцами. Те, что словно пытаются обнять небо. Где эти птицы, чей вид столь ужасающ, а крик печален, как скрип оконных ставен на проржавелых петлях? Неужели в этот раз они не появятся и не будут кружить над головой? Нет, нет, они здесь!

Придерживая подол платья, девочка присела на землю у ствола дерева. Массивные ветви раскачивались на ветру, словно пытались заслонить небо от её взгляда. В вышине две крупные фигуры выписывали большой круг на фоне фиолетового сукна. Птицы парили над землей, расправив крылья во всю ширь, не часто взмахивали ими, отталкивались от воздуха и

снова скользили в пространстве, замерев в неподвижной позе.

Уже далеко не в первый раз девочка наблюдала за этими небесными созданиями, но интерес ничуть не ослаб. Полёт этих птиц по-прежнему казался девочке ни с чем не сравнимым зрелищем. Одна из птиц, та, что была крупнее, встрепенулась в воздухе всем телом и начала снижаться. Она летела к земле, кружась, словно её нес вихрь, тоскливо кричала, зовя за собой своего друга. Вторая птица тоже рухнула в траву.

Девочка приподнялась на ноги, чтобы не выпускать пернатую пару из вида. Тело сковало оцепенение, страшно было даже вздохнуть — вдруг они улетят. Никогда раньше девочке не приходилось видеть этих птиц так близко. Они были всего в нескольких шагах от неё. Глаза малютки округлились, а губы сами собой растянулись в странной улыбке. Но в этот момент она ощущала не совсем радость. Её пронзило чувство жути вперемешку с восторгом. В лицо ударил жар, а вниз по телу пробежал холодок. Надо же, эти создания ужасны! Они отвратительны! Один их вид вызывает страх и головокружение.

В небе они казались плоскими черными тенями, и девочка думала, что вблизи эти создания выглядят как вороны, только они значительно больше, но теперь её представления были разрушены. В окрасе птиц хоть и преобладал черный цвет, однако он был контрастным, переливающимся многими оттенками. Вокруг шеи белели пушистые воротнички, и кайму крыльев тоже украшали белые перья, те, что невозможно было разглядеть издали. Но больше всего впечатляли головы птиц — уродливые, лишённые перьев. Розоватая рябая кожа слишком сильно обтягивала череп, глаза — маленькие гранатово-красные. Птицы постоянно переглядывались, резко дергая головами, и щёлкали своими крючковатыми клювами, словно разговаривали. Девочка не сразу заметила, что клюв той птицы, что была ближе к ней, украшен большим тёмно-красным мясистым гребнем. Странно то, что у другой особи такого приспособления не было. Поистине удивительным казалось то, настолько уродливые создания могут быть привлекательными. Более того, очарование этими птицами стало более глубоким, чем было до того, как они спустились на землю. Впечатление было настолько сильным, что девочка забыла о собственном существовании и была словно под гипнозом.

Птица с гребнем на клюве вела себя чужаковато, металась вокруг другой птицы, не сводя с неё глаз. Юлила и суетливо подпрыгивала на месте, слегка расправив крылья. Казалось, будто обладатель багрового гребня пытается заставить уважать себя, проявляя театральную агрессию. Другая птица принимала правила этой игры: втягивала шею, похлопывала свои бока крыльями и громко шипела. «Вот дурные! Что это они делают?» — девочка сделала осторожный шаг вперед, желая, если не поучаствовать, то хотя бы быть ближе к столь необычному явлению, убедиться что эти создания не мираж. Раньше, когда она наблюдала черных птиц в небе, они казались роднее облакам, линии горизонта, вспышкам молний — тем вещам, которые можно видеть, но нельзя достать. Увидеть диковинных тварей вблизи было таким же волшебством для малютки, как если бы удалось оторвать кусочек непроглядной тьмы и вылепить из него что-то материальное. Ещё один маленький шагок. «Прикоснуться бы к ним, убедиться, что они из плоти и крови...» Одна из птиц, та, что была меньше, внезапно издала короткий крик и, как показалось, даже не взмахнув крыльями, взмыла в воздух. Вторая птица тут же последовала за ней. Девочка с тоской смотрела на две черные фигуры, таявшие в небе. Как зыбко любое чудо, один неосторожный шаг — и его уже нет.

Разочаровано вздохнув, малютка присела на траву, обхватив руками колени. Нельзя

было подходить к птицам так близко. Как удивительно: паря в своей стихии, они кажутся гордыми и бесстрашными, а на земле пугливы и нелепы. Или, может быть, эти существа не терпят, когда их тревожат во время ритуальных танцев? Нельзя было вторгаться в пространство, наполненное магией таинственного обряда.

Недолгая тишина вновь нарушилась шелестом травы. Неужели вернулись? Девочка снова вытянулась во весь рост. Нет, это были не птицы, но теперь стало ясно, кто их напугал. Сквозь траву пробиралась молодая девушка невысокого роста. Она передвигалась так быстро, словно её несло течением быстрой реки. Её тело то вздымалось над травами по пояс, то утопало в них почти по грудь. Девушка приветливо улыбалась, а малютка лишь скривилась в ответ и отвела взгляд. Она сама не знала, чем была раздражена: самим появлением этой девушки или тем, что по её вине птицы прервали свой танец.

— Эрра, — негромко произнесла пришедшая, перебросив длинную черную косу с плеча на плечо.

— Лая, что ты здесь делаешь? — отозвалась девочка.

С этой девушкой она была знакома с самого рождения, и видеться им приходилось достаточно часто. Эрра сама не знала, как относилась к Лае.

Её чувства были смешанными. Иногда она скучала по этой девушке, но стоило ей появиться, тут же возникало неясное ощущение вины. Девочку раздражало это чувство, и от этого она становилась грубой. Ей казалось, что Лая всегда приходит не вовремя и отсутствует в те моменты, когда её действительно не хватает.

Эрра опустила на колени, наклонив к земле угрюмое лицо. Она знала, что сейчас Лая подойдет ближе, ласково коснется её волос, затем сядет рядом и начнет говорить. Девочка без труда угадывала каждое её действие, в свою очередь, Лае не трудно было предсказать любой поступок Эрры. Словно они могли читать мысли друг друга.

— Ты всегда гуляешь под темным небом. Почему? — спросила Лая, как только присела на траву.

— Оно не ослепляет. В него можно вглядываться бесконечно и думать о чем угодно, — ответила Эрра.

Девушка задорно улыбнулась. Глаза её знакомо смеялись и казались хитрыми. Девочке подумалось, что она специально спрашивает её о чем-нибудь, чтобы услышать забавные слова.

— Вот всегда ты так! Больше не буду отвечать на твои вопросы. Никогда, — обиделась девочка.

— Что ты, я не хотела тебя обидеть, и мне это совсем не кажется смешным, — Лая спрятала улыбку. — Наоборот, это очень мило... Ну что ты опять дуешь губы?

— Потому что ты только и делаешь, что задираешь меня, — буркнула Эрра, нарушив обещание, данное самой.

— Все-таки глупая ты. Сразу видно, что маленькая — ничего не понимаешь.

Эти слова окончательно отбили желание разговаривать с Лаей. Девочка больше всего не любила, когда напоминают о её молодости. Люди часто жалели её, поучали, приходили в гости без приглашения, баловали вниманием лишь потому, что дети — большая редкость во всех уголках четырех континентов. Эрра иногда размышляла: а не является ли она единственным ребенком в мире? Других она не встречала никогда.

— Почему ты так часто ко мне приходишь? Зачем? — спросила Эрра после недолгой паузы.

Девочка заглянула Лае в глаза и тут же испугом отвернулась. Ей на миг показалось, будто она смотрит на своё отражение в воде. Одинаковые глаза, те же губы, волосы, такая же белоснежная кожа — одно лицо, принадлежащее двум женщинам разного возраста. Никогда раньше Эрра не замечала этого сходства.

— Я и сама не знаю, почему к тебе так привязана, но то, что привязана — это факт. Не могу не прийти. Вечная необходимость увидеть тебя, — ответила Лая, и лицо её вдруг помрачнело.

Это признание было таким неожиданным для Эрры, что она тут же перестала злиться на Лаю, возникло даже желание извиниться перед ней за грубые слова.

— Привязана ко мне... Это потому, что ты вынашивала меня в своей утробе? Потому что ты одна из родителей? Да?

Лая кивнула.

— Возможно так. Мы были единым целым. Знаешь, может тебе это покажется странным, но я по-прежнему ощущаю связь между нами.

Девочка не знала, что сказать в ответ и просто подсела к Лае ближе.

— Я чувствовала тебя внутри. Ты росла, и мой живот рос. Он стал таким большим, и я боялась, что он лопнет. Ты пихала меня изнутри, даже когда я спала, снова и снова напоминая о том, что существуешь. А потом ты из меня вышла, такая крошечная, беспомощная. Это было мучительно, но я была рада твоему появлению.

Когда девушка говорила это, на её лице отражались пережитые эмоции, губы растянулись в улыбке, а на ресницах капельками росы поблескивали слезы.

— Ты это помнишь?

Эрра сморщила лоб, будто пыталась отыскать в голове это воспоминание.

— Нет, не помню. Совсем ничего. Наверное, я ещё не умела запоминать, потому что была очень маленькой, — тоскливо ответила она.

— Да, наверное, у младенцев головы слишком малы, чтобы помнить.

Девочка заметила, как Лая, отвернувшись, украдкой смахнула слезу со щеки.

— А он был рад моему появлению? — осторожно спросила девочка.

— Кто?

Лая протяжно шмыгнула покрасневшим носом, и её бледные щеки тоже вспыхнули румянцем.

— Ну, ты же знаешь, о ком я... Гаммел, мой второй родитель. Он был рад?

Над полем пронесся резкий крик, такой пронзительный, что в ушах защекоotalo. Обе разом вздрогнули от неожиданности и вскочили на ноги. Черная птица витала так низко, что едва не задевала крыльями высокую траву. Вертела головой и истошно вопила во всю глотку.

Не нужно быть птицей, чтобы понять значение этого крика — небесное создание кричало о своём одиночестве и потере. Должно быть, улетаю, ему не удалось догнать свою пернатую подругу. Это ведь была та самая птица с красным гребнем на клюве, что улетела второй. Теперь она вернулась в надежде отыскать подругу здесь, где они так и не закончили свой танец, но, увы... Птица огибала кривым кругом степь, проносясь почти над землей, взмывала в воздух и снова камнем падала вниз, чтобы описать ещё один круг.

— А ну пошел!.. Пошел вон! — закричала Лая, размахивая руками. — Убирайся!

Оглушенная собственным криком, черная птица не слышала слов девушки и продолжала свои тщетные поиски.

— Убирайся, грязный падальщик! — Лая подобрала с земли небольшой камень и с

силой бросила его в птицу, но не для того, чтобы ей навредить, а с целью привлечь её внимание. Однако случайно попала птице в крыло.

— Ой! — испугано воскликнула Лая и зажала рот ладонью.

— Зачем ты это сделала? Она же теперь никогда не прилетит! — разозлилась на неё Эрра.

— Прилетит, — облегченно выдохнула девушка, провожая взглядом тающую в небе крылатую тень. — Кондоры — наглые создания. Я их прогоняла много раз, а они прилетали снова и снова.

— Кондор, — задумчиво повторила девочка. — Гордое имя.

— А вид жуткий и кричат так противно...

— Они тебе не нравятся?

Лая равнодушно дернула плечами.

— Не очень. Кондоры страшные, и ещё... — прервавшись на полуслове, ответила она. — Может быть, они не наши?

— Как понять «не наши»?

— Ну, вдруг они вылетают из Сквозной Дыры? Чужие они какие-то, уродливые и уж больно редкие.

Эрра махнула на Лаю рукой.

— Не говори глупостей. Никто не вылетает из Дыры.

— Тебе-то откуда знать? — Лая сорвала сухую травинку и принялась грызть её кончик. — Я слышала, что было время, когда оттуда выползали громадные пауки. Лохматые и черные, как сам мрак бездны, и там, куда они ступали своими лапами...

— Трава становилась черной! — подхватила девочка. — Чепуха! Это легенды. Я читала такую рукопись. Это самовыдумка, а кто-то принял за правду и давай трепаться.

— Ну, а зачем кому-то такое выдумывать?

— Не знаю. У Сквозной Дыры ведь никто не живет, и никто не знает, что там, вот и фантазируют.

Лая снова игриво улыбнулась, но Эрру это больше не раздражало.

— Ты спрашивала о Гаммеле?

Эрра скромно покачала головой. Ей хотелось услышать ответ, но повторять вопрос снова было неловко.

— Я думаю, он был бы счастлив, если бы увидел тебя, — помолчав немного, ответила Лая.

Она опустила на колени напротив Эрры так, чтобы их лица оказались на одном уровне. В её темных глазах стоял густой туман раздумий. Казалось, она сейчас не здесь, а глубоко в своём сознании.

— Так он не видел? Не дождался? Почему? — удивилась Эрра.

— Он ушел до твоего рождения. Должно быть, не хотел умирать в своем доме. Не знаю. Просто ушел. Может быть, потому что не хотел, чтобы его кто-нибудь видел таким... Ты ведь знаешь, что происходит с мужчинами после зачатия младенца?

Эрра кивнула. Она прекрасно знала, какова цена зачатия ребенка. Если двое отважатся на это, мужчина потеряет вечность. Его тело начнет стремительно стареть, и вскоре от него не останется и следа. Девочка смутно представляла, как это происходит, да и не хотела. Страшно было. Но ей не давал покоя вопрос, почему в истории всех земель имелись такие безумцы, готовые уступить своё место новорожденному? Эрра хотела было спросить об

этом, но, посмотрев на Лаю, вдруг заметила, что она еле сдерживается, чтобы не заплакать. Её глаза блестели от влаги, и казалось, что они вот-вот обронят слезы.

— Прости меня, — девочка обняла Лаю. — Давай пойдём ко мне домой. Хочешь?

— Хочу, — не отрывая лица от плеча девочки, ответила Лая. — Не так часто ты меня приглашаешь, чтобы я отказывалась.

Стало темнее. Лесную полосу теперь было трудно различить, еловая панорама окончательно почернела и почти слилась с затенённым горизонтом. В таком мраке тропинка угадывалась всего на пару шагов вперед. Идя по ней, было необходимо внимательно смотреть под ноги. Тьма наплывала со всех сторон, но вдали её пронзало алое пятно — маленький домик, освещённый стеклянными фонариками. Половину пути Эрра и Лая шли молча. Девочка хотела поговорить о чём-нибудь, но в мыслях был только Гаммел. Беседа не была до конца исчерпана, у девочки было ещё много вопросов, но она опасалась ранить Лаю. Не хотелось снова видеть её слёзы, однако мысли не давали покоя.

— Ну почему вы с Гаммелом решили зачать меня? Зачем? — наконец, не выдержав, спросила Эрра.

Лая шла чуть впереди, и девочка не могла видеть, изменилась ли она в лице или нет. Впрочем, так было даже лучше.

— Вечность нам дана на мудрость, а высшая мудрость — уступить свою вечность кому-то другому, — не поворачиваясь, сказала девушка.

Эрра ожидала услышать совсем не это. Разумеется, она читала книги о мыслителе Бхаке и знала многие его мысли наизусть, однако, чтобы он там не говорил, это не имело отношения к случаю Гаммела и Лай. Очевидно, девушка просто попыталась отмахнуться от вопроса расхожими словами того самого безумца, который первым отважился на «подвиг», но Эрра была не настолько глупа, чтобы принять эти слова за ответ.

— С вашей стороны это было бы не мудро, — процедила сквозь зубы она. — Глупее не придумаешь. Я знаю, на это должны быть особые причины. Так зачем вы зачали меня?

Лая ответила не сразу. Прежде она остановилась, оглянулась на девочку, внимательно посмотрела на неё и двинулась дальше. Домик был уже близко. До ушей доносился звон покачивающихся под потолком веранды стеклянных фонариков.

— Не знаю, как объяснить тебе. Это трудно будет понять. Я и Гаммел, мы... Мы полюбили друг друга.

Эрра вопросительно подняла брови, забыв о том, что Лая на неё не смотрит. Это казалось ей чистейшим абсурдом.

— Полюбили друг друга? — переспросила она.

— Да. Поэтому мы решили зачать младенца.

Эрра пыталась понять услышанные слова, однако теперь для неё всё стало ещё более неясным, чем раньше.

— Ты была права, Лая, — понять это трудно.

Девушка пожалала плечами.

— Поэтому я и не решилась сказать тебе сразу.

Они уже почти подошли к ступенькам, но тут Эрра не без усилия стиснула ладонь Лай, призывая остановиться. Ей хотелось понять все, прежде чем они войдут в дом.

— Нет, ты мне всё же объясни, что это значит? Как так зачали из-за любви друг к другу? Это невыносимо! Зачем? Вы же знали, что это вас навсегда разлучит! Зачем вам было это делать, если вы могли всегда быть рядом? Я разлучила вас!

Лая улыбнулась в своей всегдашней манере «ничего ты не понимаешь». Но сейчас это не раздражало девочку, её переполняли другие чувства. Настолько хаотичные, что она сама не знала, какие эмоции сейчас владеют ею.

— Глупая ты, — сказала Лая. — Не вини себя. Я и Гаммел решились на зачатие, потому что очень хотели, чтобы наша любовь принесла плоды. Мы никогда не жалели о своём выборе и не сомневались, даже осознавая то, на какие жертвы придется пойти. Мы хотели сотворить маленькое чудо, подарить ему жизнь, и оба надеялись на то, что это чудо примет наш дар, признает его таковым.

Эрра переступила с ноги на ногу, тяжело вздохнула и выпустила руку Лаи. Девушка, не проронив больше ни слова, поднялась по ступенькам.

Пока Эра разжигала огонь и возилась с чайником, Лая расположилась в комнате. Уже было и не вспомнить, сколько минуло сумерек и рассветов с той поры, когда она в последний раз была в этом доме, а обстановка ничуть не изменилась. Всё та же просторная и уютная комната. Скрипучий деревянный пол, те же плотно задернутые льняные шторы на окне, разве что слегка потерявшие свой первоначальный цвет. Место для уединения и покоя. То, о чем мечтали Лая и Гаммел, когда поселились тут. Каждый предмет в этих стенах возвращал к теплым, но с примесью грусти воспоминаниям: старое кресло у закопченной печи, скатанный в валик матрас, низенький столик посреди комнаты и узкая прогнувшаяся под тяжестью книг полка на стене. Кроме как на полке, книг в комнате ещё было предостаточно. Нагроможденные высокими стопками на полу рукописи занимали почти всё свободное место у стен. Ветхие, рукописные, перечитанные десятки раз.

Эрра тоже любит читать. И как так получилось, что ей передались черты родителя, который ушел ещё до её рождения? Слово он мысленно общается с девочкой, воспитывает её. «Гаммел и сейчас здесь?!» — Лая была так взволнована собственными мыслями, что её сердце дрогнуло. Вспомнив о своем мужчине, девушка тут же почувствовала его присутствие. Часть его души не исчезла, она всё ещё в этом доме. Вот она! Стоит в углу окутанная тенью, дрожащей от пламени свечи. Совсем новенькая, как и раньше, длинная, острозаточенная. А не потеряла ли она былой блеск и грозный свист при коротком взмахе? Или только руки Гаммела могли делать её столь величественной?

Взмахом этой косы он обрушал ливни на дикие поля в знойные дни, когда сухие травы воспламенялись. Ударом лезвия о камень рождал реки в мертвых степях, чтобы дикие животные не страдали от жажды и земля, не знавшая зелени, родила первые побеги. Девушка приблизилась и слегка провела рукой по холодному загнутому вниз лезвию косы. Теперь эта огромная разрушительная и созидательная мощь принадлежит Эрре.

— Что ты делаешь? — спросила девочка.

Лая обернулась. В дверях стояла Эрра с подносом в руках.

— Просто давно не видела косу. Где ты её прятала?

— На чердаке. Но теперь, думаю, ей не место там.

Лая кивнула.

— Научилась ей владеть?

— Не так, как это делал Гаммел. Он создал этот край. А что мне остается? Только поддерживать его жизнь. Это совсем несложно.

Эрра поставила поднос на стол и разлила чай по глиняным кружкам. Лая, подобрав ноги под себя, уселась на ковер перед столиком, намеренно отвернувшись от угла, где стояло кося. Ей не хотелось ворошить прошлое слишком долго, она знала, к чему это приводит.

— Так создай уголок. Что тебе мешает? В моих краях есть мертвое озеро. Мне, наверное, не по силам его оживить, а ты сможешь сделать так, что в нем заплещется рыба, — девушка потянула воздух, пытаясь уловить аромат жасмина, но комнату наполнял лишь маслянистый запах воска.

— Не хочу. Это сделают и без меня, — уныло ответила Эрра.

— Подумать только, какая горделивая. А что, по твоему, одной тебе по силам?

— Я не в том смысле. Будь у меня шанс, я бы не творила совершенство, а разрушала несовершенство... И не тут... Ты ведь знаешь о существовании ужасных темных миров? Вот бы где пригодилась эта мощь, но не у нас.

Лая, похоже, не воспринимала болтовню Эрры всерьез. Она только и делала, что подносила кружку к лицу и втягивала ноздрями клубы пара.

— В следующий раз я принесу тебе свежий жасмин, — сказала девушка, сделав небольшой плоток. — Там, за рекой, есть целый жасминовый сад, он всегда цветет, и аромат его сладчайший.

Эрра нахмурилась, с обидой осознавая то, что Лаю куда больше заботит чай, а не её рассуждения, и решила больше ничего не говорить.

— Что ты всё молчишь? Ты ведь хочешь что-то сказать? — закончив хлюпать чаем, спросила Лая. — Ты хочешь поговорить о Гаммеле? Верно?

Девушка поставила пустую кружку на стол.

Эрра к своей так и не притронулась. Она сидела неподвижно, низко склонив голову, и в остывающем чае отражались её грустные глаза.

— Как ты думаешь, он ещё там? — с трудом выдавила из себя девочка.

— Что? Не понимаю.

— Думаешь, с ним уже случилась смерть?

Лая пристально взглянула на девочку.

— Нет. Я уверена, он ещё жив.

— Откуда ты знаешь?

— Просто эти твои любимые птицы всё ещё обитают в этих краях, — поморщилась Лая.

— А причем тут они? — удивилась Эрра.

— Кондоры прилетают с гор, а они там обычно не водятся. Думается мне, они дожидаются его смерти...

— Зачем?

— Чтобы сожрать его мертвое тело! Вот зачем! А потом уберутся восвояси — в свою Сквозную Дыру... Или откуда вылетает эта гадость?

Лая помрачнела, и её лицо стало строгим, чувствовалось, что ей не хочется больше говорить об этом. Однако Эрра была так шокирована, что не могла не переспросить.

— Seriously? — ошеломленно ахнула она. — Они здесь для того, чтобы съесть Гаммела?

— Да, но после того, как он умрет.

Девочка представила человека, лежащего на голой земле. Светло-русые волосы, вытянутое лицо, широкие плечи, могучие мышцы, угадывающиеся под серым балахоном. Эрра не знала, как выглядит Гаммел, но всегда представляла его именно так. Глаза его закрыты, будто он спит. Раздается хлопанье крыльев, и на грудь человеку садится громадная птица. Она топчется на нем, царапает кожу на груди когтями, но человек по-прежнему безмятежен. Черная птица долго вглядывается в неподвижное лицо, словно проверяя,

случилась ли с ним смерть или он просто дремлет, а за тем с размаху вонзает свой крючковатый клюв в глаз мужчины.

Думая об этом, девочка скривилась. Теперь мысли о кондорах вызывали щекочущее омерзение, а к горлу подступало тягостное ощущение тошноты. Сможет ли она когда-нибудь снова любоваться этими птицами, узнав всё это?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Об этом не говорилось в книгах, которые я читала, — угрюмо сказала Эрра.

— Ох, не нужно было тебе рассказывать о кондорах, ты вся побледнела. Не думай об этом. Знаешь, Гаммел не считал этих птиц плохими, он говорил, что они приносят пользу, избавляя землю от мертвой плоти и освобождая место для новой жизни, — попыталась подбодрить Лая.

Девочка фыркнула и перевела задумчивый взгляд на задернутое шторами окно.

— Значит, они его съедят...

Наконец, она взяла свою кружку и сделала глоток. Ей хотелось промыть горло после столь неприятных слов. Чай успел стать холодным, и его аромат стал ещё тоньше.

— Останешься у меня до рассвета? — немного погодя спросила Эрра.

— С радостью. Я так устала, мне бы хотелось поспать, — выразительно зевая, ответила Лая.

В самом деле, уже давно надо было подумать о сне. Девочка отодвинула столик к стене, подтащила свернутый матрас на середину комнаты и расстелила его на полу. Лая убрала пустые кружки.

Вскоре вокруг всё затихло, смолк и треск задутых свечей. Дом погрузился в непроницаемый мрак, и, казалось, весь мир растворился в этой крошечной тьме и тишине, изредка нарушаемой далеким стрекотанием полевых сверчков.

Лая легла на бок рядом с девочкой, прижавшись к её спине так близко, что Эрра могла чувствовать на шее её дыхание. Мягкая рука обняла девочку под грудью. Стало тепло и спокойно. Никогда раньше она не ощущала себя так уютно. словно она и Лая слились воедино, как это было до рождения. Вот только сон никак не шел. На душе было спокойно, а комок мыслей в голове рос всё больше и больше, вытесняя желание спать.

— И что ты всё вздыхаешь? — очень тихо и сонно спросила Лая. — Никак задумала что-то?

— Я пойду в горы. Мне нужно увидеться с Гаммелом, — так же тихо ответила Эрра. — Он ведь направился в горы?

— Думаешь, он ждет тебя?

— Думаю, да.

— Считаешь, он хочет, чтобы ты его отыскала?

— Да.

На самом деле Эрра не думала об этом, но Лая, очевидно, была права.

— Ясно, — кратко ответила та и больше не сказала ни слова.

Судя по тому, как девушка часто засопела носом, она, скорее всего, едва договорив, провалилась в сон.

Тут и Эрра почувствовала себя безумно уставшей. Настолько уставшей, что даже мысли казались слишком тяжелым грузом. Отбросив их, девочка стала медленно погружаться в темный омут. Тело её обмякло. Умолкло пение полевых сверчков.

***

Минуло много рассветов и сумерек, прежде чем Эрра собралась в дорогу. Долго девочка не могла пересилить себя, заставить сдвинуться с места. Страх и нерешительность мешали ей. Но забыть о своей цели она не могла.

В полном одиночестве девочка сидела дома с полным отсутствием интереса к чему-либо. Раньше она могла читать до изнурения, теперь же не была способна прочесть и пары книжных страниц. Не хотелось больше выходить в поле полюбоваться кондорами, отныне и далекие крики их не вызывали ничего кроме раздражения. Иногда Эрра так сильно гневалась на птиц, что хватала косу и гремела молниями в облаках, чтобы те убились туда, откуда прилетели. И даже сна девочка лишилась.

За что ни возьмись, куда ни взгляни, всюду виделся никогда неизвестный ей родитель. Каждый предмет, каждая перемена, будь то свет или тень, наводили на мысли о нем. Ничего не осталось, была лишь несокрушимая темная гора дум, на вершине которой вырисовывались смазанные очертания Гаммела, окутанные туманными суждениями.

Бессонными сумерками Эрра разжигала печь и подолгу сидела перед ней, уставив взгляд на огонь. Вместе с треском горящей древесины иногда ей чудилось, будто она слышит шепот. Не то капли, скопившиеся от испарений, падая, шипели на раскаленных углях, не то и вправду шептал родитель, засев глубоко в печальных мыслях. Девочка прислушивалась, но не могла разобрать бессмысленных слов, чувствовала только, что голос полон отчаянья и тоски, будто хотел рассказать о том, что дни его сочтены и времени осталось немного.

Эрра никогда не задумывалась о времени и не знала, что его можно терять даром. Что минута для вечных? И что столетие в бесконечном пути? Она и не считала, сколько раз наступали сумерки с той поры, когда она пообещала навестить Гаммела. Но однажды девочка всё-таки решилась.

Толкнул её вовсе не порыв, и это не было результатом долгих раздумий. Просто как-то раз, проснувшись утром, поняла, что пора собираться в дорогу. В окно ещё только-только пробивался рассвет, угли в погасшем камине ещё тлели и дышали сухим жаром.

Ни о чем не думая, словно подчиняясь инстинктам, девочка собрала в мешок всё, что необходимо в долгом походе: наполнила водой флягу, запаслась хлебом и взяла с собой веревку. Вдруг пригодится в горах. И, конечно же, не забыла о своей косе. Без неё в долгом пути обойтись невозможно. Эрра надела серую мантию с капюшоном, сотканную из плотного льна. На улице стояла теплая погода, но она была наслышана о промозглом холоде на вершинах. О горных ветрах, чья сила способна сбросить со скалы даже самого сильного мужчину.

Перед тем как покинуть дом, Эрра оглядела комнату. В утреннем полумраке всё казалось таким унылым и печальным. С тех пор, как девочка поселилась здесь, она ни разу надолго не оставляла своё жилище, потому и была встревожена. Что, если ветер разобьет окна? Вдруг крыша прохудится и дождь зальёт полы? Никто теперь не сможет позаботиться об этом месте.

Девочке стало грустно, как только её посетила странная мысль о том, что будет, если она больше никогда сюда не вернется. Как печально и бессмысленно будет выглядеть дом, в котором никто не живет. «Но я ведь вернусь сюда», — мысленно пообещала Эрра, но чувство, что она видит свой дом в последний раз, не покинуло её.

Девочка и не предполагала, что путь окажется таким неблизким. Когда она глядела на горизонт из окон своего дома, вершины гор выглядели маленькими, казалось, что до них подать рукой. Стоит только пройти через поле, пересечь подвесной мост над узкой

речушкой на другой берег, куда Эрра никогда не ступала, и вот они! Однако оказалось, что её представления далеки от реальности. За рекой оказался редкий лесок, за лесом необъятное поле.

Небо уже давно прояснилось, став слепяще-голубым. Над полевыми травами потоками струился знойный воздух. Казалось, плотная ткань мантии стала тяжелее раза в два, тело под ней взмокло от жары. Ноги налились свинцом и едва приминали непротоптанную траву, но горы вдаль по-прежнему оставались маленькими, а их подножья всё ещё утопали за линией горизонта.

За день пути Эрра не встретила ни одной живой души, даже птицы в небе не летали. Слово весь мир стал пуст и превратился в бесконечное поле. Почувствовав себя ужасно одинокой, девочка принялась разговаривать сама с собой, но и это ей вскоре надоело.

— Ох, как же долго, — жаловалась она сама себе, делая шаг за шагом, и постоянно поглядывала вперед на самую высокую вершину, боясь отклониться от курса.

Вдалеке из зеленого моря трав вынырнули верхушки деревьев. Эрра обрадовалась, увидев хоть какое-то изменение в однообразной картине. Даже подумала, что это знак того, что она ещё на шаг приблизилась к своей цели. Небо темнело, а сплошная стена леса была ещё впереди. Усталость начала пересиливать напористость, и Эрра замедлила шаг. Так и брела лениво, пока ноги сами не подкосились. Девочка рухнула в траву и мгновенно заснула.

С пришествием темноты удушающий зной превратился в холод. Девочка очнулась в сырой траве от собственной дрожи. Руки и ноги едва шевелились, словно примерзли к земле. Опираясь на косу, как на клюку, Эрра поднялась на ноги, огляделась вокруг. Исчезло поле, стерся горизонт, далекие горы и близкие верхушки деревьев растворились в темноте. Не стало огромного мира, всё вокруг поглотила тьма.

«Куда идти? В какую сторону я двигалась?» — взволновано думала девочка, метая взгляд по сторонам. Ничего. Лишь холод и чернота. Слово провалившись в сон, Эрра так и не вынырнула из темной бездны. Но стоять на месте было нельзя, иначе придется мучиться от холода до самого рассвета. Оглядевшись ещё раз, девочка решила идти наугад, прислушиваясь к шуму ветра в ветвях деревьев и стрекоту ночных птиц. Там впереди должен быть лес. Онемевшие со сна ноги постепенно расхаживались, глаза привыкали к темноте, однако разглядеть что-то дальше чем на несколько шагов было невозможно. Наконец, добравшись до леса, девочка снова оказалась в крошечной тьме. Продолжать путь было трудно, ноги то и дело спотыкались о кочки и корни деревьев. В очередной раз запутавшись в кусте, Эрра решила остановиться. Спать ей больше не хотелось, но и сидеть в потемках до самого рассвета без дела — не самое лучшее занятие.

Сколько предстоит сидеть вот так, обняв руками колени, прежде чем небо начнет светлеть? Да ещё и это примитивное чувство — страх — закралось под кожу. Казалось бы, чего бояться в темном лесу? Вокруг только деревья, зверьё да птицы. Но сознание не терпело непроглядного мрака и рисовало жуткие картины. Эрре мерещились движущиеся тени и не характерные для лесов звуки. Даже ветер теперь казался прерывистым дыханием чужеродных существ. Грезилось, будто совсем рядом медленно передвигаются мохнатые лапы тех самых огромных черных пауков. Они шелестят сухими листьями, задевая раздутым брюхом землю, роняют капли черного яда и судорожно заглатывают воздух. Обычные пауки не дышат, но эти — не простые насекомые, иначе бы они не были такими огромными... А вдруг эти жуткие твари и вправду здесь? Выползли из Сквозной Дыры и затаились в лесах, отравляя всё вокруг и сея пустоту. Что если они способны умертвить не только животное, но

и человека?

Эрра сама удивлялась, как на неё действует темнота, даже эти глупые сказки казались страшными и не казались теперь такими уж необычными.

Устав терпеть медленное течение времени, девочка на ощупь отыскивала сухой ствол мертвого дерева. Древесина осыпалась и оставляла на ладонях пепел. Некогда этот дуб поразила молния, из-за чего мог случиться пожар, но вокруг растительность не погибла, кто-то вовремя остановил пламя, значит, у леса есть покровитель.

— Ты мнегодишься, — улыбнулась девочка и с силой ударила лезвием косы по стволу.

Мертвый дуб охнул пустотой, и вокруг разлетелись слепящие искры. Эрра впервые пыталась вызвать огонь с помощью своего оружия, и пришлось повозиться, прежде чем оранжевые язычки заплясали на почерневшем стволе. Собрав с земли сухие ветви, девочка сложила небольшой костер. Её привыкшим к темноте глазам маленький огонек казался ярким, как полуденное небо. Эрра уселась поближе, вытянув вперед озябшие руки. Маленький огонь мгновенно рассеял прохладный мрак в душе. «Нет тут никаких пауков и быть не может», — радовалась девочка, подкидывая в огонь ветки.

Ветер больше не казался ей страшными вздохами, а мохнатые лапы при свете костра оказались всего лишь толстыми дубовыми ветками. Никаких чудовищ рядом не было, только любопытная саблезубая кошка бродила рядом, шаркая по кустам, то и дело с опаской поглядывая на девочку.

Лохматая, грозная, но осторожная. С людьми редкий зверь, судя по поведению, был знаком, а вот огня боялся.

Горы становились ближе, их очертания уже были отчетливыми: стали различимыми веерообразные подножья, густо поросшие зелеными травами, выше виднелись хребты, величественные бугры и крутые обрывы, а на туманных вершинах уже белел снег. Но Эрра давно перестала обращать внимание на всё это. Вера в то, что однажды цель будет достигнута, потерялась в долгом пути, точно так же, как и то, что осталось позади. Теперь существовала только дорога, жаркий свет и холодная тьма, усталость и жажда.

Девочка уже стала забывать, что раньше было по-другому. Воспоминания о родном доме стали расплывчатыми, какими были раньше эти проклятые горы впереди. Но вместе с этими воспоминаниями пропала и мучительная тоска по прошлому, от чего двигаться к цели стало значительно легче. Если в начале пути Эрра постоянно жалела себя за всё, что приходилось терпеть, то теперь она начала привыкать к трудностям. Все тяготы нелегкой дороги стали привычными и сносными.

Экономя запасы хлеба, девочка питалась ягодами, которые находила в лесах. Если на пути долго не попадался водоем, приходилось наполнять флягу росой, собирая её по каплям. Девочка боролась с соблазном пустить в ход косу и создать свой источник, сомневаясь, стоит ли вносить свои мазки в уже созданную кем-то картину.

Засветло Эрра старалась пройти как можно больше, а с наступлением темноты разводила костер и засыпала рядом с ним. Не мало таких костров сгорело, не раз приходилось терпеть голод и жажду, пересекая поля, минуя степи, пробираясь сквозь чащу лесов.

И вот, наконец, однажды на рассвете, поднявшись на небольшой холм, девочка увидела впереди прозрачный ручей, сразу за которым дорога становилась круче и, уходя вверх, срасталась с подошвой склона. Нижняя часть была густо покрыта травами, мхом и

всевозможными кустарниками, выше растительности становилось всё меньше, и где-то очень высоко виднелись лишь отдельные зеленые участки, остальное пространство занимали серые камни да сухая земля.

Узрев эту живописную картину, Эрра с радостью поняла, что уже стоит на предгорье той самой горы, на вершине которой находится скромная лачужка её родителя. Глядя снизу вверх, её невозможно было разглядеть, однако девочка была уверена, что она там — на самом верху, среди снегов и редкой поросли, где вершина упирается в светлеющее небо, задевает белоснежным острием облака, отчего они принимают столь причудливые формы.

Спустившись к ручью, Эрра наполнила флягу и утолила утреннюю жажду. Вода из горного ручья была чистой, слегка солоноватой и такой холодной, что ударила тяжелой болью в затылок.

В то утро душа девочки трепетала. Все пережитые трудности теперь выглядели мелкими, незначительными, да и предстоящий путь в гору, казалось, будет скорее увлекательным, чем трудным. Ослепленной радостью девочке любое испытание виделось пустяком. Она была готова тут же сорваться с места и бежать вверх без остановки пока не достигнет высшей точки горы. Но предвкушения оказались ложными. Путь в гору оказался весьма непростым. Энтузиазм исчез, как только подъем стал круче. Идти стало труднее, привязанные к спине коса и мешок словно стали тяжелее и тянули вниз.

Но и это было только началом. Вскоре подъем сталещё круче. Передвигаться на двух ногах стало почти невозможно, приходилось карабкаться, помогая руками. Не раз Эрра едва не скатывалась вниз, ухватившись рукой за шаткий камень или хрупкий уступ, который тут же осыпался. Пока это не было серьезным препятствием, но девочку беспокоила мысль: что если подъем станет совсем вертикальным? Падения в таком случае будет не избежать.

Отдыхать девочка старалась как можно реже, чтобы не потерять упорства, однако каждый новый привал затягивался, силы восстанавливались очень медленно, а таяли также быстро, как и холодный пот со лба.

Небо всё ещё оставалось ярким, но воздух вдруг перестал быть влажным, исчезла жара, и сверху на девочку обрушилось ледяное дыхание ветра. Холодный поток буквально пронзил худое тело насквозь, словно пролетел сквозь ситцевую тряпку. За ним пронесся ещё один порыв, посильнее прошлого. Ветер сорвал капюшон с головы и встрепал мантию так, что шнурки на груди едва не развязались. Только в этот момент Эрра заметила, какой твердой и холодной стала земля. Немного выше поверхность горы выровнялась. Теперь можно было подниматься, выпрямившись в полный рост.

Шло время. Ветра усилились, холод ощущался всем телом, а изо рта струился прозрачный пар. Впереди, чуть выше, поверхность застилала слепящая белизна. Ступив на неё, девочка удивилась скрипучему хрусту под ногами. В тех краях, где она жила, всегда было тепло и никогда раньше видеть снег ей не приходилось. Но Эрра знала о том, что снег — это замороженная вода. Опустившись голыми коленями на белый покров, девочка стала растирать щеки рыхлой холодной массой, пробовать её на вкус языком. Снег причудливо щипал и колот лицо. Это новое ощущение оказалось не самым приятным. Сидя в снегу, Эрра впервые за весь путь оглянулась назад и посмотрела вниз. Вид сверху захватывал дух. Это было поистине впечатляющее зрелище.

Ручеёк у подножья уже и не разглядеть, зато внизу на зеленом полотне отчетливо различались лес, поля, холмы, снова лесные полосы, степи — всё такое маленькое, словно вовсе и не огромные просторы, а наросты мха на гладком камне. Весь тот долгий путь, что

пришлось пройти, был как на ладони. Глядя вниз, девочка удивлялась тому, как высоко она забралась, но вершина горы оставалась также высоко.

Смеркалось. Воздух стал насыщенным и пьянящим. Исчезли мысли. Разум опустел, и ничего больше не тревожило. Образ Гаммела стерся из сознания, не беспокоили ни голод, ни жажда. Всё смерзлось и покрылось ледяной коркой. Девочка брела вверх будто сама по себе, ступая на везде одинаковый синий снег. Замершие пальцы сжимали в руках косу. На её рукоятку Эрра наваливалась всем телом, теперь эта опора была куда надежнее, чем собственные онемевшие ноги. Едва не падая, девочка делала шаг за шагом, еле-еле сопротивляясь встречному ветру. Каждое движение давалось нелегко, тело сковывал то ли холод, то ли потеря сил. Слипались глаза, но девочка всеми способами старалась противостоять нападающему сну. Даже растирала и без того замершее лицо снегом. Обессиленное тело требовало отдыха, но нельзя было спать в этом месте. Девочке думалось, что уснувший в снегах не сможет проснуться сам. Это, конечно, были всего лишь предположения. Но стоит ли проверять их правоту, зная, что никто не придет, никто не разбудит? Что тогда? Лежать тут вечно присыпанной снегом, вечно видеть один сон о холоде и одиночестве?

«Сколько здесь таких замерших, спящих под толщами льда?» — задалась вопросом Эрра и тут же пожалела о том, что взялась рассуждать. Теперь ей всюду виделись очертания замерших тел в высоких сугробах.

Маленькая переливающаяся точка вспыхнула в сплошной синеве. Девочка зажмурилась и снова открыла глаза, с трудом разлепив оледеневшие ресницы. Видение не исчезло. «Огонь! — подумала она. — Неужели огонь? Тепло!». Уронив мешок, девочка из последних сил рванулась к мерцающей точке. Языки пламени становились все различимее, всё ближе. Онемевшее тело, предвкушая тепло, задрожало сильнее. Скорее бы к огню! К теплу! К свету! Ноги ступили на оттаявшую вокруг костра землю и тут же подкосились. Девочка упала чуть ли не в самое пламя. Ощущение тепла было слабым и казалось странным, чуждым её телу. Чьи-то тонкие руки сзади обхватили её талию и немного оттащили от костра. Эрра была не в силах даже повернуть головы. Языки пламени слились в единое яркое пятно, треск его затихал. «Да нет тут никакого огня! Откуда бы ему взяться? Мираж! Нельзя засыпать, нельзя!» — пронеслось в голове, но сопротивляться сну не было мочи. Отчаянье сменилось безразличием, и безвольное тело потянуло на теплое дно.

Сквозь веки светились ярко-красные мерцающие пятна. В ушах гудел шум огня. Как здорово было снова почувствовать каждую свою мышцу. Просто шевельнуть пальцами рук, согнуть ноги в коленях, открыть глаза...

Эрра очнулась на том же месте, завернутая в теплое одеяло, рядом с костром. Только теперь пламя стало куда больше и сильнее, чем прежде. Вокруг простиралась сплошная синева. словно помимо этого маленького, светлого кусочка земли ничего больше не существовало, он будто висел в бесконечной синей пустоте.

Девочка была тут не одна. Она чувствовала это. Эрра приподнялась, стараясь удержать одеяло на плечах. И впрямь, по ту сторону огня виднелась человеческая фигура. Дыхание вдруг перехватило. Никогда раньше девочка не видела настолько ужасного создания: белые спутанные пряди длинных волос падали на сморщенный лоб, маленькие глубоко посаженные глаза казались туманными и безжизненными. Под ними — темные круги и сеточки морщин. Нос большой, покрытый широкими порами, словно зрелый лимон. Сухие и тонкие губы, казалось, что-то шептали, но тихие слова заглушал шум огня. Человек был одет, точнее,

обязан старыми выцветшими тряпками, места не скрывавшими его худощавого дряблого тела. И человек ли это?! Не один ли из тех звероподобных существ, подражающих людям, о которых ходят толки? Тоже ведь сказки всё это, но до чего похож!

— Благодарю Вас, — робко сказала Эрра, готовясь вскочить и поклониться ужасному человеку.

— Лежи, не вставай, — просипел человек, едва шевеля губами.

— Моё почтение, — проговорила Эрра.

Каждое слово из её уст звучало непривычно для собственных ушей после столь долгого молчания. Избегая взгляда человека у костра, девочка уставилась в темноту, где чернели очертания хижины.

— Всё-таки пришла, — хмуро сказал человек.

— Я ищу своего родителя. Скажите, здесь в горах живет ещё кто-нибудь?

Ужасный человек поморщился. Его лицо дрогнуло. Складки морщин сжались, став ещё более глубокими.

— Здесь больше никого нет. Я один.

Эрра догадалась, куда клонит человек, но не могла поверить в то, что этот лишенный силы и красоты тот единственный, кто может находиться в этом месте — её родитель. Гаммел!

— Хорошо, что ты пришла. Думал, не дождусь, — с усилием выговорил человек.

Девочка поглядела в его глаза, пытаясь уловить эмоции, но его остекленевший взгляд был неуловим, лицо ничего не выражало. Словно это было и не лицо вовсе, а выточенная из дерева маска.

— Гаммел.

Эрра колебалась. Она не могла до конца поверить, что перед ней тот, кого она искала.

— Ты так удивлена тому, как я выгляжу? Я не всегда был таким, это со мной сделало время. Я состарился. Знаю, для тебя это непривычно. Правда?

— Да, я никогда не видела ничего подобного, — ответила девочка, на самом деле собираясь сказать, что не видела ничего ужаснее. — Ты знал, что я приду?

Гаммел выразительно кивнул, однако отсутствие эмоций на его лице мешало безоговорочно принять этот жест как согласие.

— Давай войдем в дом, — предложил старик.

Не задумываясь, Эрра поднялась на ноги. Человек, сидящий напротив, тоже встал, но с большим усилием. Поднимаясь на ноги, он кряхтел и охал, словно каждое движение причиняло ему боль. Девочка не переставала удивляться, как это хрупкое создание сумело собрать дрова и развести огонь. Каких усилий ему это стоило? Разве эти худые руки могли раньше держать грозное оружие? Проклятие родителя и впрямь страшная сила, раз имеет способность разрушить несокрушимое.

Гаммел нырнул в темноту. Захрустел снег, затем раздался скрип несмазанных петель, во мраке замерцал огонек, освобождая из тьмы очертания дубовой двери. Сгорбленный человек, уже стоявший в прямоугольнике света, махнул рукой, зовя за собой.

Эрра послушно поплелась к дверям хижины. Внутри оказалось довольно тесно. Всего лишь маленький закуток с деревянным полом и низким потолком. Небольшая закопченная печь, чьего бесстрастного огонька вполне хватало для того, чтобы освещать и поддерживать тепло в этих стенах. Ни одного предмета мебели, только рядом с печью настил из сухой травы, выполняющий роль кровати. Единственное за что зацеплялся глаз, так это необычный

круглый предмет на стене почти под самым потолком. Большой серебряный диск с высеченными по краям делениями и непонятными знаками. На пластине прикрепленные к центру располагались три металлические стрелки разной длины. Один из стержней, самый длинный, непрерывно полз по кругу, перескакивая с одного деления на другое. Два остальных стержня, тот, что покороче и совсем короткий, казалось, были неподвижными и указывали на два разных знака вверху круга.

Необычный предмет издавал техничные звуки при каждом движении длинного стержня. Звук, похожий на капли воды, срывающиеся с потолка друг за другом, и еле слышный скрип пружины где-то внутри устройства. Очевидно, это был какой-то рукотворный механизм, но сколько девочка ни разглядывала его, сколько ни следила взглядом за скользящим стержнем, так и не могла понять его смысла.

— Занятная вещица, правда? — сказал Гаммел.

— А что это? — не отрывая взгляда от серебряного диска, спросила Эрра.

Ей вдруг показалось, что средний по размерам стержень едва заметно шевельнулся и чуть отделился от знака, на который указывал.

— Механизм измерения времени. Часы, минуты, секунды... Вечность, раздробленная на крупинцы. Все события и процессы происходят внутри времени: рассветы и наступление темноты, цветение деревьев, созревание плодов. Всё подчинено этой направленной силе.

Девочка захлопала глазами. Ничем больше ответить на эти слова не могла, она по-прежнему была в замешательстве. Не так она представляла себе эту встречу. Хотя и не размышляла, как всё произойдет, однако никак не ожидала увидеть Гаммела таким. Разве может человек вот так почерстветь, иссохнуть, одрябнуть, подобно животному?

— Вы так мало знаете о времени, а все потому, что вы вечны, — продолжал бормотать старик. — Никто там внизу не стареет и не умирает. Вы не нуждаетесь во времени, вам незачем знать его цену. А мой срок теперь ограничен. Каждый рассвет, любое дуновение ветра, каждый вздох приближает меня к концу. Время несет меня в одну сторону, и вот-вот мой путь закончится.

Эрра присела на пол напротив старика. В это мгновение она осознала, какая зловещая атмосфера царит в этой хижине: тьма, одиночество, закопченные стены и этот беспощадный прибор под потолком как навязчивая память о приближающемся конце. От этого девочке стало неудобно.

— Как давно я не видел свою косу, — не умолкал Гаммел. — А, нет, теперь же это твоя коса... Тебя я тоже очень рад видеть. Я мечтал об этом каждый проведенный здесь день. Скажи, как тебя зовут?

— Эрра, — только и ответила девочка.

— Вот и познакомились... Чудесное имя.

Старик снова поднялся, хромая подошел к печи и вынул из затемненного угла две деревянные кружки. Затем наклонился за блестящим кувшином и разлил по кружкам что-то черное и густоватое. На вкус горячая жидкость оказалась горькой и терпкой, но девочка с удовольствием глотала её, очень уж давно не пила горячих напитков.

— Это ужасно, — наконец сказала она, горькое варево будто взбодрило её и развязало язык. — Я поверить не могу, что ты и есть мой родитель. Почему? Зачем ты отдал свою вечность мне?! Теперь я вижу, насколько это большая жертва.

— Таков закон природы. Мужчина должен распрощаться с вечностью навсегда ради своего ребенка, — ответил Гаммел всё тем же монотонным голосом без единой нотки

эмоций.

А вот Эрра напряглась. Её одолели жалость и раскаянье. Гаммел казался ей беспомощной жертвой. С другой стороны, девочка негодовала от того, что виноватой в случившемся ей пришлось стать не по собственной воле.

— Это не справедливо! Как ты и Лая могли так поступить, не зная, буду ли согласна я?! Вы всё решали вдвоем! А разве я не могу иметь своего выбора?! Да я бы ни за что не согласилась появиться на свет, зная, что с моим родителем случиться такое! — вспыхнула Эрра.

— Лая, — тихо повторил Гаммел, и его голос, наконец, приобрел легкий оттенок нежности. — Вы с ней видите?

— Видимся, — девочка немного остыла, заметив, что старик, похоже, ничуть не жалеет о том, что сделал.

— Лая любила цветы... У неё был луг, где она собрала все существующие на свете цветущие растения. Это был прекрасный луг. Впервые я встретил её там... Как она любила то место, как гордилась им, да она была им одержима!

— И за это ты полюбил её? — с любопытством поинтересовалась Эрра. Лая никогда ей не рассказывала о том, как она познакомилась с Гаммелом.

— Нет, я проклинал этот луг. Лая не считала ничего более важным, чем свои цветы и ничего за ними не видела. Гордилась, что только у нее одной есть эта прелестная коллекция. Но мой покой эта девушка забрала не потому, что мнила себя королевой цветов... Лая ещё выращивала лён. Это ведь не женское занятие. Ты когда-нибудь поднимала ведро с посевным зерном? Оно очень тяжелое! Разве Лаю это останавливало? Нет. Она с таким усердием ухаживала за своим льняным полем! А как умело работала своим серпом!.. Это платье ведь она тебе сшила?

Эрра кивнула и одернула перепачканную юбку. И вправду хорошее платье. Надо же было его так износить во время долгой дороги! Совсем не берегла, а ведь ничего больше от Лаи у неё не осталось.

— Ох, эти цветы. Ничего кроме них Лая не замечала, даже моих чувств. Я часто к ней приходил и мог только мечтать о том, чтобы однажды она с такой же нежностью посмотрела на меня.

Голос старика был грустным, но при этом он улыбался, а глаза его совсем помутнели, будто он перенесся в далекое прошлое и перед ним сейчас был тот самый цветущий луг и Лая. Такая холодная и неприступная.

— И как же ты покоришь её сердце? — спросила Эрра.

— Это произошло не сразу. Я стал приходиться так часто, что, в конце концов, ей надоело. И тогда девушка твердо сказала мне: «Я стану твоей, только если ты принесешь мне цветок, которого нет на моём лугу», — старик было расхохотался, но вдруг тяжело закашлялся и в глубоких глазах блеснули слезы. — Я, должно быть, обезумел, но эти слова подарили мне надежду. Хотел во что бы то ни стало получить Лаю, поэтому и отправился на поиски. Не все ли я земли облазил в поисках того самого цветка? Но ни северная смолевка, ни тропическая орхидея её не удивляли. Как она надменно смеялась. Никто раньше так надменной не издевался! Тщетны были мои старания. Не было на всем свете таких цветов, что не знал её луг. Лая потратила на их поиски целую вечность.

— Вот уж не думала, что Лая была такой. Она никогда не говорила о своих цветах, только о тебе, — удивленно сказала Эрра. — И что же ты сделал?

— Нечто безумное! Она и представить такого не могла, да и я от себя не ожидал. Я был разъярен и взбешен. Ох, как я ревновал Лаю к её лугу! И я разорил его! Махал косой, пока ни одного цветка не осталось, а затем принес Лае простую полевую ромашку со словами «Ну что, теперь ты моя?».

— И она тебе это простила?

— Она и не думала сердиться.

Девочка улыбнулась. Сумасшествием казались ей поступки родителей, но было в этой истории что-то прекрасное.

— Ну, а теперь ты мне расскажи, что заставило тебя подняться в горы?

Неужели просто хотела меня проведать? — старик снова поднялся, преодолевая боль, и устроился у печи.

— И за этим тоже. Мне хотелось тебя увидеть, — ответила Эрра.

Гаммел завалился на настил сена:

— Я полежу, сидеть уже нет мочи.

Эрра заметила, как тонкая сухая рука пытается нашарить в темном углу старое шерстяное одеяло, и поспешила на помощь. Девочке было жаль старика, она закутала его в одеяло и накрыла сверху своей мантией, а он, не отрываясь, смотрел на неё, словно размышляя: не сон ли это?

— Не знаю, почему я хочу спросить у тебя, но мне кажется, что только ты сможешь указать мне путь, — начала Эрра. — С тех пор как впервые коснулась твоей косы, я стала чувствовать присутствие существ... Сначала думала, чудится мне все это, и не обращала внимания. На глаза они не попадались, но ходили по моему дому, скрипели ставнями, шуршали страницами, листая мои книги, а однажды одно из них со мной заговорило. Стало шептать из кухни так тихо, что я едва понимала...

— Духи, — спокойно сказал старик. — Это всё твоя коса...

— Духи, — повторила Эрра. — Так вот, я узнала о том, что существуют и другие миры. Настолько ужасные, что от одних рассказав мне стало страшно. Есть во Вселенной места, где живут слабые люди и творятся немыслимые вещи... Слышал ли ты о Земле?

Старик ничего не ответил, лишь тяжело дышал, и горло его свистело.

— Я не могу спокойно жить, зная, что где-то творятся непостижимые уму ужасы. Здесь спокойно и легко, а там властвует смерть. Там, на Земле, нужна моя коса. Не здесь! — Эрра вдруг сама смутилась от собственных слов.

Множество раз она думала о том, как расскажет о своих намерениях, сама себе подолгу говорила, сочиняя убедительный рассказ, а тут открыла рот — и вышло так глупо и коротко.

— Земля, — выдохнул старик. — Ты сказала Лае?

— Нет, она бы стала меня отговаривать, — ответила девочка. На самом деле она думала, что и Гаммел начнет отговаривать её, ну, или хотя бы спросит: «Зачем? Какое тебе дело до других миров?» или «Как ты собираешься что-нибудь изменить?», а старик лишь печально взглянул на Эрру и опустил легкую, как пух, ладонь ей на плечо.

— Ох, нелегкую дорогу ты себе выбрала, но это твоя дорога, — сказал он.

— Так ты знаешь, как попасть туда?

— А когда ты туда собираешься уйти? Прямо сейчас?

Эрра отвернулась.

В печи догорали последние головешки. Девочка поднялась с пола и побрела за вязанкой дров, что покоилась у двери.

— Не сейчас, — мрачно ответила она, стараясь не смотреть на Гаммела. — Я уйду не раньше, чем уйдешь ты... Одного умирать я тебя не оставлю.

Старик закрыл глаза.

— Тогда не торопись, у меня ещё есть немного времени. Я укажу тебе дорогу... Эрра, ты ещё и не знаешь, какой долгий и трудный путь тебя ждет, — просипел Гаммел и мгновенно уснул.

Стараясь не шуметь, девочка подтащила вязанку к печи. Огонь снова разгорелся, стало теплее, и лицо спящего старика казалось умиротворенным.

***

Ветер менялся часто, но всегда одинаково. Сначала упруго дул в спину сплошным порывом в несколько мгновений, а затем, будто возвращаясь, бил в лицо, но уже сухой и горячий. Будто эта распроклятая Сквозная Дыра, которой на горизонте ещё и в помине не было, редко дышит, расширяясь и сужаясь, вдыхая свежий воздух и выдыхая раскаленный газ. Небо здесь никогда не темнело, вечно стояло полуденное пекло, от которого нельзя было спрятаться в тени. А всё, потому что в этой пустыне не было ни одной, даже самой бледной тени. Откуда им тут взяться? Ни деревьев, ни кустов, даже холмов на этой плешиной глади нет. Только голая земля под ногами. Хотя какая это земля? Была бы землёй, а то так — серая, пыльная, как камень, твердая порода. Не вулканическая ли? Сухая, растрескавшаяся, как черепаший панцирь, до самого горизонта и на несчетное количество километров позади.

За спиной в сумке переругивались фляга и серебряный сосуд, которым снабдил её Гаммел. Предупреждал, что источников на пути к Дыре не будет. Здесь места пустынные, неспособные ничего родить, сколько ни бей косою по земле. Ругала девочка по пути этот сосуд, когда он тащил её ко дну в быстрых реках, тянул назад, когда взбиралась по скалам, выпирал из сумки и цеплялся за ветки в лесах. А теперь в этом сером аду стал единственной подмогой. На беду он стал легче в два раза, но ещё плескалась в нем желанная вода.

— О! Это тут откуда? — воскликнула Эрра по старой привычке разговаривать с собой.

Неровный камень размером с оленя лежал на пути наполовину вросший в землю.

— Сверху что ли ухнул? — спросила она, подойдя к камню, и легонько ткнула его лезвием косы.

Вот и повод присесть. Когда в последний раз сидела, уже и не вспомнить. Эрра опустила на камень и достала из сумки серебряный сосуд. Можно промочить горло. Всего глоток. Ох, не соблазниться бы и не сделать два. Кто знает, сколько ещё идти.

— Как хорошо, — сказала Эрра, сплевывая вязкую от пыли слюну.

Жаль, нельзя выпить всё до дна. А то бы выпила? Ха! Десять бы таких бутылок вылебала, глазом бы не моргнула. А ведь раньше жаловалась на жажду. Даже плакала от бессилия. Вот глупая! Разве это была жажда? То ли было это бессилие?

Только и шагала от источника к источнику, горя не знала. Спала, где хотела. У огня, в тепле! И люди на пути попадались. А теперь что? Плешиная пустыня. Тьфу, сейчас бы прошлые заботы. Теперь и жалеть себя не хочется. Вот и хорошо. Не осталось жалости и сожаления.

— Немного осталось. Сейчас вот посижу чуть-чуть и дальше пойду, — бормотала Эрра. — Гаммел говорил, что там каменное ущелье будет... Раз камни пошли, значит, и до ущелья недалеко.

Хорошо, что старик успел вовремя всё разъяснить, буквально за пару ночей до того, как его не стало. А попрощаться так и не успели. Умер Гаммел во сне, не дождавшись рассвета.

Снова набежал встречный ветер, вспыллил серую гладь, ударил в лицо, и горло снова стало сухим, но идти всё равно было легче.

Гаммел, Гаммел... Под конец совсем исхудал и обессилел. Ухаживала за ним как могла, горячим вином его поила, топила печь до жары, сама не доедала — его кормила, а он всё чах. Будто отдавал последние жизненные соки своему ребенку.

Под ногами закрипело, то ли песок, то ли еще какое-то крошево. Идти стало неудобно. Из пыльной тучи выплыл еще один камень, за ним валун побольше, и вот уже выстроился впереди целый ряд округлых теней. Не врал старик, будто сам тут бывал. А может и бывал? Не искал ли он тут заветный цветок для Лаи? Говорил же, что все земли обошел. Бедняга... Но теперь за него спокойно. Теперь всё у него позади: и жизнь, и смерть. И не добратся до его тела гадким птицам! Крепко Эрра заколотила хижину в горах, так, что теперь и мышь не проскочит.

Пустыня перестала быть гладкой. Теперь она то морщилась оврагами, то вздымалась холмами, и с холмов этих виднелось впереди черное пятно.

— Так вот ты какая! Тоже мне, Сквозная Дыра! Я-то думала, ты необъятная, как море, а ты так — маленький прудик.

Тьма. Спокойная, не бушующая, подобно океану, не ревушая, как ветер, но такая пугающая. Такова природа мрака. Его таинственность отчасти привлекает, однако наводит страх. Как ни крути, а мраку довериться нельзя. Никогда не знаешь, что ждет тебя в сумерках густой чащи, в ледяных потемках пещеры, в непроглядной тьме бездонного ущелья...

С края скалы свалился маленький острый камешек, со звонким эхом ударился о стенку Дыры и канул в черную бездну. Больше звуков не последовало. Камень бесследно растворился во всепоглощающей тьме, так и не достигнув дна. А есть ли вообще дно у этой зияющей чернотой пасти? Недаром же она называется Сквозной Дырой. Эрра стояла на самом краю ущелья. Её взгляд устремился вниз, руки с силой сжимали рукоятку косы. Пустота внутри, пустота вокруг и окружающая со всех сторон серая пустыня — свидетель её нерешительности — давили своим молчанием. «Вот сейчас прыгну — и всё?» — бормотала Эрра. Девочка сделала маленький шаг к краю. Чернота внизу казалась материальной, густой и вязкой, как смола. «Неужели, я и впрямь туда прыгну?» — говорила девочка, однако никак не могла заставить себя занести ногу над пустотой.

Было бы проще, окажись тут кто-нибудь способный толкнуть в спину. «Или, может, отступить назад, закрыть глаза, разбежаться и прыгнуть? Просто прыгнуть. Сейчас или никогда», — девочка зажмурила глаза, ещё сильнее сжала пальцы на рукоятке. Ноги оттолкнулись от камня, и больше им не суждено было ощутить под собой твердую поверхность. Тело безвольно несло вниз в пустое пространство. Эрра напрягла каждую мышцу, стараясь побороть рефлекс, вынуждающие размахивать руками, хватаясь за воздух. Перевернувшись в полете несколько раз, тело девочки, наконец, выровнялось и теперь падало камнем вниз. Падение было настолько стремительным, что Эрра не могла почувствовать саму себя. Нельзя было разобрать, летит ли она головой вниз или наоборот, даже открыть глаза оказалось не по силам. Но руки по-прежнему мертвой хваткой сжимали косу — это являлось единственным утешением.

Открыв плотно сжатые губы, девочка попыталась сделать вдох. Это был уже не тот воздух. Редкий, почти неосязаемый, с легким привкусом горечи, да и чувство полета вдруг исчезло. Свист в ушах сменил гул, похожий на эхо, рассеянное в огромном пространстве. Волосы и одежда плавно развивались, несмотря на то, что падение по-прежнему было

стремительным. Ощущалась удивительная легкость внутри тела, будто оно стало пустым. Руки и ноги словно растворялись в пространстве.

Девочка разомкнула веки, и тут её взору предстала удивительная картина. Оказалось, что плывет она вовсе не в черноте. Вокруг были миллионы огней. Миллионы красных, желтых, голубых и белых глаз, маленьких и побольше, смотрели со всех сторон из темных пустот, которые тоже имели свою окраску. Сколько Эрра ни плыла в этой бесконечности, огоньки оставались на своих местах. Ни один из них не становился ближе и не отдалялся, от того было не ясно, на самом деле ли она летит или просто вращается на месте.

Девочка вдруг встревожилась, вспомнив о том, что ни разу за время падения не подумала о том, куда летит, а ведь это было необходимо. «Земля, люди, Земля!..» — мысленно повторяла Эрра. Голова кружилась от мелькающих перед глазами огней. Девочка снова зажмурила глаза. Лучше ничего не видеть. «Земля! Земля! Земля...»

Холод или жара? От чего руки немеют? Только бы не упустить косу.

В правую щеку ударило что-то тяжелое. Крохотный камешек или даже песчинка, он врезался в лицо с большой силой и скоростью. «Какой же силы будет удар, столкнись я с камешком побольше?» — как только девочка подумала об этом, все тело окатило дождем крохотных песчинок. Каждый нерв тела зазвенел острой болью. В живот вонзился увесистый камень размером чуть меньше кулака. Он врезался молнией, пробил насквозь плоть и понесся дальше в бесконечность, словно не заметив препятствия на пути. Тело разрывалось от боли, Эрра была готова взречься, но легкие сжались, рот заглывал лишь пустоту. Ещё несколько небольших камешков пронзили тело насквозь в нескольких местах, один из них попутно отсек указательный палец на левой руке. «Когда же всё это закончится?» — мысленно кричала Эрра.

В следующий миг девочка врезалась во что-то упругое. Воздух! Снова воздух! Она была не в силах открыть рот и вздохнуть, но ощущала, что направленно падает, а не плывет в пустоте. Волосы и одежда в секунду вспыхнули. Заполыхали пламенем и вмиг сгорели. Огонь охватил тело целиком, девочка чувствовала, как трещит и лопается её собственная кожа. Руки безвольно раскинулись в стороны, веки тоже поднялись сами. Внизу простиралось темное месиво, то ли тучи, то ли океан. Длинный предмет на миг пронесся перед глазами, перелился серебряным блеском и сгинул в рыхлых развалах. «Коса!!!» — вонзилась отчаянная мысль в голову. Спустя пару мгновений девочка и сама растворилась в темных облаках.

Больше она не могла ни видеть, ни слышать. Самосознание угасало. Изрешеченное, обгоревшее, словно уже не принадлежавшее ей тело равнодушно столкнулось с твердой поверхностью. Кости рук и ног, ребра с треском переломились сразу в нескольких местах. Это было последним, что почувствовала Эрра, прежде чем нырнула в небытие. «Я упустила косу», — мелькнула мысль, и всё закончилось.

Глава 8. Другая Эра

— Казабаррна! — выругалась Эра на родном языке, открыв глаза.

Слегка потянувшись, она рухнула головой на подушку, с которой сползла во время сна и утонула в потолок. Из приоткрытой двери доносилась всегдашняя возня на кухне и такой знакомый голос, напевающий что-то задорное. Комнату наполнял свет совсем неутренних солнечных лучей. Судя по всему, время уже подходило к обеду. Странно, что мама не разбудила свою дочь утром. Ведь сегодня отнюдь не выходной. «Мама» — как необычно теперь звучит это слово.

Вернувшиеся воспоминания о прошлом не вытеснили, но пошатнули и чуть сдвинули всё то, что вчера казалось привычным. Уместить в голове всё сразу не удавалось. словно этим утром в одном теле проснулись сразу две Эры, и каждая с собственными воспоминаниями, со своим складом ума и с разными взглядами на мир. Одна личность противоречила другой, и девочка задавалась вопросом: кто она на самом деле? Пришелец из другого мира или простая школьница, которая увидела долгий и безумный сон?

Не отрывая головы от подушки, Эра оглядела комнату: одежда лежала на стуле, аккуратно сложенная. Странно. Девочка никогда не складывала свои вещи на стул, а всегда бросала их рядом с кроватью как попало. Да и вообще, воспоминаний о вчерашнем вечере в памяти не сохранилось. «В котором часу я легла? Почему проспала так долго?» — пыталась вспомнить Эра. Но воспоминания обрывались на том моменте, когда руки коснулись металлического черенка, словно были обрублены серебряным лезвием. Было ли это всё на самом деле? Коса. Где она сейчас? Девочка села на кровати.

— Мама! — позвала она, и разум пронзили сомнения.

Можно ли теперь считать себя дочерью? И это придется переосмысливать, а как не хочется!

Пока женщина торопилась на зов, шаркая в коридоре тапочками, девочка свесила ноги с кровати и потянулась к стулу за одеждой.

— С ума сойти! Половина первого. Это твой рекорд, — проговорила Инна, ещё не успев войти в комнату. — Эй-эй! погоди, не вставай. Как чувствуешь себя? Тошнит? Голова не кружится?

Эра тихо застонала и приложила горячую ладонь ко лбу. Голова и впрямь гудела. Инна смотрела на неё с тревогой и укором одновременно. Это у неё всегда хорошо получалось.

— Голова раскалывается... Но вроде всё нормально, — неуверенно промямлила девочка. — Долго я спала?

Женщина хмыкнула.

— Спрашиваешь! Спишь со вчерашнего вечера. Ума не приложу, почему ты стала так переутомляться. Ты же меня вчера едва не довела до инфаркта.

— Чего? — недоумевая, переспросила Эра.

Её слегка передернуло от этих слов. Мысль о том, что женщина могла увидеть нечто такое, что видеть ей не стоило, не на шутку встревожила девочку. Однако для у «едва не доведенной до инфаркта» Инны был весьма задорный вид.

— Не помнишь? Я же сумки из рук выронила, когда вошла в квартиру и увидела тебя лежащей на полу в коридоре. А оказалось ты просто спишь, да ещё и так сладко посапываешь.

— Ты шутишь, — тихо сказала Эра, радуясь в душе, что испуг мамы вызвал лишь такой пустяк.

Хорошо, что она не стала свидетельницей чего-нибудь поистине из ряда вон выходящего.

— Нет, нет, я серьезно! Помнишь, я сказала тебе: «Идти в постель»? А ты, даже не разлепив век, поднялась с пола и как зомби побрела в свою комнату, что-то бурча себе под нос. До чего же я довела тебя, совершенно перестала следить за твоим здоровьем. Ты же и в постель улеглась прямо в одежде, пришлось самой тебя раздевать.

Эра фыркнула. снова дала о себе знать непривычная двойственность личности. Вроде всё было хорошо и буднично, однако другая Эра... или Эрра, будто постоянно наблюдала со

стороны, и казалось ей всё происходящее не то игрой в дочки-матери, не то ещё чем-то странным. Другая Эрра смотрела с неодобрением, но перед ней ни сколько не было стыдно. Хотелось только послать её к черту, чтобы не лезла не в свои дела.

— Ну что за суровый вид у тебя? — женщина подошла ближе к кровати и, присев на край рядом с Эрой, по особенному мягко, словно котенка, погладила её по волосам.

— Не волнуйся, мам. На улице холодно, сейчас трудно не заболеть, — сказала девочка первое, что пришло в голову.

Хотя теперь трудно было представить себя простуженной. Едва ли это тело восприимчиво к таким пустякам.

— Чепуха, — отрезала Инна. — Обычное переутомление. Ты же постоянно не высыпаешься и читаешь по несколько часов. Выпьешь кое-какие лекарства, и всё будет в порядке. И отныне будешь ложиться раньше и не заниматься так много. Ты же не хочешь снова плюхнуться в обморок?

Эра улыбнулась. Её всё ещё разрывало напополам, но девочка осознала, что всё ещё любит эту женщину, как любила вчера. Как хорошо, что это не изменилось.

— Будить тебя в школу я не стала. — Не унималась мама. — Тебе нужно поесть. Я сейчас принесу.

— Не надо. Я в состоянии сама дойти до кухни.

Эра знала, что безграничная забота Инны и готовность опекать не пойдут на пользу. Девочка опасалась поверить в то, что больна, если мама будет целый день юлить у кровати, выполняя любой каприз дочери.

— Подниматься тебе не стоит, — настаивала женщина на своем. — Прислушайся к мнению врача.

— Не преувеличивай. Ты медсестра, а не врач, — отмахнулась девочка.

Женщина строго погрозила дочери пальцем, но глаза её при этом смеялись.

— Эх, умеешь ты надавить на больное. Это не суть. Главное то, что моё мнение профессионально.

Влезая в домашние штаны, Эра слушала маму вполуха. Спорить с ней не хотелось, однако и выполнять эти требования тоже не было никакого желания.

— Мне бы хотелось немного прогуляться. Свежий воздух полезен, верно?

Инна кивнула, но с неохотой.

— Ага. Но сначала поешь, а потом пойдём гулять.

Эра замялась. Говоря о прогулке, девочка вовсе не намеревалась брать с собой маму. Нужно сначала побыть наедине со своими мыслями, договориться с внезапно проснувшейся памятью, найти компромисс... Но теперь отказывать было нельзя, иначе Инна сразу заподозрит неладное.

— Хорошо. Давай пройдемся по магазинам? Мы ведь собирались на днях, — предложила девочка.

— Как скажешь, — согласилась мама.

— Но сначала я добегу до школы. Мне надо узнать расписание на завтра.

Женщина промолчала в ответ. Эра осторожно взглянула на неё. Мама всё так же сидела на краю кровати, но выглядела по-другому. Соврать мягко и убедительно, видимо, не получилось. Губы Инны снова заиграли уже знакомой странной ухмылкой. В глазах сияло открытое недоверие. Девочка не умела врать, а Инна была не из тех, кого можно одурачить.

— Все-таки ты скрываешь что-то, — таинственно произнесла женщина.

Девочка молчала. Не хотелось говорить в лицо матери лживые оправдания.

— Да ладно тебе, не волнуйся. Я не буду вытягивать из тебя твои тайны, — внезапно добавила мама. — Я, конечно, за тебя беспокоюсь, но ты имеешь право на личную жизнь.

Девочка облегченно и выразительно вздохнула.

— Правда?

— Конечно.

— Просто я пока не готова всего рассказать... Я...

Женщина понимающе закивала.

— Всё в порядке. Просто будь осторожна.

Эре вдруг показалось, что мама сама желает поскорее закончить этот разговор, словно ей было неловко. Хотелось бы знать о домыслах мамы, ведь она явно уверена, что догадывается о том, куда уходят корни тайны дочери. От чего отталкивается она, строя свои догадки? Хотелось бы спросить об этом, но нельзя.

Всюду грязь. Все эти улицы полны грязи. Машины выдыхают грязный дым, люди, крепко затягиваясь сигаретами, выдыхают грязный дым, оставляя часть его в себе, и бросают окурки на заплеванный тротуар, где и без этого всюду мусор. И это называется цивилизацией?

Люди. До чего же их много! И они, друг друга не замечая, сливаются в суетную толпу, спешат по своим делам, небрежно расступаясь перед нищим, который идет против потока, разгоняя людей аурой смрада. Теперь и Эра в этой толпе, теперь и она уступает дорогу нищему и тоже спешит по своим делам. Люди на Земле живут по своим привычным законам. И как эта Земля не похожа на тот мир, из которого пришла Эра.

Если подумать, оба мира работают как часы. Вот только человечество устроено и действует по-разному. В родном мире Эры люди — если не главный движущий механизм, то важнейшая шестеренка, без которой ход часов невозможен. Человечество на Земле же устроилось одним из нескольких винтиков в часах. Без одной такой детали Земля бы точно обошлась. Всего лишь винтик... А ведь это человек — замысловатое существо — не животное ведь. Мало того, этот винтик ещё частично ржавый и из-за этой коррозии могут пострадать другие важные детали.

Ох, до чего обидно за жителей Земли, но ещё обиднее то, что голые амбиции Эры помочь человечеству не оправдались. Ей представлялось всё намного проще. Думалось, что все проблемы Земли можно попросту выкосить, а тут беда отдельно от блага не существует, и если уж косить, то придется вместе с головами. Бесполезна здесь её коса. Но нужно избавить людей от родившегося от всякой чертовщины выроodka. Он-то тут совсем неуместен. Эра свернула с главной улицы в сторону городских окраин.

В осуществлении её замысла не было никакой необходимости. Однако девочка так была воспитана своей земной матерью, что для неё было важно вернуть на место то, что ей не принадлежит. Пусть автор записей мертв, но дневник по-прежнему его собственность. Поэтому Эра не могла оставить записную книжку себе или просто выбросить.

Но девочка не подозревала, что вернуть украденную вещь на место окажется не так просто. Несмотря на то, что дорога казалась известной, отыскать дачный поселок при свете дня было нелегко, словно днем город был иным. В темное время суток, идя под вереницей фонарей, запутаться было сложновато. В городке хорошо освещались только главные улицы, поэтому к вечеру большую часть города съедал мрак. Днем же солнечный свет открывал десятки сбивающихся с толку переулков. Эра впервые заметила эту разницу. Даже когда она,

наконец, перестала плутать в тесных дворах и наткнулась на место, где была только позавчера, она едва узнала его. Днем дачный поселок выглядел иначе. Приземистые однотипные домики больше не походили на тёмные холмики. Теперь они сияли своими жестяными крышами и выглядели совсем новыми. На некоторых участках, несмотря на позднюю осень, уцелел зеленый газон, а кое-где даже сохранились цветочные клумбы. Правда, хризантемы ссутились от холода и наклонили свои пестрые головки, но сохраняли яркость.

Лишь один дом, стоявший на окраине поселка, ничуть не преобразился в свете дня. Всё такой же мрачный, темный, поросший гнилым плющом. Этот захудалый домишко сильно выбивался на фоне хорошеньких домиков, как червоточина на яблоке. Такой одинокий, отрешенный, утопающий в запущенном саду за покосившимся забором с незапертой кособокой калиткой.

Девочка долго стояла на пороге дома, не зная как поступить: оставить записную книжку у двери или войти в дом. Конечно, лучше вернуть украденную вещь на место. Но что если тот бездомный всё ещё там? Эра не столько боялась его, сколько не хотела сама напугать беднягу. Наконец, решив оставить дневник на первом этаже не поднимаясь наверх, Эра решительно толкнула дверь, но дверь не поддавалась. Странно, ведь в прошлый раз было не заперто. Девочка с силой навалилась плечом на дверь. С деревянной поверхности местами осыпалась облупившаяся краска, но усилия оказались напрасными. Дверь действительно оказалась запертой на замок.

Эра не стала настаивать и дожидаться приглашения. Если уж придется оставить записную книжку у порога, то пусть будет так. Главное, избавиться от чужой вещи. Она сняла с плеч рюкзак и готовилась его расстегнуть, как вдруг по ту сторону двери послышался торопливый шум. Шуршащие, осторожные звуки, словно кто-то старался как можно тише подобраться к двери, но его выдавали скрипучие половицы.

Внезапно дверь распахнулась. Цепкая рука схватила Эру за плечо и втащила внутрь, прежде чем она успела насторожиться. Девочка и не успела ойкнуть, как уже оказалась в пропахшей пылью прихожей. Дверь за спиной с шумом захлопнулась, и стало темно.

— Эй! — буркнула невысокая фигура человека.

Эра опомнилась, запоздало осознав, что произошло, и, отшатнувшись назад, уперлась спиной в закрытую дверь. Темнота вдруг стала проницаемой, и темный силуэт стоявшего напротив приобрел четкие черты: в нескольких шагах от девочки находился щуплый плосколицый паренек в мешковатом свитере. Быстрые глазки изучающе скользнули по лицу Эры. Парень нервно моргал, но лицо его оставалось невозмутимым.

— Чего тебе надо тут? — голос его был груб и недобр.

Девочка выронила рюкзак, руки её напряглись. Она была в полной растерянности и не знала, как расценивать сложившуюся ситуацию. До того как воспоминания вернулись к ней, все люди в мире делились на друзей и на тех, до кого нет дела, теперь же нужно думать и о врагах. Хотя на первый взгляд вид у парнишки был совсем невраждебный, а даже наоборот. Немного остыв, Эра решила, что пока опасаться нечего.

— Я пришла вернуть, — замямлила девочка.

— Эра, правильно? — перебил её плосколицый.

— Откуда ты знаешь?..

— Сама сказала.

Девочка опустила взгляд на свой валявшийся в пыли рюкзак и, подняв его, закинула на

плечо.

— Так это ты прятался на чердаке, — сказала она, делая вид, что не догадалась сразу.

Парень рассмеялся.

— Да, точно! — сказал он, поддельвая хрипоту, и снова рассмеялся.

— Дурак.

Эра тут же захотела извиниться, однако парня оскорбление только позабавило.

— Ты вообще кто? — спросила девочка.

— Какое тебе дело? Ворвалась в дом и задаешь вопросы. Не забывай, что ты у меня в гостях, — с нажимом сказал плосколицый. — Зачем ты опять пришла? Забыла что-то?

— Я хотела вернуть кое-что на место.

Эра уж было снова сняла рюкзак с плеча, но вдруг передумала. Не стоит отдавать чужую вещь какому-то бродяге, возмнившему себя хозяином заброшенного дома. Парень больше не смотрел на девочку, он бродил по прихожей, по очереди прикасаясь к разным предметам, словно был тут впервые.

— А у меня тоже для тебя есть кое-что, — незнакомец остановился, повернулся к Эре и вынул из кармана маленький блестящий предмет. — Это твоё?

— Верни! — строго выпалила девочка, узнав мамину губную помаду, и быстро выхватила её из рук парня.

«Я же сама её обронила, когда высыпала содержимое сумочки на пол, чтобы украсть дневник, — вспомнила Эра. — Вот в чем дело! Вот почему мама спрашивала, не нужно ли мне купить что-нибудь. Она обнаружила пропажу и решила, что я стащила помаду! Наверное, мама думает, что я тайком от неё бегаю на свидания. Должно быть, в этом она меня подозревает». Это озарение отчасти успокоило девочку. Хорошо, что мама не догадывается о настоящей тайне, но с другой стороны не хотелось, чтобы она так думала.

«Давненько у меня не было гостей», — сказал молодой человек. Создавалось впечатление, будто он разговаривает не с Эрой, а с самим собой. Должно быть, этот парень действительно давно не встречался с людьми и совсем разобщился взаперти. Это выдавали его манеры — незнакомец насторожено оглядывался на девочку, резко увиливал от её взгляда и постоянно держался поодаль, словно одичалый кот.

Эра стояла, оперившись спиной на дверь, и размышляла, о чем должна сейчас сказать и как себя вести, но вдруг опомнилась, задалась вопросом: что она вообще делает в чужом доме с незнакомым человеком и зачем слушает его бессмысленные слова? Нужно ли тут ей оставаться? Не желая больше задерживаться в пыльной прихожей, девочка деликатно покашляла, желая оповестить незнакомца о своем желании уйти, и повернулась к двери.

— Ты разве не хотела мне что-то вернуть? — быстро произнес парень.

— У меня для тебя ничего нет, — не оборачиваясь, равнодушно ответила Эра.

Парень усмехнулся.

— Ну да. А то я не заметил, как ты стащила мою записную книжку.

Девочка отпустила дверную ручку. Её вдруг осенила догадка. И как она раньше не поняла?

— Максим? Тебя зовут Максим? Верно?

Парень ещё раз коротко усмехнулся.

— Читала мои записи? Наверное, думала, что меня давно в психушку отправили? Я бы тоже так подумал на твоём месте.

Эра теперь глядела на парня совсем другими глазами. Вместо дурковатого бродяги

перед ней стоял измученный одиночеством и обезумевший от ужаса Максим. Тот самый, несчастный, напуганный, но живой! Глядя на него, девочка вспомнила Гаммела. Как похожи их положения. Максим, так же как и Гаммел, вынужден сидеть взаперти. Этот дом для него был словно хижина в горах, где несчастный парень каждую минуту ожидает своего последнего часа. Однако Максим в отличие от старика не был спокоен, и в глазах его не тлела мудрость, а горело безумие.

— Я думала, ты умер, — сказала Эра. — Думала, что эта тварь забрала тебя.

Максим переменялся в лице.

— Так ты поверила в мои слова? Не подумала, что это писал сумасшедший? — удивился он.

— Я знаю, что все это правда, — ответила девочка.

— Выходит, оно преследует и тебя?

— Нет. Это я иду по его следам.

Эре хотелось поскорее рассказать Максиму о том, кто она такая, и о косе, и что она зарубит это мерзкое существо при первой же возможности. Возможно, это даст парню надежду на спасение. Но, услышав столь смелое заявление, Максим нервно рассмеялся.

— Ты сама-то поняла, что сказала? — не унимался он, его смех, пусть и напоминал истерический хохот психа, но всё же был обидным и язвительным.

— Я знаю, что говорю, — отрезала Эра, но уже с меньшей уверенностью. — Помнишь, ты мечтал о силах, противоположных этому злу? Ты ведь ждал помощи, а теперь насмехаешься!

— Прости, но представлял я отнюдь не тебя, — сказал Максим удивительно спокойным голосом, в секунду оправившись от истерики.

Девочка старалась сдержать себя, пыталась продолжать сочувствовать парню, несмотря на все его насмешки. Напоминала себе, что молодой человек измучен и, возможно, болеет душой от пережитого, но обида постепенно пересиливала терпение.

— А ты кого ждал? Ангела с огненным мечом? — гневно выпалила она.

Лицо парня дрогнуло.

— Почему бы нет? Знаешь, та тварь не заставила меня сомневаться в том, что передо мной сам дьявол.

— Стало быть, я не произвожу впечатления? — хмыкнула Эра.

— А сама как думаешь?

Эра хотела возразить, но на ум ничего не пришло. А ведь он прав! Тяжело поверить словам маленькой, хрупкой девочки, которая утверждает, что собирается покончить с адской тварью. Она и сама не верила в свои силы, пока не прикоснулась к косе.

— Почему ты возомнила себя охотницей? Ты тоже видишь сны? — пытался угадать Максим. — Знаешь, у меня тоже однажды мелькнула мысль: а не избранный ли я какой-нибудь? Неспроста же я эти сны вижу, может быть, я и должен одолеть эту тварь? Только вот когда я столкнулся с ним лицом к лицу, понял, что с этим злом не только невозможно сражаться, но и сопротивляться ему тоже нельзя. Оно подчиняет волю и разум своей жертвы, поэтому никто из убитых не пытался бежать или звать на помощь. Что ты вообще об этом знаешь?!

Эра молчала.

— Прости, — неожиданно сказал Максим, его лицо сделалось виноватым. — Я не хотел кричать на тебя... Но скажи, почему ты решила поохотиться на это чудовище? И почему ты в

него веришь? Может, оно убило кого-то из твоих знакомых?

— Оно убило много людей, — холодно ответила девочка. — Не стану ничего доказывать, просто знай, я могу остановить эту чертовщину, что здесь творится. Меня бы не было здесь, если бы я не имела достаточно сил для этого. Просто поверь мне.

Максим не сводил взгляда с девочки. В его глазах одновременно были и мольба, и таящаяся надежда, и сомнения. Все эти чувства боролись внутри него, он хотел поверить, но не мог. Казалось, вот-вот на его глазах навернуться слезы, и парень спрятал лицо, отвернувшись от девочки. Ещё немного он постоял, не двигаясь, и, наконец, сдвинувшись с места, направился к лестнице.

— Иди домой, — сказал он, поднимаясь по ступенькам на второй этаж. — Оставь меня в покое.

Эра бросилась к лестнице.

— Максим, поверь мне, тебе больше не нужно бояться. Я уничтожу эту тварь. Просто знай это! Может быть, я выгляжу слабой, но это совсем не так! — воскликнула она ему вслед.

Паренек не ответил. Скрывшись из виду, он притих и больше не отвечал. Девочка хотела добавить что-нибудь ещё, но передумала. Вряд ли Максим намерен её слушать. Существуют ли слова, способные убедить человека, утратившего способность верить?

Разочарованно пожав плечами, девочка побрела к выходу. Остаться тут больше не было смысла. В душе её трепетало негодование.

— Это всё уже неважно, — догнал Эру голос сверху. — Неважно, говоришь ли ты правду. Раньше я желал спасения, теперь же я хочу покоя, и этим покоем станет только смерть. На что мне жизнь, когда я уже не я? И не имеет значения, похожа ли ты на спасительницу или нет, ведь утопающий хватается и за соломинку, а я не хватаюсь, значит, уже утонул.

Дослушав до конца, девочка вышла за дверь. Ей не хотелось ни о чем думать, она просто желала поскорее уйти. Не пройдя и пяти шагов, Эра вспомнила, что не вернула дневник, но возвращаться в дом полный отчаянья ей больше не хотелось.

***

Весь день мысли о Максиме не оставляли Эру. Не в силах отвлечься, девочка снова и снова вспоминала безумные глаза несчастного парня. Тяжелые воспоминания накладывались друг на друга слоями и давили, как давит снег на плоскую крышу.

Инна, хотя и замечала подавленное состояние дочери, старалась ни о чем не спрашивать. Девочка же, напротив, нуждалась в поддержке, но не решалась начать разговор первой, опасаясь выдать подробности. К подавленности и осознанию своего бездействия примешивалось чувство вины. Эра корила себя за то, что занималась саможалением в то время, когда несчастный парень сидел взаперти, постепенно теряя рассудок от страха. А ведь он и сейчас там! Каждая мысль истязала девочку, вгрызалась острыми зубами в сердце, впрыскивая по капле в кровь медленный яд угнетения.

Даже вечером, когда Эра, обессиленная, упала на кровать, тоска не покинула её. Накопленные впечатления просочились глубже в сознание, набухли тяжелыми сновидениями. Перед глазами стоял дом, где пришлось побывать накануне. Девочка не рассматривала жилище Максима подробно, однако во сне мрачное строение материализовалось четко, как на фотоснимке.

Все черты дома отчетливо прорисовывались на фоне черноты: вены сухого плюща и

тонкие жилки трещин на серых стенах, местами облупившаяся краска, обнажающая полусгнившую древесину оконных рам, отшлифованная прикосновениями до серебряного блеска дверная ручка, от основания которой струилась ржавчина, похожая на запекающуюся кровь. Каждая деталь имела насыщенные, не свойственные сновидениям, живые краски. Дом не казался таким жалким и заброшенным. Теперь строение выглядело могучим и зловещим. Оно словно дышало, вбирало в себя пустоту и при каждом вздохе становилось больше, заполняло собой всё пространство. Ничто не оттеняло его в этой пустоте — низенькие домики бесследно исчезли, вокруг простиралась лишь серая пустыня и чернота. Создавалось впечатление, что эта живая рухлядь есть центр этого призрачного клочка пространства, всего этого маленького мира, который казался слишком тесным для такого огромного дома, как тесен заполненный водой стеклянный шар для игрушечного домика, припорошенного фальшивым снегом. Именно такой рождественской игрушкой выглядел сон Эры. Круглый, холодный, как поверхность стекла, но лишенный всякой прелести.

Девочка не сразу заметила себя в своих собственных грезах. Она была словно рассеяна в пространстве и, как только вспомнила о своём существовании, тут же воссоздалась из миллионов серых пылинок. Девочка смотрела на дом, а дом смотрел на неё своими темными глазами окон. Лишь низкий покосившийся забор разделял их.

Максим — там внутри, в самом сердце этого кошмара, на дне темного омута...

Девочка рванула к забору. Движения давались нелегко, словно она передвигалась сквозь толщу воды по морскому дну, а ноги при каждом шаге будто увязали в мокром песке. Дом не становился ближе, но Эра не желала сдаваться, старалась изо всех сил, не обращая внимания на бестолковость изнурительной ходьбы на месте.

Вдруг земля под ногами зашевелилась, как будто это была и не земля вовсе, а миллионы серых крыс, что разом пробудились ото сна, бросились врассыпную. Низенький забор утонул в сером хаосе, и дом начал приближаться.

Спустя миг девочка стояла у самой двери. Со всей силы она ударила кулаком по деревянной поверхности, но это было необязательно. Дом был не против гостей. Неведомая сила подхватила хрупкое тело как осенний лист, и словно сквозняком втянула его внутрь. Заглотав свою добычу, дверь за спиной с шумом захлопнулась. Кошмарный сон, будто напуганный самим собой или чем-то иным, съежился, сжался до размеров сумеречной прихожей. Внутри не было света, но знакомая обстановка прорисовывалась в колдовском мраке. У серых стен копошились черные тени, казалось, вот-вот они отлипнут от стен и окрепнут в плоть. В безумном танце теней было что-то зловещее и отчаянное. Но кто эти тени: несчастные неприкаянные души или демоны этого антрацитового ада? От чего они сотрясаются: от страха или от немого смеха? Эра почувствовала себя птицей, пойманной в силки.

«Максим», — одними губами произнесла она, голос застрял в горле. Девочка позабыла о том, что пришла спасти парня, и сама, превратившись в жертву, звала на помощь: «Максим!».

На зов откликнулся неслышимый, но уловимый шорох во тьме. Эра сделала неуверенный шаг, и её нога столкнулась с мягким, но неподвижным препятствием. Сердце сжалось от нехорошего предчувствия, глаза были готовы увидеть ужасное. Девочка опустила голову, и в этот момент кошмар стал более отчетливым, чем был раньше. У её ног лежало распростертое тело молодого человека. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять — парень мертв.

Максим лежал на спине, на нем были лишь одни брюки. В темноте словно светилось его безжизненное бледное лицо и худощавый голый торс. Справа на груди вдоль выделяющихся ребер тянулась длинная рана. Ровные края раны свидетельствовали о том, что грудь была испорчена острым предметом, точно хирургическим инструментом. Каким жалким, ничтожным, беспомощным выглядело это тело. Где же та импульсивная жизнь, что была в нем? Неужели душа так хрупка и прихотлива, что не может долго оставаться в изувеченных тканях и тут же покидает брэнное тело через открытую рану? Эра опустилась на колени, едва не вплотную приблизила глаза к порезу на груди, не желая смириться с материальностью этой жирной окровавленной пиявки.

Запекшаяся по краям кровь, белесые кости — всё выглядело более реальным, чем на фотографиях маминой медицинской энциклопедии. Серовато-розовое, покрытое черными прожилками легкое напоминало вату, торчащую из рваного плюшевого медвежонка. Да и широко открытые глаза Максима были не человеческими, а кукольными: круглые, выпуклые, тёмные, как два омуты.

— Эй, проснись! Надо уходить, — шептала девочка, глотая слезы.

Тело расслабленно качалось в дрожащих руках, пластмассовые глаза смотрели мимо неё.

— Нужно бежать! — снова повторила она.

И тут её пронзила мысль: куда бежать?! Дверь исчезла! Исчезли и стены, и потолок. Эра находилась уже не в прихожей, а в вязкой серой трясине посреди огромного ничего. Все детали сна растворялись, превращаясь в липкую рыхлую массу. Готовясь погрузиться во мрак с головой, девочка сильнее прижала к себе труп. Тело будто стало меньше и легче, кости мягкими, как у консервированной рыбы, а лицо...

Взглянув на лицо трупа, Эра бесшумно вскрикнула. Она держала в руках свой собственный труп! Бледную, холодную, как лед. Девочка пыталась высвободить руки, оттолкнуть от себя мертвое тело, как две капли воды похожее на неё саму. Но труп не отлипал и, навалившись на неё, в считанные секунды утянул на дно грязной трясины.

Очнувшись от ужасного кошмара, девочка жадно глотнула воздух пересохшим ртом, будто и вправду только что вынырнула из болота. Всё тело покрылось липкой испариной. Ох, эта ночь! Ужасная ночь! Проснувшись, Эра не испытала ни капли облегчения, кошмар продолжался и наяву. Собственная комната казалась чужой, мрак преобразил предметы, уютная спальня стала похожа на темницу. Казалось, что страшные видения не исчезли, а затаились в этой коварной мгле. Что это было? Если это только предчувствие кошмара, то каков же сам кошмар?!

Сквозь тонкую щелку штор струйкой по полу разлился холодный лунный свет. Ухватиться бы за эту золотую нить, притянуть к себе свет и разогнать прячущиеся по углам страхи, вот только до луча не дотянуться с кровати, не перешагнув через темноту. Да и на чьей стороне луна? Не лукавым ли созданиям она светит?

Девочка сидела на кровати, ощущая, как каждая пора её тела источает горячий пот. Миллионы маленьких ртов в коже жадно открываются, моля о прохладе. Как жарко! Отчего тут такой душный, тяжелый воздух? Словно в этой тесной комнатке провела ночь целая тысяча людей.

Сорвав с себя насквозь промокшую ночную рубашку, Эра вскочила с кровати и, едва переставляя затекшие ноги, подбежала к окну. Одергивая шторы, она чуть не сорвала их с карниза. Комната тут же озарилась прозрачным светом. Желтый диск луны равнодушно

созерцал то, как девочка судорожно пытается распахнуть закрытое окно, ничуть не смущаясь и не отворачивая взгляда от её обнаженного тела.

Несколько раз соскользнув, вспотевшие ладони, наконец, крепко ухватились за ручку, и оконная рама поддавалась сильному рывку. Окно отворилось лишь на треть, в лицо ударила вожделенная прохлада. Эра дышала и впитывала в себя холодный воздух как пористая губка, что, наконец, освободилась из сжатого кулака.

Ночные кошмары тут же улетучились. Девочка едва стояла на ногах, упиваясь дуновениями ветерка, с наслаждением ощущала, как испаряется влага с горячей кожи. Она и представить не могла, что воздух может быть таким сладким. Она попыталась распахнуть окно шире, но бесполезно — рама не открывалась больше, чем уже была открыта, щель была настолько узкой, что в неё едва можно было просунуть руку. Девочка внимательно оглядела раму. Вот оно что! Окно было заблокировано вбитыми в древесину маленькими гвоздиками у петель. Всё эти страхи мамы... Лишние предосторожности. И почему она так боится открытых окон?..

Прохладный ночной воздух немного остудил кожу, но жар внутри по-прежнему был не утомлен, словно в груди кипела доменная печь вместо сердца и разносила по телу не кровь, а раскаленный металл.

Как яростно бушует сила, запертая в теле маленькой девочки! Пытается вырваться наружу, не терпит сдержанности обладателя, желает сама подчинять и управлять, если ей не управляют. Огромная и разрушительная сила не из тех вещей, что могут тихо дожидаться своего часа, не напоминая о себе. Но и без повода она не кипит. Стало быть, это реакция...

Неужели адское отродье выбрало эту ясную ночь для того, чтобы насытиться очередной человеческой жизнью? Материальное предчувствие упруго вытянулось внутри тугой пружиной, давая знать, что мысли направлены верно. Уродливая тварь вновь выбралась из своего тайного уголка и бродит сейчас по городу, выискивает очередную жертву.

Зловещие глаза, полные одержимости, выглядывают из темных переулков, устрашающе вспыхивают в черноте сточных канав, наблюдают с сумеречных крыш. Его глаза ищут, высматривают замешкавшегося наивного простачка, что должен быть убит этой ночью, рассыпаться в прах и навек исчезнуть со свету. Тварь тихо пробирается среди старых домов, едва ступая на мокрый асфальт прямо под окнами ничего не подозревающих горожан. И только жертва слышит его шаги... Только жертва ощущает его зловонное дыхание. Только жертва способна заметить его, но только когда выродок приблизится вплотную и бежать будет некуда!

Что делать? Только не сидеть и думать, что делать! Нужно действовать немедленно, пока всё это не случилось. Нужно действовать, не размышляя, чутьё само приведет, само подскажет, главное, сорваться с места! Но и это сделать не так уж и просто.

Не хотелось верить в достоверность собственных предчувствий только из-за страха и неготовности. Эра не раз думала об отваге, стараясь воспитать в себе это чувство путем размышлений.

«Нельзя бояться, ведь страх лишает силы, нельзя тратить на него», — говорила она себе, но просочившийся в разум навязчивый страх был посильнее всякой философии.

Как сильно девочка желала избавить людей от выродка, как переполняла её ненависть при мысли, что эта скользкая тварь унесла столько жизней, включая малютку Сауле, как невыносимо было представлять, сколько ещё людей погибнет? А сейчас только и хотелось зарыться в одеяло и лежать, отгоняя от себя мысли. В эту минуту Эра с сожалением

осознала, что годится в спасительницы меньше всех на свете. «Трусиха! Тебя убьют раньше, чем любого безоружного! Ты не борец, а малыш с пластмассовой сабелькой! Ты не достойна своего оружия!» — воскликнул вдруг её собственный голос в голове. Эра, хорошо размахнувшись, отвесила себе пощечину: «Дрянь! Ты не имеешь права жалеть себя и бояться за свою жизнь! Ты должна спасти людей!».

Одеваться поспешно и при этом не шуметь оказалось невозможным. Девочка была уверена, что разбудила Инну, когда упала на пол, натягивая джинсы, и некоторое время лежала не шевелясь, прислушиваясь, но из соседней комнаты не донеслось ни звука. К чему быть такой осторожной? После долгого дня мама не проснется, даже если рядом с домом проедет десяток грузовых поездов. Так же наспех девочка надела футболку, но наизнанку и задом наперед. В эту минуту собственный внешний вид интересовал её меньше всего. Уже в прихожей Эра накинула на плечи куртку и босыми ногами влезла в кроссовки. Дверь за собой закрыла осторожно, придерживая дверную ручку, чтобы сквозняк не захлопнул её с грохотом.

«Мама, я очень постараюсь сделать так, чтобы сегодняшнее утро обошлось без неприятных сюрпризов. Я разбудю тебя на рассвете, принесу тебе кружку горячего кофе. У меня будет слегка сонный вид, не более того! Что бы ни произошло сегодняшней ночью, утро должно быть таким, каким ты ожидаешь. Я сделаю для этого всё! Но, возможно, судьба распорядится по-другому, и когда ты проснешься, то обнаружишь, что моя кровать пуста... Эта ночь может стать для меня последней, и я понимаю, что, умерев, сделаю тебя ещё более несчастной, чем ты была до нашей встречи, но прости, иначе нельзя. Если я не вмешаюсь, то ещё множество родителей потеряют своих детей... Так вот, если мы не увидимся больше, то прошу, не умирай вместе со мной, я не хочу чтобы ты из-за меня снова впала в отчаянье», — мысленно просила девочка Инну, стоя у закрытой двери квартиры. Просила о невозможном...

Девочка спустилась на одну ступеньку и почувствовала, как натянулась цепь, что сковывала её сердце с сердцем женщины. Быть готовой покинуть это место навсегда означает готовность порвать эту цепь или оставить здесь своё сердце.

Эра ещё раз оглянулась на дверь. Теперь её душа была пуста. Она бросила у порога все чувства, воспоминания, мысли, что тяготили её. Сейчас она должна уберечь от смерти жертв выроodka. Вернувшись, она снова станет любимой дочерью Инны, прилежной ученицей средней школы, кем угодно! Но сейчас нужно быть только защитником.

Перескакивая через две ступеньки, девочка неслась вниз, в темноту, в неизвестность. Как когда-то срывалась в бездну Сквозной Дыры...

***

Пекло и холод яростно соперничали друг с другом. В груди колыхалось пламя, удушливый жар затруднял и без того сбивчивое от бега дыхание. В ту же минуту руки, лицо и шея мерзли от почти зимнего ветра. Эра бежала, в считанные секунды преодолевая неосвященные скверы убогих улиц окраины города. Девочка старалась забыть о мыслях, чтобы не пытаться сосредоточиться. Когда не знаешь маршрута, лучше довериться своему чутью, чтобы не сбиться.

Под ногами время от времени трескался лед замерших луж, нарушая свойственную ночи тишину. Старые постройки, запущенные садовые кусты, деревья, дороги, темные витрины магазинов — картинки стремительно мелькали и сменяли одна другую, лишь полная луна оставалась неподвижной. Застыла в небесах, позолотив своей прозрачной аурой синеву

вокруг себя, не исчезала ни на миг, словно она была чем-то необходимым. Какая же роль досталась сегодня этой немигающей луне? Кто она? Неотъемлемая декорация, свидетель предстоящих событий или важный участник?

Как только Эра подумала о луне, к ней тут же вернулась способность управлять своим рассудком. Но это скорее навредило, чем стало полезным. Долгое время безрассудно бежав по улицам, девочка ни разу не оступилась и не споткнулась. А сейчас, ныряя в темноту незнакомого двора, нога столкнулась с твердым бордюром. Эра рухнула в невысокую траву, с большой силой ударившись о твердую поверхность промерзшей земли. Ноющая боль пришла несколькими мгновениями позже, заставив почувствовать каждую косточку тела. «Почему же роса на траве не оледенела в такой холод?» — подумала Эра. Поднимаясь на ноги, девочка вдруг поняла, что мокрой была вовсе не трава, а она сама. «Вот это взмокла! Будто из бассейна вынырнула», — кряхтела девочка. Вытерев рукавом разбитый нос, она огляделась — не стал ли кто-нибудь очевидцем её нелепого падения. На первый взгляд тесный, окруженный со всех сторон угловатыми пятиэтажками двор казался пустым, лишь луна по-прежнему смотрела с небес сквозь сомкнутые над головой ветви деревьев.

Луна — единственный источник света в этом забытом богом месте. Ни в одном окне не горел свет и даже не мерцал телевизор, фонари и вовсе были не предусмотрены. Недаром околотки, удаленные от центра, называют спальными районами — чем дальше они от магазинов и офисов, тем темнее и незаметнее. Будто и людей тут вовсе не бывает.

Детская площадка, окруженная высокими кленами, выглядела угрюмой, брошенной за ненужностью давно выросшими, а то и вовсе не водившимися в этих местах детьми. Старая песочница осела, качели без сидения уже и не мечтали об исполнении своего предназначения и позволили вырасти под собой траве, пока что маленькими островками. Только невысокий металлический грибок не покосился, стоял прямо и гордо, но тоже был проржавевшим стариком.

Судя по внешнему виду, в этот двор в столь позднее время не забежит и бродячая собака, но девочка уже поняла, что именно этот уголок судьба сегодня выбрала сценой для немислимых событий.

Остановившись в центре площадки, Эра внезапно почувствовала спиной чей-то взгляд и резко оглянулась, как будто её окликнули. В глаза бросились человеческие очертания. Девочка испугано попятилась, но спустя пару мгновений поняла, что беспокоиться не о чем, и устыдилась своего очередного нелепого промаха. В сени высокого клена затаилась каменная статуя. Только с близкого расстояния стало возможным рассмотреть это неуместное для детской площадки сооружение. И к чему тут эта небольшая статуя в греческом стиле? Гречанка в тунике сидела на одном колене прямо на земле. Одна рука придерживала кувшин, стоявший на плече, другая лежала на бедре. Особенно её неуместность выражал сумбур внешнего вида, добавленный каким-то местным умельцем. Красок на гречанку он не пожалел: лицо и открытые части тела статуи были ярко-красными, волосы имели темную, возможно даже правильную коричневую окраску, но это реалистичности не добавляло, а накидку окрасили в грязно-желтый цвет, только кувшин художник пожалел, оставив его нетронутым. Кроме всего этого, у женщины недоставало правой части лица. Кусок камня в области щеки был отколот, от чего, если смотреть с боку, её лицо, напоминало череп. Кисть той руки, что держала кувшин, тоже пострадала от времени: там, где должны быть пальцы, торчали ржавые металлические пруты. Жуткая статуя. Будто ожившая покойница. Не она ли отпугивает детей от детской площадки?

Неторопливая струйка крови из разбитого носа ловко обогнула губы и упала тяжелой каплей с подбородка прямо на макушку каменной гречанки. Эра снова вытерла нос рукавом и тут же вспомнила, что пришла сюда вовсе не для того, чтобы изучать достопримечательности. Рассеянность — ещё один недопустимый недостаток!

Но просто пребывать в бдительном ожидании, когда метающийся внутри дух буквально рвался наружу, было невозможно.

Девочка ощущала, как нечто темное, злое уже приближается. Нет! Уже совсем рядом! Это чувство было для неё новым, однако обозначить его чем-нибудь другим, кроме приближения беды, казалось невозможным.

Эра заняла позицию в центре площадки рядом с песочницей — самую удачную для обзора. Взгляд её метался по сторонам. Откуда ждать опасности и какова она? Что если сейчас лицом к лицу придется столкнуться с тем ужасом, который описывал Максим в своём дневнике? Хватит ли духу хотя бы взглянуть на эту тварь? «Не думать ни о чем! Просто ждать!» — отдавала себе мысленные приказы девочка. «Топ-топ-топ-топ» — послышались несколько глухих шагов, определить их направление не удавалось. Повертевшись и ничего не обнаружив вокруг, Эра замерла, надеясь, что снова услышит утерянные звуки, но до её ушей доносился лишь свист собственного дыхания. Ревущее пламя в груди немного утихло, и холод стал ощущаться куда сильнее.

Какая холодная ночь! Холоднее были только потоки вод в горах родной земли, на вершинах гор. Снова эти «топ-топ»... Откуда? Девочка снова огляделась и, наконец, заметила движение в глубине двора, там, где чернела дверь подъезда пятиэтажки. Эра прищурилась, чтобы лучше видеть. Да, да! Там определенно кто-то был... Человек в пестрой светлой одежде. Если бы не этот необычный костюм, его и не разглядишь в темноте.

Девочка безотчетно сделала несколько шагов, снова пригляделась, затаив дыхание. Человек! Совершенно точно — человек! Не дьявольский выродок.

Фигура в светлом костюме то замирала, то топталась на месте, медленно, будто пьяно, покачивалась, голова её была слегка запрокинута назад.

«Бог мой, я же знаю её!» — мысленно воскликнула Эра. У водосточной трубы стояла девушка, с которой она так часто встречалась в школе! Та самая зеленоглазая, со светлыми волосами, замкнутая, малообщительная мышка, что всегда ждет своей очереди в школьной душевой!

Эра впервые видела её с распущенными локонами вместо высокого хвоста и без спортивного костюма. Сейчас на девушке была лишь легкая светлая пижама, украшенная множеством кошачьих мордочек. Девушка отрешенно смотрела в сторону, шлепала по асфальту резиновыми тапочками, надетыми на босую ногу. Как странно: в тонкой пижаме с короткими рукавами и в едва покрывающих колени шортиках, в такую погоду любой человек стал бы трястись как папиросная бумага, а эта девушка лишь слегка покачивалась. Почему она в пижаме? Будто только что покинула кровать, даже не потрудившись проснуться. Может быть, она и в самом деле сейчас не осознает происходящего? Что же это такое? Выходит она и есть... жертва?! Нет, нет! Быть того не может! Тварь выманила её на улицу прямо из постели. Спящую!

Эра с ужасом осознала, насколько велика власть, насколько огромна сила природы этого зла. Ни одна выбранная ею жертва не способна ей сопротивляться, она поработает, подавляет разум, полностью подчиняет себе. «Вот как это чудовище губит людей! Вот почему его действия настолько незримы! Но где же сама тварь?..» — девочка обернулась

вокруг себя, вскользь окинув взглядом окрестности. В сумеречном дворе было множество непроницаемых для глаза уголков, но кроме Эры и этой девушки тут больше никого не было. Чудовище выманило жертву ещё до своего появления и сейчас медленно подкрадывается к ней? Девочка снова уставилась на фигурку в пижаме — та по-прежнему старательно топталась на месте, будто пыталась преодолеть невидимую преграду. Сердце мучительно сжималось от жалости.

Она словно марионетка! Какая же она беспомощная перед этим беспощадным выродком. За какие грехи ей суждено сгинуть вот так — в силках необъяснимой дьявольщины? Нужно скорее, как можно скорее, увести её. Спрятать, не дать на съедение!

Девочка шагнула сквозь черный туннель сомкнутых ветвей высоких кустарников и вдруг замерла. Сдержала в горле крик, что должен был привлечь внимание несчастной жертвы.

А что если?.. И думать об этом не хотелось, но уж слишком много совпадений... Исчезновения начались, когда Эра явилась в этот мир... А что если?.. Многие жертвы так или иначе имели отношение к Эре... Хирург из госпиталя... Сауле... Эта девушка... И сейчас в этом тесном местечке только Эра и эта несчастная. Что может угрожать ей кроме?.. От кого, кроме малютки, обладавшей огромной разрушительной силой, может исходить сейчас опасность?!

«А что если я и есть убийца и даже не знаю об этом?! Девочку снова бросило в жар. Таких угнетающих чувств она ещё не испытывала никогда в жизни. Пожалуйста, только не окажись это правдой. Пожалуйста, нет!».

Эта мысль была и впрямь ужасной, хотя и казалась чужеродной, навязанной извне... Оцепенев, девочка смотрела прямо перед собой. Нет, никакая сила, никакое безумие не смогли бы заставить её неистово и жестоко убивать людей! Она не причастна к смертям, она пришла спасать, а не убивать! Сила её оружия не той природы!

Но, даже отбросив чужие мысли, Эра по-прежнему не могла доверять себе, уж слишком сильно минутное помутнение рассудка было похоже на озарение. «...то...осто... ..он...» — прошептали дрожащие губы. Девушка перестала топтаться на месте. Её лицо сделалось напряженным, но глаза были всё так же полузакрыты. «Про...о... ..он...» — снова невнятно произнесла она. — ...эт...то... ..с...н...»

— Что? — не выдержав, переспросила Эра во весь голос.

Отозвавшись, девушка резко повернулась лицом к ней.

— Это просто сон, — без запинки выговорила она. — Это просто сон! Прос-то сон!

Её голос был тих, нетороплив, но это не скрывало напряженных ноток страха. Девушка, окутанная полусном, словно отравленная ядом муха в паутине, не может пошевелиться, но понимает безысходность ситуации. Ей остается лишь смириться с неминуемостью своей гибели, коротать ожидание, уверяя себя в том, что происходящее нереально. Как это ужасно! Невообразимо кошмарное зрелище!

Эра испытывала одновременно скорбь, опустошение, страх, жалость. Эти чувства переплетались и буквально сжигали её изнутри. Она и не знала, что бывает всё настолько жестоко, ужасно и плохо. Не это ли люди называют адом?! Сумеет ли теперь девочка когда-нибудь забыть образ жертвы зла? Сможет ли, закрывая глаза, видеть черноту, а не девушку в пижаме посреди мрачной улицы? Лучше уж было бы отказаться от всех радостей жизни и никогда не появляться на свет, лишь бы не знать таких нравственных мук.

Эти угрюмые мысли и непереносимые чувства впились в Эру, вылетев стрелами из крошечной тьмы, откуда доносились незримые шорохи.

— Это просто сон, просто сон, — повторяла девушка как заклинание. Казалось она не стоит, а висит на невидимой веревке.

Эра не удержалась на ногах и упала на колени. Ей не хотелось видеть, что произойдет дальше. Черный паук уже здесь, он крадется из мрака, чтобы выпить свою муху. Этот шорох — его осторожные шаги. В темноте мелькнула чернильная клякса.

Рассеянная в воздухе невидимая паутина становилась всё гуще и, нарастая волнами, душила девочку невыносимыми муками. Эра не могла противиться наваждению, уж слишком сильным оно было.

«Не надо, пожалуйста! Пусть черный паук заберет эту девушку, пусть выпьет её, только не заставляйте меня видеть это! Дайте мне уйти!» — думала она не своими мыслями, отползая на четвереньках к песочнице. Послышался сдавленный вздох, и все звуки разом исчезли. Мерзкая тварь, должно быть, подкралась к своей жертве почти вплотную...

Эра, прилагая невероятные усилия, обернулась и посмотрела исподлобья туда, где стояла девушка. Клякса прыгала из одной тьмы в другую так резко, что её очертания смазывались в прыжке и разлетались в стороны полы её темного плаща. Тень, закутанная в плащ, всё-таки пытается подражать людям. Вот уже фигура стояла совсем близко, и жертва не была против его объятий. Она даже не может ужасаться без повеления своего губителя. Клякса сильнее прижала к себе безвольное тело и потащила к сумрачной стене. Теперь только её пижама белела в темно-мокром мраке. Но жертва по-прежнему не пыталась сопротивляться, а лишь равнодушно повисла в чернильных разводах, голова её запрокинулась назад, глаза сомкнулись, а губы еле слышно шептали. Наверное, и сейчас девушка убеждает себя в том, что видит кошмарный сон...

«Это нужно остановить, срочно! Но как? Если я даже не могу подняться на ноги. И где моя коса?», — Эра попыталась встать, но её давило к земле, будто бетонным потолком, даже подняться с колен было невозможно. Выродок велел не мешать ему...

Грязная черная тряпка плотно прижалась к шее жертвы, на светлой коже вспыхнула кровавая запятая...

— Пожалуйста, помоги мне это остановить, — выдавила из себя Эра. — Где ты, черт тебя дернул?!

Девочка с гневом загребла пальцами гнилые листья, и ладони ощутили холодную твердь метала.

Вот что было нужно — только попросить...

Коса лежала прямо перед её глазами и, укрывшись в липовой гнили, блестела серебром в темноте. Коса всегда находится там, где она необходима. За одно мгновение в каждый сустав, клеточку, кровеносный сосуд влилось удивительное легкое чувство. Такое необыкновенно чистое, свежее, словно все тело обновилось за секунду. Мышцы сами по себе напряглись, и Эра, едва не взлетев в воздух, вытянулась в полный рост, соприкасаясь с землей только пальцами ног. Ощущая могущество грозного оружия, девочка стиснула косу в правой руке. Не было больше страха, и никакая сила во Вселенной не смогла бы остановить её порыв. Она была готова разрубить жалкую кляксу на мелкие лоскутки.

— Эй! — крикнула она вглубь двора.

Ни звука в ответ. В том месте, где пару мгновений назад выродок терзал свою жертву, висел лишь мрак. Эра вглядывалась в темноту, но не могла различить фигур. Не теряя даром времени, она сорвалась с места.

В глаза бросилась светлая пижама, уже распростертая на асфальте. Сердце девочки

сжалось от ужаса. Неужели опоздала?! Девушка не шевелилась, глаза её были закрыты, бледные губы сомкнуты... «Нет! Только не это! — Эра склонилась над бесчувственным телом, прижалась ухом к груди — дышит. Девочка резко окинула взглядом двор. По кирпичной стене мельком скользнула черная тряпка — и выродка и след простыл. Сбежала тварь! Струсил!»

— Ты... — неожиданно послышался слабый голос.

Девушка, лежащая на земле, чуть приоткрыла глаза. Эра обхватила её за плечи и посадила. Полуспящая оказалась на удивление легкой и расслабленной.

— Что он с тобой сделал? — стала тормошить её девочка.

— Кто он? — медленно переспросила девушка.

Она часто моргала слипающимися глазами. Едва не погибла, а проснуться так и не потрудилась. На белой шее девушки не было ни кровоподтека, ни следа от укуса, и вообще не было никакого следа. Насколько изворотлива эта тварь, даже следов не оставляет. Даже в памяти...

— Ты живешь тут? — спросила Эра.

Девушка всё так же медленно и меланхолично поглядела по сторонам, а затем кивнула.

— Возвращайся домой, — с откровенным разочарованием проговорила Эра.

Было жаль, не удалось расправиться с адской тварью.

Девушка, проигнорировав протянутую ей руку, сама поднялась на ноги и медленно, не смотря, куда вступает, побрела к двери подъезда. Эра проводила её взглядом. Пусть сегодня злу удалось удрать, но его жертва спасена. Это самое главное.

Глава 9. Чертов коридор

«Погляди-ка, выглядишь значительно бодрее. Говорила же, что сон пойдет на пользу», — торжественно произнесла Инна. Откуда ей было знать, что после ночных приключений Эра так и не смогла сомкнуть глаз. Мучительная усталость и изнурительные попытки заснуть лишили девочку последних сил. Но с наступлением утра на смену усталости пришла вполне ощутимая бодрость. Эра даже решила пойти в школу, несмотря на то, что Инна бы позволила остаться дома.

«Сваришь кофе? Мне сегодня спалось не так сладко, как тебе. Всю ночь кошмары тревожили, даже из постели было вылезать лень», — пожаловалась женщина, однако этим утром она была удивительно свежа и энергична. Эра не спеша просунула ноги в тапочки и молча побрела на кухню. Она молчала не нарочно, ей было неловко не пожелать маме доброго утра, но она не могла вытянуть из себя ни слова. Грустно было на душе по неясной причине, но и искать её не хотелось, да и вообще не хотелось ничего.

Пусть день плывет сам по себе, лишь бы не подпортить мамино радушие своим прокисшим настроением.

За завтраком женщина не раз пыталась раззадорить девочку, то щипая за бок, то растрепывая ей волосы. На эти заигрывания девочка отвечала лишь натянутой улыбкой и снова опускала глаза на клетчатую красно-белую скатерть. «Такая новая, красивая... Как будет нехорошо, если пролить на неё кофе», — думала девочка и сама удивлялась, насколько бессмысленны и непоследовательны её мысли. От чего же такая тоска вдруг? Вчера готовилась умереть, но всё обошлось... Где запропастилась радость каждому мигу спасенной жизни? Эра неожиданно для самой себя клюнула носом в стол. Всё-таки утренняя бодрость оказалась обманчивой. Хорошо, что Инна ничего не заметила.

«Булки-то совсем сухие! Хорошо бы жить поближе к пекарне, каждое утро можно было

бы есть свежие булочки... Говорят, горячий хлеб есть вредно, но я бы сейчас не отказалась от мягкой выпечки. Знаешь что, а не испечь ли мне пирог? Сегодня у меня как раз выходной», — говорила женщина с набитым ртом, на обоих уголках губ повисли крошки от булочек.

Эра снова резко уронила голову на грудь. Утренние сумерки рассеивались, а дремота всё плотнее окутывала девочку.

— Не выспалась? — удивилась Инна.

— Выспалась, просто не до конца проснулась. Умыться надо, — сухо ответила девочка.

Оставив недопитым кофе, она поднялась со стула и напрямик направилась в ванную комнату. Несколько раз плеснула себе в лицо холодной водой, девочке показалось, что смыть наплывающий сон удалось. Однако отражение в зеркале говорило об обратном. Белки глаз были такими воспаленными, будто Эра не спала несколько ночей подряд. Под нижними веками набрякли темные круги. Даже после умывания кожа блестела от жира и имела нездоровый сероватый цвет. «Не начать ли и в правду пользоваться косметикой?» — думала Эра, протирая зеркало от мелких брызг зубной пасты и слюны.

Пока мама копошилась на кухне, девочка оделась в своей комнате. Чувствуя, что опаздывает, она то и дело суетливо поглядывала на настенные часы и тут же забывала, сколько осталось времени до автобуса. «До вечера, мам!» — крикнула Эра, выбегая в прихожую, и к своему удивлению наткнулась на Инну. Женщина стояла перед зеркалом в прихожей, торопливо застегивая пальто:

— Я тебя провожу до школы. Хорошо?

Эра растеряно кивнула.

— Пойдем пешком? — спросила она.

— Боишься, что опоздаешь на занятия?

— Если пойдем быстро, то не опоздаю... А ты сама куда собралась?

Окутывая шею шарфом, женщина повернулась к девочке спиной, а затем снова посмотрела на неё и улыбнулась:

— Просто хочу тебя проводить, прогуляться с тобой.

Эра не была против. Она знала, что маме будет так спокойнее.

Утро, показалось девочке более холодным, чем прошлая ночь. Ветра налетали не так часто, но каждый порыв был сильным. Яростно трепал воротник пальто, взъерошивал волосы и, проникая в уши, свистел там нервной болью. Даже в свете первых лучей солнца двор выглядел мрачнее и угрюмее, чем детская площадка на отшибе города.

Мама и дочь шли рядом, очень близко, иногда даже сталкивались плечами, но не говорили друг другу ни слова. Эра время от времени поглядывала на Инну — та внешне выглядела спокойной, даже слегка веселой.

«Неужели её ни капельки не беспокоит всё это молчание?» — немного раздосадовалась девочка. Эре казалось, что события последних дней сделали расщелину между ней и матерью ещё глубже. Они не то чтобы совсем перестали общаться, но их беседы приобрели символический характер.

Неужели мама не замечает этого? Как вообще можно это терпеть, да ещё и быть в неплохом расположении духа?

И вдруг она поняла: всё это будет продолжаться до тех пор, пока между ними всё снова не станет ясно. Пока в воздухе висят недомолвки, мучительное молчание будет продолжаться. Именно все эти тайны препятствуют им.

«Мама, — собравшись с духом, сказала Эра, когда они спускались вниз по пустынной улице. Инна с готовностью перевела на неё вопросительный взгляд. Девочка почувствовала, как к её лицу приливает кровь, и отвернулась, опустив глаза на грязные подвальные окна жилого дома, расположенные на одном уровне с тротуаром.

— Ты думаешь, я влюблена в кого-то? — спросила она.

Женщина хмыкнула.

— Думала, но потом поняла, что дело совсем не в этом. Ты не похожа на влюбленную, — наконец ответила мама.

Сердце девочки сжалось. Неужели сейчас придется всё рассказать?

— А о чем же ты тогда думаешь?

— Думаю о том, что с тобой происходит.

Эра сбавила шаг.

— И что же?

— Я думаю, что ты сама об этом не знаешь и постоянно спрашиваешь себя: «Почему всё меняется?» Ты, должно быть, постоянно думаешь только об одном, кто ты сейчас: прежняя Ты или уже совсем не Ты...

Девочка взглянула на Инну. Как она была права. Как много она знает о ней, не зная ничего.

— Ну, так я или уже не я? — с какой-то глупой надеждой спросила девочка.

Минуту назад она хотела поведать матери тайну, а теперь сама надеялась услышать от неё ответ.

Женщина взяла девочку за руку. Её ладонь оказалась удивительно теплой.

— Ты просто меняешься, а это всегда болезненный процесс.

— А почему я меняюсь?

— Людям свойственно меняться со временем. В детстве я вела дневники и, перечитывая старые записи, всегда удивлялась, насколько прошлые переживания нелепы, насколько смешны высказывания, и все потому, что я становилась другой. И сейчас в тебе что-то начинает меняться. Может быть, ты взрослеешь... Всё меняется к добру или к худу, или скорее просто к иному.

Эра была немного ошеломлена столь убедительным высказыванием матери. Однако эти слова не могли не оставить сомнений.

— Выходит, я это уже не я? — спросила девочка.

Инна снова улыбнулась.

— Не совсем так. Меняется характер, желания, мировосприятие может поменяться почти всё! Но мы — это всегда мы. Человек меняется, но его не заменяет другой. Понимаешь?

— Теперь понимаю, — Эра тоже улыбнулась, на этот раз искренне и от всей души.

Впервые за всё утро ей стало радостно и легко. Разорванная цепь вновь приобрела недостающее звено, накрепко соединив два любящих сердца. Как безотказно действуют законы этого мира. Там, в иной жизни, у Эры была мать, но матерью она не называлась, не о каких семейных узах в родном мире и речи не было. Вспомнив о Лае, Эра ощутила неприятный укол вины, и глубоко в сердце застучалась чужая ревность. Лаю она тоже любила и сильно тосковала по ней, но теперь она так далеко. Встретятся ли они снова? «Нет. Лучше не вспоминать былую жизнь, пусть всё пережитое останется в прошлом», — решила девочка, однако дно чистого ручья уже было задето, и воду помутили давно осевшие

пески.

— Давай поторопимся, а то опоздаем, — Инна бросила взгляд на свои наручные часики и, ускорив шаг, потянула девочку за собой.

Они быстро обогнули два переулочка и вышли на аллею, сократив путь. Хотя торопиться уже не было смысла — всё равно опоздали. Небо стремительно светлело, теньевые тучи постепенно съеживались и отступали на запад. Даже не глядя на часы, не трудно было понять, что занятия уже начались. Первый звонок звенит ещё до того, как утро станет ясным.

***

К опозданиям в школах относились строго, но Эре это сошло с рук. Она была из старательных учениц, к которым учителя были снисходительны. Тем не менее, девочку в середине урока всё-таки выставили из класса. Бессонная ночь не могла о себе не напомнить. Эра боролась изо всех сил, но не смогла воспрепятствовать монотонному голосу учительницы, что так и убаюкивал её, а деревянная столешница парты показалась мягче подушки.

Учительница пыталась не замечать мирно посвистывающую носом девочку до тех пор, пока на задних партах не послышались осторожные смешки других учениц и тихие перешептывания. Разбудив Эру, учительница попросила ее покинуть класс. Не со зла, а скорее в целях дисциплины. Встрепенувшись, Эра засуетилась, поспешно стерла платком слюну с парты и с виноватым видом вышла в коридор. Теперь не избежать ехидства со стороны одноклассников. Хотя Эру теперь это меньше всего волновало.

В коридоре стояла Айжан. Для неё прогуливать уроки стало делом привычки. Девочка уже не боялась её присутствия и заняла место у подоконника рядом с ней. Просто так, от нечего делать. Айжан стояла неподвижно и не отворачивала головы от окна, то ли любовалась призрачной осенью, то ли следила за движением унылых капель по ту сторону стекла.

— Лерка, — вдруг сказала Айжан. — Дождь падает каплями или льет струей?

— Что?

— С детства мучаюсь этим вопросом.

— Наверное, капает, — ответила Эра с некоторой неуверенностью в голосе.

Айжан, похоже, устала стоять и забралась на подоконник. Некоторое время она молчала, скучая, выскивала катышки на рукавах свитера и безотчетно ела их.

Эре было грустно, но это была сладкая грусть, свойственная людям в непогоду, а Айжан до сих пор прибывала в глубокой скорби, это читалось в её глазах.

«Я в детстве часами могла играть одна. А Сауле не такая. Её избаловали вниманием, — внезапно заговорила Айжан. — Только и слышала от неё: посиди со мной да сходи, посмотри, как я построила... Я очень редко с ней играла. Жалею теперь об этом. Помню только один день, который мы провели вместе. Ещё в родном городе, когда Сауле было шесть лет. Я взяла её на прогулку. Забавно было выполнять её прихоти. Когда мы гуляли по городской площади, она увидела тир и попросила выиграть для неё большого медведя. Для этого нужно было попасть дротиками в воздушные шарики пять раз подряд. Я попробовала два раза, но у меня так и не получилось лопнуть все шарики. В качестве утешительного приза нам дали две маленькие мягкие игрушки — розового котенка с прищуренными глазами и голубую зверушку. Сауле была и этому рада. Потом мы пошли в кафе, я заказала нам по кусочку торта, и, пока мы ждали заказ, сестренка попросила поиграть с ней новыми игрушками. Она дала мне странную зверушку, сказав, что это мышь, а сама взяла котенка.

«Ха-ха, голубая мышь! Я никогда таких не видела» — посмеялась она, а я ответила: — «Странно слышать это от розового котёнка». Мы потом до вечера смеялись над этой глупой шуткой, и Сауле снова и снова просила поиграть так ещё раз...»

Девочка молча слушала одноклассницу, не зная, что ответить. «И зачем я всё это рассказываю? Мне и так грустно, а я вспоминаю сестренку, будто сама хочу, чтобы мне стало ещё хуже». — продолжала одноклассница.

Эра повернулась к Айжан. Взгляды их встретились. «Как мне успокоить тебя? Сказать, что я отомщу за твою сестру? Может, пообещать, что всё будет хорошо или просто обнять?» — мысленно спрашивала Эра, но Айжан не прочитала её мыслей и снова отвернулась к окну.

***

Поздняя осень — задохнувшаяся вязкая серость, зажатая между теплым сентябрем и свежей белой зимой. Рыхлое небо, не пропускающее ни единого луча солнца, холод, оттаявшие после морозной ночи лужи, похожие на прокисший суп с листьями-жиринками, бесконечная туманная дремота — общая для всех.

Ох уж эти вялые бесцветные дни. Может ли в этой непогоде произойти хоть что-то яркое? Найдется ли среди людей чудак, способный влюбиться вопреки серым будням? Или храброе сердце, не лишённое эмоций, отважится на подвиг, преодолевая холодные ветра? Придет ли в светлый разум нечто грандиозное под грохот дождя, заглушающего любые мысли?

Уныло человечеству без солнечного света. Должно быть, жизнь людей была бы лишена всякой радости, спрячась от них солнце навсегда. А ведь ясное утро обещало еще более яркий свет, но с севера напоззли массивные тучи, сделавшие день до занудства скучным, тягучим и безынтересным.

Однако Эру не покидало ощущение, что сегодня она должна встретить знакомого и нужного человека, чье появление будет весьма кстати. Несмотря на ненастье, в послеобеденное время на улицах центра, как и всегда, было много людей. Но лишь на одного человека Эра обратила внимание. Сначала её взгляд притянул ярко-красный зонт, время от времени мелькающий в ленивом строю идущих впереди людей. Этот зонт был слишком большим для столь худощавой фигуры и делал человека в светлой куртке похожим на гриб.

Каждое движение, походка и даже спина этого человека казались знакомыми. Решив, что не стоит придавать этому значения, девочка вспомнила о доме, маме, теплом одеяле и горячем чае. От этих мыслей сырая и скользкая улица показалась ещё противнее. Эра прибавила шаг, но тут в толпе снова замельтешил человек-гриб.

Замешкавшись у светофора, он обернулся, закрыл зонт, чуть прикрывшись ладонью от дождя, воровато оглянулся назад, а затем скользнул в подземный переход. Эра не разглядела его лица, но была уверена, что человек заметил и наверняка узнал её. Недаром же он несколько мгновений вглядывался в её лицо.

Девочка редко пользовалась этим подземным переходом, потому что там всегда было грязно и неприятно пахло. Тем не менее, она, не задумываясь, направилась к темному тоннелю. Возможно, молодой человек с красным зонтом просто так, по обыкновению, свернул в переход. Но что если он ждет там? Было что-то странное в его движениях, будто он подал знак, пытался поманить за собой. Резко перескочив через решетку водяных струй, Эра осторожно зашагала вниз, опасаясь поскользнуться на мокрых ступеньках.

Тоннель оказался практически пустым. Люди, видимо, предпочитали обычную зебру

этой плохо освещенной вонючей подземке. Молодой человек с красным зонтом отыскался сразу. Он стоял посреди тоннеля под запертой в металлическую решетку лампой и курил. Старательно затягивался, мусолил губами фильтр промокшей сигареты и с облегчением выдыхал скудные клубы дыма через нос. При этом молодой человек упорно смотрел себе под ноги, но его напряжение было очевидно. Он ждал, с трудом подавляя желание отвести взгляд от своих ботинок. «Сейчас ещё и сделает вид, что удивлен нашей встрече», — с усмешкой подумала девочка.

Конечно же, это был Максим. Живой, настоящий и, несмотря на небольшую нервозность, сравнительно спокойный. Эра была рада видеть его. Её радовал тот факт, что она не сразу узнала молодого человека в толпе и приняла его за обычного прохожего. Стало быть, он не так ненормален, как показалось на первый взгляд. А самое главное, что парень, наконец, осмелился покинуть своё мрачное жилище и вышел на улицу. Не ее ли эта заслуга?

— Ты куришь? — сразу же поинтересовалась девочка. Она часто забывала, что разговор следует начинать с приветствия.

Максим покосился на неё исподлобья отсутствующим взглядом, затем, прищулив один глаз, крепко затянулся едва тлеющей сигаретой.

— Использую «подарок» на всю катушку, — проговорил он.

Парень бросил окурок себе под ноги, тут же достал пачку из кармана, ловко извлек сигарету, щелкнув пальцем по дну, и снова закурил.

— Подарок?

— Угу, — кивнул Максим.

— Какой подарок?

— Этот, — парень постучал кулаком по груди. — Ты же читала мои записи и, помнится, говорила, что поверила каждому слову.

Эра не понимала, о чем он говорит, однако и не пыталась разобраться. Максим, видимо, из тех людей, которым всё равно, что болтать — лишь бы болтать.

— Погода не самая лучшая, — не задумываясь, ляпнула девочка.

— Точно, — согласился парень. — А если честно, я слонялся по улицам, надеясь встретить тебя.

Эра улыбнулась.

— Так ты знаешь?

— Конечно, я же его чувствую.

Девочка пристально смотрела в лицо парня, надеясь уловить хотя бы тень ответной улыбки, но он оставался холоден.

— Теперь веришь мне? Больше не боишься его? — с надеждой спросила Эра.

Максим бросил на неё уничтожающий взгляд. Нет, он всё ещё напуган.

— Готов забрать свои насмешки назад, ты и вправду не от мира сего. Этой ночью я чувствовал жажду этой твари, должно быть, когда она отправилась за своей жертвой. Затем чувствовал ее раздражение и гнев оттого, что ей не удалось насытиться. Твоего присутствия во всех этих событиях я не ощущал, но не сомневаюсь в том, что это ты сорвала мерзкому выродку охоту.

Эра торжествующе улыбнулась, но на лице парня не дрогнула ни одна мышца.

— Я снова его отыщу, и в следующий раз ему не удастся сбежать, — пообещала девочка.

— Не стоит так обольщаться. Ты не знаешь, насколько сильна эта тварь. Может, у тебя и есть какая-то сила, но с ним тебе не справиться.

Максим бросил ещё один окурок себе под ноги и уже снова потянулся в карман за пачкой, но передумал.

— Эта тварь струсила. Я её здорово напугала!

— Ты его застала врасплох, и он очень зол!

— Глупый, я же пытаюсь тебя защитить! Тебя и других!

— Да послушай ты!

Парень обхватил ладонями плечи Эры и чуть ли не прижался лбом к её лбу. В его круглых глазах возбужденно сверкали искры, но после недолгой паузы он заговорил неожиданно тихо:

— Послушай... Меня уже не спасти, эта тварь сможет убить меня, когда ей вздумается. Меня не спасти, всё уже кончено... Спасись сама, не лезь на рожон. Не хочу, чтобы ты закончила, как и я. Ведь эта тварь тебя не выбирала. Прошу тебя, не губи свою жизнь ради меня.

Девочка высвободила плечи и отступила на пару шагов назад.

— Для этого ты меня искал? Ты хотел сказать мне только это?

— Просто не делай глупостей, — процедил Максим сквозь зубы.

— Прости, но я не могу тебе этого пообещать. Пути назад уже нет. Я не могу это так оставить. И я делаю это не только ради тебя.

Парень лишь покачал головой.

— Максим, я обещаю тебе, всё будет хорошо. Чудовище до тебя не доберется, и все страхи исчезнут. Тебе больше не придется прятаться и бояться, ты вернешься к нормальной жизни, — Эра не знала, как ещё убедить отчаявшегося парня.

— Ты слишком самонадеянна, но мне бы очень хотелось поверить тебе, — ответил Максим.

Девочка просияла, почувствовав, что парень слегка поддался.

— Ну, так поверь! Просто поверь — и всё.

Парень, наконец, улыбнулся, однако его глаза оставались печальными.

— Хорошо, — выдохнул он. — Я буду верить в тебя и молиться за твою жизнь. За свою я уже давно не беспокоюсь.

Эра почувствовала фальшь в его словах. Максим врал, он всё ещё боялся за свою жизнь. Но эта ложь радовала. Этот парень не так пуст и безнадежен, насколько хочет себе казаться.

— А почему ты волнуешься за меня? — сама, не зная зачем, вдруг спросила Эра.

Молодой человек хмыкнул.

— Да кто его знает. Наверное, потому что других людей в моей жизни нет.

Оба замолчали, на несколько мгновений забыв друг о друге. Смотрели в противоположные стороны, и каждый думал о своем.

Низкий потолок вдруг резко захрипел. Парень и девочка одновременно взглянули вверх. Ржавая вентиляционная решетка, задыхаясь в металлическом кашле, исторгала раскаленную духоту, тут же запахло плесенью и давней сыростью труб. Максим отошел в сторону, потянув за рукав Эру.

— Вся промокла, — сказал он. — Почему без зонта ходишь в такую погоду?

Девочка пожала плечами.

— Я из школы иду. Утро дождя не обещало. Да и потом близится пора снегопадов, я не ожидала...

Эра и впрямь вымокла до нитки. Одежда и обувь промокли насквозь, волосы стали

похожи на невыжатую тряпку.

— Жду не дождусь, когда выпадет первый снег. Я очень люблю снегопады. Ни какой-нибудь там мелкий порошок, а знаешь, когда снег падает большими хлопьями. Это невероятно красиво. Скажи, я снова увижу такой снегопад? — с надеждой спросил парень.

— Непременно увидишь!

Максим протянул свой красный зонт-трость девочке.

— Возьми.

— Не нужно.

— Возьми, говорю. Мне он особо не нужен, я все равно никуда не выхожу из дома.

— Спасибо, — сказала Эра, но зонта не взяла, её смущала забота парня. — Я уже промокла, и зонт мне ни к чему.

— Ну, как знаешь.

— Я так и не вернула тебе твой дневник. Жаль, что у меня его нет с собой. Он лежит у меня дома...

Максим равнодушно махнул рукой.

— Выбрось его. Зачем он мне? Там ни одного хорошего воспоминания, сплошной мрак... А ты лучше иди домой, у тебя уже губы синие.

Эра кивнула.

— Тогда пока?

— Пока.

Эра зашагала по переходу, а парень остался стоять на том же месте. Максим провожал её взглядом, она чувствовала это спиной. Девочка уже покинула переход, но её не покидало ощущение, что он всё так же неотрывно смотрит ей вслед. Он стоял в переходе, уставившись вглубь тоннеля, как человек, который вглядывается в темное небо, где мгновение назад скользнула падающая звезда.

***

Шея уже начала затекать, но Эра упрямо смотрела вверх на окна своей квартиры. Она стояла неподвижно, опершись промокнутой туфлей на цветочную клумбу и самозабвенно задрал голову вверх.

Серые окна, омытые дождем, а за ними тепло, сухо, горячий ужин, улыбка мамы, кровать и тихое тиканье настенных часов. Всё то, что так дорого и привычно. Но как это всё далеко и недоступно! Каким огромным и непроницаемым барьером ограждена эта простая идиллия. Казалось бы, нет ничего проще: подняться по ступенькам, открыть дверь своим ключом — и вот она дома, но нет.

Девочку тяготило чувство незаконченных дел. Мерзкая тварь разгуливает по улицам и держит в страхе весь город. Невозможно просто взять и отбросить всё это в сторону, очистить голову от мыслей и как ни в чем не бывало прийти домой, жить спокойно. Не для этого она пересекла леса и реки, не для того карабкалась в горы и снова шла, преодолевая усталость и голод, через реки, леса, скалы, а затем через мертвую пустыню и бросилась в Сквозную Дыру. Нельзя отложить дела на потом. И даже если взвалить этот тяжеленный якорь на плечо, подняться на свой этаж, не выйдет ничего хорошего. И в тепле мысли заставят дрожать, мысли отравят вкусный ужин, исказят мамину улыбку, взбудоражат тишину, а тиканье часов станет мучительным зудом... Мысли, мысли, мысли! Как удары лошадиных копыт, как гигантские валуны, срывающиеся с гор прямо на голову.

Эра искала предлог, чтобы забыть обо всем, вернуться домой, однако ни что не могло

заставить её успокоиться. Нельзя плюнуть на всё, нельзя забыть на время и дожидаться, когда Зло снова даст о себе знать.

Это мерзкое Зло... Настоящее, абсолютное Зло! Существует ли в мире тварь, подобная этой? Свирепый хищный зверь — не зло. Он убивает, но он часть жизнедеятельности Земли. Хищник выводит потомство, а это темное существо только сеет смерть и пустоту. Только ради смерти и только ради пустоты. Быть его в этом мире не должно, и избавить людей от него нужно как можно скорее. Что если чудовище в следующий раз будет готово к появлению Эры? Или вдруг она попросту не успеет спасти следующую жертву? Нельзя расслабляться, нельзя прятать косу в пыльный чулан и спокойно спать. Нужно действовать. Действовать решительно и холодно. Сейчас война — потом мир. Иначе никак.

Эра ещё не была готова, но мысль уже зрела в её голове. Снова и снова ей вспоминалась запись в дневнике о том, как Максим лицом к лицу столкнулся с чудовищем в заброшенной музыкальной школе.

Неудивительно, что выродец избрал это забытое место своим обиталищем. Нужно поймать его там, застать врасплох. А ещё лучше обнаружить спящим, тогда один лишь взмах косы — и всё! Один взмах косы, один удар. Коса без труда втопчет в землю это отродье. Немедленно! Больше оно никого не убьет, больше никого не напугает.

Эра знала, что так просто ничего не бывает, тем не менее, это не притупляло желание попытаться. Девочка помнила, где находится та самая неотремонтированная музыкальная школа. Она проходила мимо неё несколько раз, гуляя по городу.

«А не пойти ли мне туда прямо сейчас? Да, нужно идти. Слишком долго откладывала всё на завтра, ставя под угрозу чужие жизни. Нужно идти прямо сейчас. И пусть победа будет легкой! Пусть праведный взмах косы развеет страхи, пусть отомстит за смерти людей!» — таким было решение Эры. Насквозь промокшая и замершая, она, наконец, оторвала взгляд от своих окон и быстро зашагала обратно, надеясь, что мама не увидит её в окно.

Дряблая серая вата туч лениво переваливалась, старательно выжимая из себя последние капли, кропившие мертвую траву. Неровная аллея невысоких лиственниц обрывалась на половине дорожки, но весь асфальт до самого крыльца заброшенной музыкальной школы был густо усыпан коричневыми иглами. Полосатая красно-белая лента, запрещающая проход, давно разорвалась на две неравные части. Один её конец обреченно утонул в луже, а другой вяло колыхался на ветру. Да и не было необходимости в этой ленте — никто не горел желанием приблизиться к зданию, одетому в зеленую сеть. Люди даже рядом не прохаживались, хотя вряд ли подозревали об обитающей внутри чертовщине. Зеленая фасадная сетка местами провисла, а кое-где сползла и разошлась на швах, оголяя не такие уж плохие стены. Здание, конечно, старое, но не рухлядь, нуждающаяся в капитальном ремонте. Зачем его накрыли этим прорешистым сачком и оставили гнить в ожидании?

А ведь некогда здесь юные виртуозы получали музыкальное образование. Из этих окон доносились протяжные рыдания скрипки, мягкие звуки виолончели и ласковые мелодии флейты. И Максим здесь осваивал фортепиано, как он писал в своем дневнике... А вот и тот самый чернеющий разрыв в фасадной сетке, который упоминался всё в тех же записях. Там во мраке заваленная строительным мусором лестница, выше — длинный коридор с мерцающей лампой...

«Может, там и нет никого?», — внезапно подумала Эра, взглядываясь в темную дыру. Ей трудно было представить, что там внутри действительно могла таиться опасность. Должно

быть, по этой самой причине она не ощущала страха. Ни секунды не колеблясь, девочка пробралась через рваную ткань и оказалась на заляпанном голубиным пометом крыльце перед дверью. Она была не заперта, но тугая проржавевшая пружина едва растягивалась. Понадобилось немало сил, чтобы открыть её. Об этом Максим в своих записях умолчал.

Как только Эра оказалась внутри, пружина захлопнула дверь с такой силой, что с потолка посыпалась штукатурка. Во рту ощущался привкус мела, в легких засел зудящий пыльный воздух. Воняло сырыми тряпками, и всё вокруг казалось таким мерзким, словно не здание, а желудок гигантского кита, где всё сваривается, киснет, всюду течет и капает. Внутри оказалось не слишком темно, и обстановку можно было различить. Здесь был просторный холл до того, как его нагромодили банками с засохшей краской, мешками со строительным мусором, всевозможными досками, трубами, носилками с застывшим цементом и прочим хламом.

Эра шагнула в еще одну дверь. Здесь некогда стояли вешалки, здесь дети оставляли свои куртки и спешили на занятия, а теперь... Теперь валялись обломки стен, под провисшей деревянной сеткой потолка. Здесь, в этих обломках, воняло и гнило кровавое тряпье, торчали обглоданные и раздробленные кости. В углу скалился разбитый череп. Человеческий череп!.. И не детская ли рука бледнела в куче цементной пыли?.. Здесь поселилось нечто ужасное и навело этот чудовищный беспорядок, намусорило останками своих жертв. Оно уволакивало их сюда и прятало среди мусора.

Эра осторожно подобралась к лестнице, подавляя приступ тошноты. Там, наверху, был Максим, и там он столкнулся с отвратительным созданием лицом к лицу. Оно и сейчас там? Дождается свою незваную гостью? «Может, пока не поздно, повернуть назад?» — думала Эра, медленно взбираясь по ступенькам. Она остановилась у темного проема, который, вел в коридор. В проеме чернела крошечная темнота. Ни намек на какое-нибудь там мерцание лампы, которое видел парень, ведомый злой силой. Да и откуда взяться электричеству в заброшенной музыкальной школе?

«Хорошо, что заранее вооружилась фонариком», — Эра вынула из кармана фонарик-брелок для ключей. Он был небольшой, но со своей задачей справлялся неплохо. Девочка даже зажмурилась от яркого света, когда включила его.

«Где же моя коса? Совсем про неё забыла. Она должна быть здесь, ведь она мне нужна сейчас», — поймала себя на мысли Эра. Девочка решительно сделала шаг. Яркий луч устремился вглубь коридора. Вытянув дрожащую руку вперед, Эра еще раз шагнула. Под ногой визгливо скрипнула доска, луч дрогнул, и рассеянный в глубине коридора свет на миг стал сплошным слепящим пятном. В нем резко шевельнулась пугливая тень. Резко бесшумно дернулась и замерла. От неожиданности девочка выронила фонарик и бросилась назад, едва не покотившись кубарем по ступенькам.

«Черт! — задыхаясь от страха, Эра пыталась отыскать глазами своё оружие, но нигде в темноте не было видно серебряного блеска. — Что же делать? Только не бежать! А вдруг показалось? Может, там и нет ничего?».

После недолгих колебаний девочка снова поднялась вверх по ступенькам и выглянула из-за угла. В длинном захлапленном коридоре повисла тишина. Ни единого шороха. Лишь сероватый свет карманного фонарика слегка подрагивал. Девочка была готова упасть в обморок, только бы не возвращаться в тот коридор. Однако она понимала, что придется туда вернуться. Сжавшись от страха, сердце с оглушительной силой ударило кровью в виски. Эра, едва переставляя ноги, ступила на бетонное крошево. Вот на полу лежит фонарик, вот мусор

и грязь, а там, по ту сторону коридора, действительно мельтешит тень! Эра вздрогнула, и сгорбленная фигурка напротив тоже встрепенулась. Жалкий, тонкий силуэт выглядел более напуганным, чем сама девочка.

— Эй! — гаркнула она.

Голос эхом отскочил от стен и снова уступил тишине. Девочка сделала маленький шаг, фигура тоже трусливо шагнула ей навстречу. Не опуская глаз, Эра наклонилась за фонариком, и то, что было по ту сторону, тоже присело на корточки... Эру вдруг осенило. Да это же зеркало! Самое обычное, только очень большое — во всю стену, запыленное, треснувшее пополам черной молнией зеркало! Ей вдруг стало смешно и совестно за свою трусость. Это же надо было испугаться своего отражения!

— Вот я дура! — Эра стукнула себя ладонью по лбу.

Но спустя миг улыбка сползла с её лица. Максим же видел! Он был здесь и видел... Выродка! Он стоял там, напротив! Или может быть?.. Девочка едва не вскрикнула от страшной догадки. Нет, это невозможно! Максим был здесь! Стоял на этом самом месте. И точно так же, как и Эра, видел его! Своё собственное отражение! По ту сторону коридора он видел себя.

Глава 10. Снег

Несколько дней Эра пролежала в полуобморочном состоянии и с высокой температурой. Вовсе не потому, что простудилась, а просто вообразила себя нездоровой. Инна страшно волновалась, не отходила от постели дочери, хотя и понимала, что со здоровьем девочки всё в порядке. Просто что-то без конца тревожит её маленькое сердце и она очень болезненно переживает это.

И что же, в конце концов, переживает Эра? Неразделённую любовь? Осознание несовершенства мира? Разочарование в собственных возможностях? Глупости! Это всё для обычных детей, а Эра — иная. Не какая-нибудь замкнутая чудачка, какой, наверняка, кажется многим окружающим, а совсем другая. Взять хотя бы её невероятные тяготения и способности ко всему: от сложных математических формул до бытовых вещей. И это проявилось с самого начала. В первые несколько дней девочка и словечка не знала, а лишь вопросительно мычала и тыкала пальцем. Многие окружающие предметы были для нее, несомненно, незнакомыми. Вела она себя как младенец, едва научившийся стоять на ногах. Но с какой поразительной быстротой Эра усваивала информацию и также быстро практиковала! Спустя совсем немного времени уже неплохо разговаривала, а ещё чуть позже научилась читать. Так, неожиданно скоро Эра была готова пойти в школу, сразу поразив учителей успеваемостью. Ведь могла же без труда и на пару классов старше учиться, а не с теми, кто выглядит её ровесниками. Почти всё девочке давалось легко. А может быть, в этом и дело? Эра столкнулась с непосильной задачей? Но с какой? Хотя дело наверняка не в этом. Ведь были странности посерьезнее.

Не она ли свалилась с неба, объятая пламенем, а потом вылезла из собственной кожи живая и невредимая? Если это правда, то как объяснить произошедшее? А если такое и впрямь возможно, то строить гипотезы о происходящих изменениях в Эре становится куда труднее. Это уже получится нечто фантастическое, а значит абсурдное. К чему тогда вообще предполагать и угадывать? Видимо, существуют непостижимые для человека вещи. Так пусть тайна останется тайной.

Инна понимала, что разумнее всего сейчас просто быть матерью Эры. Всячески поддерживать, без слез и неприкрытого беспокойства. Собственных эмоций выдавать

нельзя, иначе они тут же будут отражены и утроены и без того страдающим ребенком. Нужно взять часть груза на свои плечи. Так будет правильно. Нужно просто ждать. Когда переживания ослабят свой пыл, тогда и девочка поправится. Снова станет бодрой.

Женщина уронила голову в пустоту и тут же очнулась, пошатнувшись на стуле. Мысли утомили её. Рядом на кровати, всё так же ворочаясь, лежала Эра, надвинув одеяло на нос. В свете настольной лампы её лицо казалось чуть сероватым.

— Ну что же, пора спать. Засиделась я, — Инна, отодвинув в сторону стул, не спеша потянулась к выключателю.

— Оставь свет, я почитаю ещё, — остановила её девочка, не открывая глаз.

— Тебе подать какую-нибудь книжку? — с готовностью спросила женщина.

— Не нужно. Книга у меня под кроватью.

Женщина кивнула.

— Я тебе чаю принесу.

— Лучше какао.

— Хорошо, сейчас сварю.

— Спасибо тебе, мам.

Как только Инна покинула комнату, Эра свесилась с кровати и на ощупь нашарила маленькую записную книжечку в кожаной обложке. Докопаться до истины — вот чего ей сейчас хотелось. Первое желание за несколько дней, первая здравая мысль, первое тяготение к жизни. Нужны ответы. Как так получилось, что Максим и чертово чудовище оказались одним и тем же лицом? Как получилось, что он и не помышлял о демоне внутри себя? Ведь он же не знает! Максим принял своё отражение за иное существо, не касающееся его самого. Чертово зеркало! Это ведь была подсказка, так?

Выродок, живущий внутри молодого человека, пытался дать понять о том, что они сосуществуют. Не поэтому ли оно привело Максима в музыкальную школу? Это заброшенное здание — место, связанное с воспоминаниями его человеческой половины. А он так ничего и не понял! А может, попросту не захотел понять?.. Испугался. Не желал осознавать, что делит одно тело с тем, чего боится до смерти.

Чушь! Выродок не мог просто взять и поселиться в теле самого обычного человека. Должны быть причины, ответы. Нужно прочесть записи от начала и до конца. Что-то было упущено... Эра открыла записную книжку на первой странице и начала читать то, что небрежно пропустила ранее.

15 сентября ... года.

Привет тому, кто это читает. Как ты уже знаешь, моё имя Максим. Мне 16 лет. Сейчас я лежу в госпитале, который находится в центре Москвы, так как серьёзно болен. Я решил завести этот дневник, потому что я настолько одинок, что мне не с кем поделиться своими мыслями.

Я нахожусь в незнакомом мне городе, где среди миллионов людей нет ни одного друга. В палате я не один, но среди этих людей нет ни одного человека, с которым мне бы хотелось побеседовать, рассказать о том, что чувствую. Поэтому я выбрал эту записную книжку в качестве своего друга.

Сейчас уже вечер, становится всё тише и тише. Мои престарелые соседи засыпают. Как же мне надоело эти однообразные вечера, надоела эта палата и шевелящиеся под одеялами контуры тел. Я устал от боли в груди, от капельниц. Это просто невыносимо. Я задыхаюсь в этой больнице, но выбора у меня нет. Эта палата — мой последний приют. Да, да. Совсем

скоро я умру, и в этом нет сомнений. Я смертельно болен. Мне остается лишь смириться с этим и терпеливо доживать свой срок.

Больше и добавить нечего. Даже и не верится, что раньше было всё по-другому. Не было боли в груди, мама была жива. Я жил в своем маленьком городке и думать не мог о череде предстоящих бед.

Будущее казалось мне светлым, многообещающим, и сам я был светел. Я любил свою жизнь, свою семью. Любил свой дом, своих школьных друзей и даже был тайно влюблен в одноклассницу.

Теперь я уже и забыл, как выглядит та девчонка. А о своей влюбленности стал забывать ещё давно. Как только на меня обрушился первый удар, стало не до этих глупостей.

Отчетливо помню тот вечер. Это была среда. По средам я занимался в музыкальной школе. Меня не было дома всего полтора часа, но судьбе этого было достаточно, чтобы забрать мою маму.

Моя бедная мама... Возвращаясь домой, я ещё издали заметил настежь распахнутые окна моей квартиры. Это сразу встревожило меня. У моего подъезда толпились люди. Эти многочисленные скорбящие и любопытные лица, мерцающие в красном свете мигалок машин скорой помощи, пожарных и полиции. Там собрались все соседи.

Я не видел накрытого простыней тела на носилках. К тому времени её уже вынесли и погрузили в машину. Но я сразу почувствовал, что случилось ужасное. Может быть, просто догадался, увидев лицо соседки полное сочувствия. Позже именно она сообщила о трагической гибели мамы.

Она отравилась бытовым газом. Это был несчастный случай. Мать умерла во сне, лежа в кровати. Отец в то время был ещё на работе. Вот так мы и остались с ним вдвоём.

Позже мы переселились в дом за городом. В той квартире нам жить не хотелось. Шли месяцы, а тяжелые воспоминания не хотели меня оставлять. Жизнь казалась мне невыносимо тоскливой. Меня уже не так интересовала музыка и школа. Я был пуст. А потом начались эти колющие боли, кашель и затрудненное дыхание. Медицинский осмотр выявил рак правого легкого. Я не мог поверить словам врачей, требовал повторить диагностику. Это было для меня настоящим кошмаром. Эти страшные слова «бронхогенная карцинома». Ужасные, жестокие слова! Видимо, в тот день, когда смерть явилась в наш дом и забрала мать, она не досчиталась меня и только потом спохватилась.

Но я умирать не хотел. Жажда жить, дышать, чувствовать стала огромной. Как же так? Я не должен был умереть молодым. Это неправильно! Это чертовски неправильно! Ох, как страшно мне было в те часы. Но тогда ситуация была не такой тупиковой, как сейчас. Был выход! И надежда на спасение явилась одновременно со страшным диагнозом. Мой отец похлопал меня по плечу и твердо сказал: «Мы потеряли маму, но гибели единственного сына я не допущу. Ты будешь здоров!». И это были не пустые слова. Мой отец — толковый хирург, главврач больницы в моем родном городе, у него имелись хорошие связи.

Меня отправили в Москву. Не в эту больницу, но в очень похожую. Увы, химиотерапия и ряд других процедур не дали результатов. Врачи говорили, что действовать нужно решительно, пока раковые клетки не поразили второе легкое.

Мне ничего не оставалось, как дать согласие на хирургическое вмешательство. После наркоза я очнулся уже без правого легкого, но с ощущением радости. Эту дрянную опухоль удалили из моего тела! Да, теперь я был неполноценным, во многом ограниченным. Зато я был жив. Люди живут и с одним легким, и с одной почкой, и без половины печени.

Я снова начал ходить в школу. Одноклассники теперь смотрели на меня как на побитую собаку. Но ведь я и был побитой собакой. Тем не менее, во мне тогда ещё были крупницы светлого прошлого меня. Быть может, это было неистовое стремление к жизни.

Побывав на краю пропасти, я вернулся переполненный амбиций и надежд, осознал насколько дорога жизнь как таковая. Вот только радоваться пришлось недолго. Мне был дан всего один год спокойной жизни.

На одном из обследований обнаружили новые проявления моего недуга. Болезнь извернулась и снова проросла. Она тоже стремилась жить, и ей было всё равно, что однажды убьет своего носителя.

Это слово... Метастазы! Гадкие ростки в моем единственном легком! Это означало неминуемую смерть. Опухоль не заставила себя долго ждать. И на этот раз отец не сказал ни слова.

Вот так я оказался тут. Уже три месяца доживаю свои последние дни. И именно в этой проклятой больнице закончится моя очень короткая жизнь. Какая глупая и нелепая смерть!

То и дело меня посещают мысли: почему многие люди умирают, как я, — в муках и так рано?.

Говорят, что каждый умирает так, как этого заслуживает. Но эти слова — грубейшая ложь! Разве заслужил я такой мучительной смерти? Неужели я настолько грешен? Или моя бедная мать получила по заслугам, отравившись газом? А, может быть, двенадцатилетняя девочка совершила столько зла, что из соображений справедливости вчера скончалась на операционном столе?

Всё это ложь! Люди умирают от болезней не потому, что заслужили такой смерти. Эта философия — не что иное, как попытка людей защитить себя от правды: превратить жертву в виновного, оправдать несправедливость мира!

Ведь в этом мире нет никаких правил. Праведник может быть жестоко убит, а его убийца умрет в глубокой старости. Кому как попадет. Смерти всё равно, хороший ты или плохой, и мир — это не то место, где достаточно вести себя хорошо, для того чтобы ничего плохого с тобой не произошло. Увы, люди не способны уберечь самих себя.

28 сентября ... года.

Сегодня снова приезжал мой отец. Каждый раз, когда он навещает меня, я вынимаю дыхательную трубку, чтобы побеседовать с ним. Но мы никогда не разговариваем. Он молчит, потому что ему нечего сказать. А я молчу, чтобы от слабости не начать жаловаться. Однако сегодня я не выдержал и спросил у отца, зачем я лежу в этой больнице? Папа ответил, мол, здесь мне будет не так тяжело. Да, именно так и сказал: «Здесь тебе будет не так тяжело...» — и замолчал. Ему не хотелось произносить вслух слово «умирать». Неужели он и вправду думает, что огромные дозы наркотиков и все эти мучительные процедуры могут облегчить мои страдания?

В коридоре послышались шаги. Эра тут же захлопнула записную книжку и спрятала под одеяло.

— Как самочувствие? — спросила Инна, протягивая кружку девочке.

— Завтра пойду в школу, — ответила Эра, — надоело болеть.

— Ну, дело твоё.

Девочка отхлебнула и поставила кружку рядом на столик. Женщина ещё недолго постояла в дверях и ушла, как только убедилась, что её дочери больше ничего не нужно. Эра вынула из-под одеяла дневник. Из прочитанного ею было ясно далеко не всё.

Максиму, в самом деле, пришлось нелегко ещё до того, как началось всё это. Его мама погибла, сам он едва не умер от рака. И всё же парню как-то удалось остаться в живых. Ведь сейчас он здоров, не так ли?

Эра вспомнила, как Максим, затягиваясь сигаретой, заявил о полученном подарке. Вот что он имел в виду! Легкие! Если верить дневнику, одно легкое ему удалили, другое поразили метастазы. А теперь будто ничего и не было. Как такое возможно? Ему сделали операцию? Не заключил же он сделку с дьяволом, в конце концов? Очень на то похоже, но ведь так не бывает... Девочка нашла страницу, на которой остановилась и продолжила читать.

7 октября ... года.

В этот раз я открыл дневник, чтобы высказаться о своей боли. Мне больно физически и больно на душе. И я могу сказать точно, что два этих явления имеют различную природу и не подлежат сравнению, что бы там ни говорили философы. Жить с воспоминаниями о погибшей маме было тяжело, но возможно. А вот примириться с этой колкой агонией нельзя. Но всё же душевная и физическая боль имеют некоторые связывающие их ниточки. Ведь именно этот страшный рак делает меня таким несчастным. Невыносимые боли влияют на моё душевное состояние, меняют мой характер, превращают в чудовище и морального уroda.

Как ошибочно люди считают, что настрадавшийся человек всё равно что сострадающий. Это большая ошибка! Невыносимые муки превратили меня в нервного, вспыльчивого, озлобленного монстра. Злого на медсестер, которые ставят капельницы мимо вены, безразличных врачей и на весь людской род. Разве я раньше был таким психопатом? Я ведь был добрым мальчишкой.

Теперь моё тело похоже на сухофрукты. Эти тонкие пальцы, впалые глаза, лысая голова похожая на шар. Точно гуманоид какой-то. И в этом исхудавшем теле уже почти не осталось души. Разве мог тот светлый, жизнерадостный мальчишка пожелать людям зла? Да, да, именно эта мысль заиграла огнем, когда по небу пронеслась серебряная точка...

Полчаса назад я поднялся с кровати, хотя мне запрещают делать это. Мне просто хотелось в последний раз выглянуть в окно. Ведь, скорее всего, в ближайшие два-три дня меня не станет. Придерживая капельницу, я подковылял к окну, заваренному решеткой, вероятно для того, чтобы умирающие в приступе отчаянья не попытались прыгнуть с высоты. Жаль, что мне не удалось отчетливо разглядеть вечерний пейзаж. Мешали отсвечивающие лампы, и собственное уродливое отражение застило мне вид. Плотнo прижавшись лицом к решетке, я сумел разглядеть лишь суетливые огоньки машин, ровный свет оранжевых фонарей и маленькие искорки звезд. Горстка огоньков — единственное, что я мог увидеть. И я смотрел на них как загипнотизированный, представляя себе толпы людей, мчащихся в этом быстром потоке. Таких здоровых, полноценных людей, таких забывших о своем здоровье и полноценности, забывших о своей смертности. Они ведь и вправду были там — за окном, за чертой боли и несчастья. Настоящей боли! Настоящего несчастья! Они были там в каждом уголке этого огромного сверкающего мира. И в этот момент я почувствовал глубокую обиду. Я был обижен на всех, кто там за окном. Злился на людей, которых не видел, а лишь воображал. Я обижался на придуманного карапуза, реющего из-за разбитой коленки. Я обижался на симпатичную девушку, которая комплексовала из-за прыщика на лбу. Негодовал, воображая не такого уж и дряхлого старика, решившего, что его жизнь уже прожита. Эти придуманные люди издевались надо мной своим плачем от

незначительной боли, своим несуществующим уродством, своим пренебрежением к жизни. Это была злоба! Нет! Ярость!

И вдруг среди белых искорок звезд пронеслась серебристая линия. Я увидел, как упала звезда. Настоящее чудо! А люди-то, наверное, в суете и не заметили её. Моё сердце затрепетало от волнения, словно я был уверен в неопровержимости исполнения всего, чего бы ни пожелалось мне.

Но чего пожелать страдающему смертельной болезнью человеку? Скорой и безболезненной смерти, думаете вы? Я бы и сам так думал, но, как оказалось, это ещё одна ложь, которая бытует среди людей.

Моё трепещущее сердце не желало умирать в одиночку, ему хотелось, чтобы весь мир сгинул вместе с ним. Я мысленно прихлопнул карапуза с разбитой коленкой, девушку, спрятавшую в челке свой прыщ, и печального старика как жалких насекомых.

Почувствовав, что меня удовлетворяют эти ядовитые мысли о кровавой мести, мне сделалось дурно. Почему я так озлоблен на таких же невинных, как и я? Неужели я так и умру с этой злобой в сердце? Эх, если бы мне сейчас снова увидеть ту звезду, я бы пожелал умереть, сохранив хотя бы крохотную частичку того светлого ребенка, каким был раньше.

Эра ненадолго оторвалась от чтения. Выискивать в записях, переполненных страданиями, только ответы на интересующие вопросы, показалось ей невежеством. Холодно бороздить неровные строки, не проникаясь сочувствием, было кощунством. Несколько минут девочка отрешенно пялилась на чуть пожелтевшие страницы. Повторяя про себя только что прочитанные слова, дабы не обделить Максима сочувствием.

Иначе не хорошо. Эти записи и впрямь принадлежат человеку! Измученному, слегка озлобленному, но человеку! Ничего общего с тем кровожадным чудовищем. Он не псих и не маньяк. Та злая сила, что живет в нем, полностью им манипулирует, и зародилась она неспроста. Но как? Только потому, что Максим на миг пожелал этого? Из-за мимолетной мысли, по велению падающей звезды? Звезды?..

Инна всегда связывала встречу с Эрой с еще одним событием, произошедшим в тот день, — она увидела яркую серебристую линию в небе. Стало быть, и Максим в тот вечер увидел сверкание лезвия косы... Не обладает ли сияние оружия силой, способной выполнять желания?.. К черту! Нужно читать дальше. Между последней прочитанной заметкой и следующей был разрыв почти в месяц.

3 ноября ... года.

Я по-прежнему в растерянности. И каждый раз, просыпаясь утром, не верю глазам своим, а засыпая, боюсь снова очнуться в больничной палате. Боюсь, что растает всё это чудо как первый снег. Но нет — я жив! По-настоящему жив!

Дышу полной грудью, не испытывая боли, а в зеркале вижу себя. Не того худощавого лысого изъеденного уродца, а настоящего себя. Своё лицо. Когда в первый раз глянул в зеркало, так и зарыдал. Не поверил. Думал, меня обманывают глаза. Рассудок уже от отчаянья перекосялся. Не должен я сейчас быть дома, живой, здоровый, со своим лицом, а умирать в больнице или уже быть мертвым — вот о чем я тогда думал, глядя в зеркало.

И отец был таким же испуганным и озадаченным, словно и не его заслугой было моё спасение. Сколько дней в страхе прожил. И этот страх был сильнее ужаса смерти. Теперь было за что бояться. Что там говорить — и сейчас боюсь. Думаю, отнимут мою жизнь. Дали в руках подержать и назад заберут...

Но сейчас-то все на месте. Всё хорошо, ровно. Даже подчас забывать стал о подаренном

здоровье, а как забудусь, так и пугаюсь. Боюсь зазеваюсь, а смерть — хватъ и вырвет мои новенькие легкие. Снова подступит, снова начнет дышать угрозой. Поскорей бы забыть обо всем. Ведь в том-то и прелесть жизни, чтобы никогда не думать о гибели. Вот и сейчас почти начал забывать. А ведь совсем недавно готовился умирать. Как вспомню ту ночь, всё кажется неправдой.

Ближе к утру задремал на своей больничной койке. И тут чувствую, как трясут меня огромные руки. Глаза еле-еле открываю — рядом стоит отец. Весь запыхавшийся, взмокший. Трясет меня, что есть силы: «Не спи сынок, домой поедem. Сейчас же поедem, немедленно! Я авторитетом своим надавил, выпишут тебя. Сейчас же в машину — и домой. Ты держись только». А я головой киваю, мне уже всё равно было. Всё мне стало безразлично. И где умирать тоже.

До родного города далеко, но доехали мы быстро. Я, конечно же, всю дорогу ни жив ни мертв лежал, а отец знай крутил руль да бормотал себе под нос что-то про последний шанс. В дом внес меня на руках. Я тогда легкий был, ссохшийся, со мной бы и ребенок, наверное, справился. Плохо помню, как всё происходило. Слаб я тогда был, а быть может, и умирал уже.

Чувствую, лежу на жестком столе. Приоткрыл глаза, а мне в лицо бил свет лампы, да и тот мне тусклым казался. Узнаю подвал загородного дома. И отец рядом суетится, натягивает резиновые перчатки. Заглядывает он мне вдруг в лицо и говорит:

— Есть надежда, сынок! Есть! Может, и спасу тебя. Вдруг получится! Но если не выйдет, то давай сейчас попрощаемся, снова тебя будить уже не стану.

Я киваю одними глазами. А сам думаю: «Спятил он. Куда меня спасать, я ведь уже полумертвый. И легкое пересадишь — не поможет. Рак уже весь организм съедать начал». Даже будучи при смерти, ни единому слову не поверил. Не хотелось больше себя тешить надеждами. Надоело! Дороже обходится.

Отец брызнул шприцом в воздух, кольнул мне руку. Я и не почувствовал, а веки уже слипаются. Засыпаю. В последний момент вижу, папа какой-то пакетик вертит в руках, никак и вправду легкое мне хочет пересадить... Нет, не легкое это было, что-то маленькое. С кулачек размером, черное. И как мне тогда показалось, пульсирующее. Потом всё. Закрыл глаза. Последнее, что слышал, как отец инструментами лязгал.

После всего этого произошло нечто невероятное. Скорее даже фантастическое! Я проснулся. Не очнулся от боли, спугнувшей дремоту, как давно привык, а именно проснулся. Медленно выплыл из сна, как из ласковых теплых вод. Проснулся на кровати. Дома. В светлой комнате на втором этаже. Лежу и не могу понять, что происходит. Дышу вроде. Без боли дышу, без затруднений. Ощущаю, как грудь наполняется воздухом, натягивается, как барабан. Я уже и забыл об этом ощущении полноты, упругой легкости.

Сперва аккуратно дышал. С опаской. Боялся, сейчас вздохну поглубже — и зайдусь мучительным кровавым кашлем. Да нет, дышится ровно. Легкие без труда растягиваются. Легкие! Оба!

Знаю, что такого быть не может, но лежу и ощущаю. Всё на месте, как когда-то давно было! Не верю своим ощущениям. Ложь! Обман! Попробовал подняться — вот чудо! Отрываю голову от подушки — ничего не болит, не ноет. Как будто я и боли не знал.

Встал, иду. Что же это?! Подобрался к зеркалу... Вот тут я и зарыдал. Всё в секунду вернулось. Уж не сплю ли я? Вылечил меня отец! Вылечил! Но как? На мои вопросы он не отвечал. Всё помалкивал. А потом, устав от моих расспросов, все-таки отмахнулся, мол,

придумал одно средство. В это я, конечно же, не поверил. Папа мой хороший врач, но чтобы он да придумал панацею... Нет, я не дурачок. И что же он своё средство миру не подарит? Таким же больным, умирающим, каким был я? Ведь это же важнейшее достижение в медицине. А отец и не хвастается, на работу не ходит, носа из дому не показывает, будто боится.

Всё только вокруг меня крутится, изучает. А недавно решил я прогуляться по городу. Но отец не пустил. Преградил мне дорогу у двери. Точно взбесился.

Тогда я и потребовал немедленных ответов. Долго он отпирался. Немалую настойчивость пришлось проявить. В конце концов сдался. Вздыхнул тяжело и поведал мне свою тайну.

Ещё менее правдоподобную, чем так незамысловатая сказка о чудесном открытии, но в эту историю я поверил. Не стал бы мой скептик-отец выдумывать всю эту мистику. У меня была причина поверить в рассказанную им небылицу, ведь я тоже видел падающую звезду...

«В тот вечер я был на работе, мне предстояла ночная смена, и я сидел запершись в своём кабинете с выключенным светом. Так вот, сидя в темноте, я пытался отделаться от тоскливых мыслей. Но я не мог. Меня постоянно терзало чувство вины. Ведь я отправил тебя в госпиталь вовсе не потому, что там будет лучше... Поверь, наши врачи тоже способны ухаживать за безнадежно больными. Просто я не хотел видеть, как ты страдаешь, поэтому я просто избавился от тебя.

Ужасный поступок с моей стороны... Просто чудовищный! За это я себя ненавижу. И ещё больше я ненавижу себя за то, что ничего не могу изменить. Совсем ничего... Что может быть хуже, чем пережить своего ребенка?

Тогда, сидя в кресле перед окном, мне вдруг подумалось: «А что если бы был хоть один шанс спасти тебя?». Меня уже давно не посещали такие мысли. В чудеса я не верил и в столь безнадежной ситуации мог желать тебе только поскорее упокоиться. Но в эту минуту мне вдруг захотелось помечтать. Я представил тебя здоровым, полным сил, таким живым и свежим. Был бы шанс снова сделать тебя таким, я бы ничего ради этого не пожалел. Был бы только шанс!

И вдруг за окном через всё темное небо пронеслась светящаяся точка, — рассказывал отец. — Это явление падающей звездой называется. На самом-то деле это, конечно, никакие не звезды, а маленькие такие метеориты, со спичечную головку размером. Вспыхивают из-за трения в атмосфере и сгорают, не долетая до Земли... Ох, о чем это я? Конечно же, я в подобные суеверия не верил, и мне бы в голову не пришло загадать желание при виде пылающего метеорита. Что может быть глупее? Но тем вечером я буквально сошел с ума. Казалось бы, что тут особенного — блеснула искорка в небе? Но нет! Мне захотелось немедленно желать и верить в чудеса, лишь бы это обещало твоё спасение. Я был готов вскочить с кресла, распахнуть окно настежь и закричать во всё горло: «Пусть Максим будет здоров! Пусть свершится чудо!».

И тут и вправду начало твориться поистине невероятное. Не прошло и часа, как в клинику доставили пациента в якобы очень тяжелом состоянии. Но, как выяснилось позже, это мнение было предвзятым...

Ни с чем подобным раньше я не имел дела. Передо мной на столе лежало полностью обугленное тело. С ног до головы сплошная обгоревшая головешка. Но оно дышало! Дышало ровно, не билось в агонии и совсем не собиралось умирать. Человек ли это был? Маленькое существо. Ребенок. Девочка... Зверски изувеченная, закопченная до мяса, все кости

раздроблены, но живет! Можешь себе представить? Я понятия не имел, как ей помочь. Казалось, в этом не было необходимости. Проверил пульс — нормальный, температура невысокая. Как такое возможно? А тут ещё, представляешь, регенерация началась. Знаешь что это такое?.. У неё пальцев на руках не хватало — двух на правой руке и трех на левой. То ли сгорели, то ли отрезаны были. Однако новые растут! Веришь? Да так быстро! Некоторые участки кожи маленькими островками уже были не черные, а коричневые. Клетки, испепеленные в золу, черт их возьми, восстанавливались. Быть этого не может! Процесс-то необратимый! А это существо знай заживает, поплеывая на законы природы.

Молоденькая медсестричка сквозь стекло в двери поглядывает. Видит, как я удивлен. Боится в операционную зайти. Вдруг меня осенило. Вот оно чудо! Вот он шанс! Сам не ведаю, что творю: вскрываю грудную клетку этому существу прямо заживо, отсекаю кусочек легкого. Едва руку вынул, разрез тут же затянулся. И штопать не надо.

Так и оставил этого ребенка на столе. Всё бросил и убежал. Не до сенсаций было. Тебя побежал спасать. Медсестричке сказал, что взял образец, исследовать побегу, а сам за руль — и к тебе. Больше я на работе не появлялся. И о чем я думал тогда? С чего взял, что если этот кусочек плоти в тебя вошью, появится надежда? Бред! Но помогло же!

Приросло к твоему больному легкому, как к родному. Идеально прижился без отторжения тканей. Можешь мне поверить: зажило твоё легкое и второе выросло! Чудеса. Никак ангел ко мне тогда явился. И что с ней теперь, с той девочкой? Наверное, сейчас ученые на ушах стоят. А я в клинику больше не сунусь, и ты не ходи никуда. О чудесах молчать надо. Хрупкие они».

Эта история мне, конечно же, показалась невероятной, но, думается мне, всё так оно и было. Только вот для чего подарили мне жизнь? Ведь ничего просто так не дают. Выходит, существуют правила. Или я был спасен случайно? И в планы того ангела или инопланетянина не входило моё спасение? Что теперь? Что дальше?

Эру бросило в жар. В глазах защипало, и девочка стиснула зубы от злости. Она злилась на саму себя.

«Так это всё моя вина!!! Из-за меня зло смогло материализоваться и окрепнуть. Я ему в этом помогла! Это из-за меня погибли люди!».

Девочке хотелось закрыть и бросить записную книжку в угол, но пальцы только крепче сжали обложку, а глаза настойчиво буравили строки.

19 ноября ... года.

Моего отца больше нет. Он обезумел и, должно быть, покончил с собой. Я этого не знаю. Несколько дней назад рано утром папа уехал на своей машине в неизвестном направлении. Мне он оставил только записку: «Смерть не прощает долгов». Прицепил к холодильнику и уехал. Не знаю, где он сейчас. Может быть, бросился в реку с моста. Я знаю, что он помышлял об этом. В последние дни он вел себя как сумасшедший.

А что теперь остается мне? Теперь, когда я остался совсем один? Запереться в этом доме и жить втайне от всех? Делать вид, что меня не существует? Сидеть взаперти, прятаться от смерти? Ведь она долгов не прощает...

***

Эра знала, что происходящее нереально, однако всё вокруг выглядело вполне естественным. Она видела весенний дождь. Знала, что он первый после долгой, казалось бы, бесконечной зимы. Холодной, ветреной, серой, жутко надоевшей зимы. И вспомнить-то нечего, кроме этих ледяных ветров.

Пусть же дождь смоем остатки грязного снега, пусть растопит черные ледяные комья. Но когда успела пройти зима? Как пронеслись несколько зим разом?.. Хорошо, что пошел дождь, только вот переждать бы его где-нибудь.

Эре было семнадцать лет. Она ковыляла быстрыми неуклюжими шагами. Бежать с громоздким футляром было не очень удобно.

Не упасть бы, не поскользнуться, иначе конец хрупкому инструменту. От мамы тогда влетит, мало не покажется.

На мокром асфальте блестели и расплзались по всей парковой дорожке огни рано вспыхнувших фонарей. Сверху разносился глухой шум дождя в ветвях деревьев. Юная девушка замедлила шаг и медленно поплелась к деревянной веранде.

Что толку бежать? Вся мокрая как мышь. И угораздило же идти через парк. Нужно было срезать, пройти дворами, тогда бы уже была дома.

Следом за Эрой шел ещё кто-то. Очевидно, тоже намереваясь спрятаться под козырьком веранды. Эра оглянулась. Сзади след в след шла девушка в блестящем прозрачном дождевике.

— Здравствуй, — с улыбкой сказала она.

— Привет, — откликнулась Эра, уже повернувшись к ней спиной.

Веранда была уже близко.

— Что у тебя там? — спросила спутница, пихнув бедром футляр. — Этот... Как его? Контрабас?

— Издеваешься? Виолончель это, — ответила юная девушка.

— Ого! Занимаешься?

Эра не ответила. Она пыталась понять, как такое возможно. Должно быть, девушка в дождевике виновна в происходящем. Она однажды говорила, что существует вне времени и не способна в нем ориентироваться, вот и явила на этот раз событие, до которого было ещё далеко. Обе девушки укрылись под крышей. Повисло молчание, а шум дождя становился всё напористей.

— Я очень рада тебя видеть, Лая, — вполголоса сказала Эра. — Скучала по тебе и ещё буду скучать.

— Вспомнила наконец! — Лая улыбнулась.

Эра даже захотела обнять свою родительницу, но не знала, возможно ли это сделать. Ведь всё вокруг ненастоящее...

— Зачем ты пришла?

— Как всегда. Просто повидать тебя.

Обе девушки снова замолчали. Сумерки сгущались на глазах, и казалось, будто фонари становятся ярче. Под крышей на веранде стало совсем темно.

— Ты зря переживаешь, Эра. Ты ведь молодец, справилась! — снова заговорила Лая.

Её рука мягко коснулась плеча девочки.

— Хочешь меня утешить? — вздохнула Эра. — Да уж, справилась... Я с самого начала всё провалила! Не обронила бы косу, когда падала, никто бы не пострадал. Я же ведь помогла злу окрепнуть, да ещё и в теле невинного! Растяпа я! Столько дров наломала. Дура!

Лая строго фыркнула. Видимо, она была очень недовольна суждениями Эры.

— Глупая. Ничего ты не поняла. Всё было так, как должно было быть. Это закон природы. Ты пришла на Землю помочь людям, и на Земле тут же зародилось то, что тебе противоположно. Организм всегда сначала пытается отторгнуть лекарство. Как инородное

тело. Да и потом вся эта гадость должна была материализоваться, ей не случайно была дана такая возможность. Чтобы эти все обиды, злоба, ненависть в одном месте сосредоточились — и их одним махом. Понимаешь?

— А парень-то тут причем?

— Сосуд.

Эра сердито сплюнула.

— Помойное ведро, значит. Весь мусор нужно куда-то вывалить, прежде чем сжечь, и безнадежно больной парень тут как нельзя кстати?

— Перестань! — вспыхнула Лая. В эту минуту она, наверное, тоже тряслась от негодования, но её лицо было не разглядеть в потемках.

— А другие погибшие от рук этой гадости? Просто так, да?

Темнота тяжело вздохнула.

— Увы. Мусор надо вовремя сжигать, а то загниет, крысы заведутся, кусаться начнут, заразу сеять.

— Видишь! Это моя вина. Я промедлила!

— Да не вини ты себя. О другом подумай, — голос Лаи стал тихим и спокойным.

Дождь закончился так же резко, как и начался.

Эра вышла из-под крыши, а девушка осталась стоять в тени...

— И о чем же мне подумать? — спросила она уже на ходу, спохватившись, что Лая не преследует её, а всё ещё стоит под крышей веранды.

— Ты слишком долго земной девочкой была. Обросла привычками, и многое людское тебе дорого. Эра, ты уже больше простая земная девочка, чем воин, которым хотела быть. Так вот и поразмысли, где твоя цель, а где всё остальное, — прокричала девушка в ответ. — Просто подумай. Не забывай, что впереди ещё много дел предстоит. Не в последний раз ты столкнулась со злом.

— Одно другому не мешает, Лая, — ответила Эра и зашагала прочь.

Ей хотелось остаться здесь, в этом только предстоящем событии, где уже всё позади, но ноги велели покинуть тёплый сон.

«Как хочется ещё немного побыть с Лаей. Надеюсь, я ещё её встречу», — думала Эра, но она шагала быстро, не глядя под ноги, наступая в чавкающие грязью лужи, лишь бы поскорее уйти с глаз девушки в дождевике. Обратившись в свою постель, в своё маленькое тело и в свою осень, где ещё ничего не закончено. Не уверена Эра была в том, что сказала родительнице перед расставанием. Совсем не уверена.

***

Ток жизни двинулся по привычному маршруту. Осела пыль, и разгром стал порядком. Снова школа, недосып, домашние задания, тихие темные вечера, ужин, компьютер и снова школа. Дни уже почти стали рутинными. И было что-то в этом приятное, похожее на неспешное течение вечности в родном мире, где один день похож на другой. Только одно разрушало эту гармонию. Осознание того, что впереди предстоит неприятная встреча. Эра боялась. Старалась не думать, но знала: независимо от её желаний этот день придет. Девочка боялась случайно наткнуться взглядом на знакомую фигуру, увидеть тот ярко-красный зонт. Даже в те дни, когда дожди отступили.

И это случилось. Случилось в тот день, когда повалил снег. Первый настоящий снегопад. Не мелкое ледяное крошево, а большие хлопья. В считанные часы липкая белая пелена застелила обмороженную траву, гнилые листья, укрыла лоскутками автомобили,

скамейки, слегка присыпались пушком голые деревья. Нетронутыми остались лишь протоптанные разрезы тропинок, шоссе и неуклюжие прорехи вокруг канализационных люков. Снег валил густо, как перья из вспоротой подушки, оседал, чуть подтаивал и снова сыпался.

Это был чудесный пятничный вечер. Эра не спеша возвращалась домой. С мокрых от снега волос по лицу стекали маленькие холодные ручейки. Девочка запоздало накинула на голову капюшон, но он уже был полон снега.

«Должно быть, мы встретимся сегодня», — решила она. Маленькие перемены иногда обещают таинственные и, скорее всего, опасные события. Девочка остановилась в запустелом дворе и огляделась, ожидая увидеть кого-нибудь поблизости. В густом снегопаде лениво плелись серые силуэты, но не рядом, а поодаль, будто за невидимой чертой, за белыми кулисами. Они были ни при чем. Это персонажи других пьес. Где же тогда искать его?

— Где ты? — будто нечаянно воскликнула Эра. Собственный крик, рассеявшийся в ватной тишине, показался глухим и бессмысленным, как зов одинокого дельфина в бескрайнем океане. — Максим!

Девочка чувствовала его присутствие. Возможно, сейчас он даже видит её. Вокруг никого. Окна семиэтажек пусты: нигде даже не шевелятся занавески, никто не любит снежком из окна, никому нет дела. Но один единственный взгляд чувствовался почти так же, как прикосновение.

Откуда он? Из сумеречной арки? Там есть кто-то! Нет, не Максим. Просто прохожий... Ему тоже нет дела. Из узкой улицы за углом? Там совсем пусто, только два мусорных бака. Что это у заснеженной клумбы торчит из грязного месива? Обрывок красной ткани. Зонт! Сломанный, потрепанный ярко-красный зонт! Высовывался из грязной лужи жирной стрелкой, указывая вверх. Вот он — знак! Острый конец оголенного металлического скелета указывал на крышу посеревшей семиэтажки.

Эра поглядела вверх. Снег валит — не разглядеть. Но он там! Дверь ближнего подъезда приоткрыта. Как удачно. Прямо за дверью, спрятавшись в углу, девочку дожидалась коса.

И что же сейчас будет? Парень одержим, значит, кинется... Что же, пусть так. Бой будет недолгим. Выродок уже почувствовал, что я близко.

Тихий подъезд. Нет даже мокрых следов на ступеньках. Словно нежилой. Лифт не работает. Плевать. Так даже лучше.

Девочка не спеша поднималась по ступенькам, стараясь идти как можно тише. Вот и последний этаж. Дальше пожарная лестница. Люк открыт. Всё открыто, никаких препятствий. Он ждет. Как жаль, что нельзя взбираться по перекладинам, держа оружие наготове. Как только голова покажется из люка, тут же выродок вгрызется в горло. Он хитер. Нельзя его недооценивать.

Ну, была не была! Эра вскарабкалась по лестнице так же быстро, как кошка выпрыгивает на дерево.

— Ну, где ты?! — крикнула она, как только выпрыгнула из люка.

Лезвие грозно блеснуло, готовясь принять бой. Даже снег не осмеливался падать на его серебряную гладь.

— Эй, где ты? — закричала Эра, метая взгляд по сторонам.

Откуда ждать нападения?

Тишина. Только тихое похрустывание снега под сапогами.

— Пришла, — тихо сказал Максим.

Он сидел на самом краю крыши у бортика. Девочка сделала резкий скачок и оказалась в двух метрах от парня, резко замахнулась. Пусть только попробует пошевелиться — коса вмиг обрушит свою силу!

Максим стянул с головы капюшон и взглянул на девочку. Это было его лицо, человеческое. Его взгляд не выражал ненависти и вражды тоже, даже страха не было. Большие человеческие глаза. И в них ничего кроме боли. Взгляд бродячей собаки.

Лжет? Пытается расслабить и тут же напасть? Притворяется спокойным?

Нет. Эра бы это почувствовала.

Парень в самом деле не собирался нападать. Он не был опасен, и та тварь им не манипулировала.

Поняв это, девочка ослабила напряжение и, взяв косу в правую руку, оперлась на неё, как на трость.

— Снег, — всё так же тихо проговорил Максим. — Я дождался его.

Девочка опустила глаза, парень тоже уже не смотрел в её сторону.

— Ты всё знаешь? — спросила Эра.

— Догадывался, — ответил Максим. — С самого начала догадывался. А то думаешь, я не замечал, что в моих снах эта проклятая тень всегда ползет у меня под ногами? Не сны это вовсе были... Потом, когда ты появилась впервые, то узнал точно. Это существо внутри меня от тебя так и сотрясается. Готово скулить, поджав хвост. Чертова гадость... Он вдруг усмехнулся. Снег уже успел припорошить его непокрытую голову.

Эра вдруг прониклась раскаянием, ей захотелось немедленно признаться во всем Максиму.

— А ты знаешь, это ведь всё из-за меня! Если бы твой отец тогда не зашил в тебя моё...

— Не из-за тебя. Ты тут ни при чем. Это судьба, — перебил её парень. — И она играет на стороне света. Так должно было случиться. Во благо.

— Да о чем ты?!

— Сейчас не понимаешь — потом поймешь. Так должно было быть, я теперь это точно знаю.

Эра молчала. Максим тоже. Его, похоже, ничего не беспокоило, он просто любовался снегопадом. Ему, наверное, хотелось раствориться и самому стать частью этого чуда.

— Как красиво падает снег.

— Мы будем драться, — прошептала девочка.

Парень рассмеялся. Ему в самом деле было смешно.

— Ты серьезно? Всё ведь уже кончено! Всё! Конец игры. Ты всё знаешь и теперь...

— Что теперь?

— Я тебе в этом не советчик. Да и сама знать должна.

Эра не могла оторвать взгляда от лица Максима. Какие у него глаза! Чистые, глубокие.

Он не хотел творить зло, но однажды обиделся и пожелал людям недоброго и теперь вынужден подчиняться этому злу. Но есть ещё свет в его душе! Не до конца мрак вытеснил его. Этим светом зло и прикрывается, как щитом от косы. Лживое, хитрое, изворотливое.

— Эра, — Максим произнес её имя так мягко, будто с сочувствием. — Тебе тяжело сейчас?

Девочка не ответила.

Ещё бы не тяжело! На душе было бы легче, попробайся он хоть как-нибудь бороться,

набрасывался бы, пытаясь добраться зубами до горла. Тогда бы Эра запросто его зарубила без угрызений совести, просто на автомате. Возможно, Максим сейчас жалеет, что не поступил именно так. Хотя, нет. Вряд ли он жалеет. Он ведь просто хотел поговорить.

— А там, откуда ты пришла, бывают такие снегопады? Там, наверное, у вас всё по-другому. Вот много лет назад... Я ещё тогда совсем ребенком был. Отец, мать были живы. Все были живы. Мы к бабушке в гости приехали. Дело было перед Новым годом. И вот в тот день точно так же, как сейчас, шел снег. Как сейчас помню, я перед окном сижу и...

— Хватит, Максим, — шепотом остановила его Эра. — Хватит. Не надо больше ничего говорить.

Парень понимающе кивнул. Взлохмаченная голова, присыпанная крупными снежинками, слегка подрагивала, а по лицу стекали не то слезы, не то капли талой воды. Он закрыл глаза.

Серые облака. Бесконечные серые облака. Тяжелые, низкие, медлительные. Облака, снег — больше ничего нет. Нет Максима, нет Эры, и сомнений нет, сожаления тоже, вообще ничего нет, кроме облаков и снега.

Резкий взмах. Свист воздуха. Эра не ожидала такой поразительной легкости удара. Понадобилось лишь небольшое усилие. Перерубить шею оказалось не труднее, чем рассечь лезвием воздух. Будто коса всё сама сделала. В долю секунды голова Максима с сочным хрустом отделилась от тела, невысоко взмыла вверх и тут же исчезла, рухнув за бортик крыши. Обезглавленное тело несколько мгновений ещё сидело в той же позе. Потом, словно осознав невозможность продолжения независимой жизни, осело на колени, а затем шлепнулось ничком к ногам девочки.

Только облака, только снег...

И кровь. Много-много крови.

Она обагрила лезвие косы и снег под ногами.

И там внизу тоже кровавый след?

Там упала отрубленная голова?

Нет, не кровь. Это просто красная тряпка, всё того же сломанного зонта.

Больше книг на сайте - Knigolub.net